

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
31 октября 2024 г.**

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
2025**

УДК 342
ББК 67.400
Ц 37

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Ц 37 **Ценности в праве в условиях модернизации общества** : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 31 октября 2024 г. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025. – 234 с.
ISBN 978-5-91776-603-4

Редколлегия:

Александров А.Н., начальник института, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Дизер О.А., заместитель начальника института (по научной работе), доктор юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Лысенко В.А., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент (ответственный секретарь);

Римский А.В., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор философских наук;

Ерыгина В.И., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат исторических наук, доцент.

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции представлены статьи, раскрывающие исторические и теоретические аспекты становления и развития советского государства и права, современное состояние российской правовой системы.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 342
ББК 67.400

ISBN 978-5-91776-603-4

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2025

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОСОЗНАНИИ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Алексеева Л.А.,

кандидат юридических наук, доцент;

Лысак М.В.

(Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова)

Аннотация: правосознание на сегодняшний день выступает одним из основополагающих аспектов жизни современного человека. В рамках рассматриваемой темы необходимо сформулировать дефиницию центральной правовой категории исследования, поскольку понятие правосознания не является нормативным, а научная литература не имеет однозначного понимания данного термина. Итак, под правосознанием полагается понимать «форму общественного сознания, совокупность представлений и чувств, выражающих отношение субъекта к праву, его принципам, нормам, учреждениям и институтам» [4, с. 131]. Необходимо отметить, что правосознание не может быть нейтральным. Положительность или же напротив отрицательность правосознания определяет его суть. Варианту со знаком «плюс» соответствует ситуация подверженности лица высокому уровню правового воспитания, развития его внутренней правовой культуры. При отрицательном варианте правосознания речь идет о том уровне, который можно ошибочно принять за нейтральный уровень развития правовой культуры, которым наделен любой член общества, имеющий посредственное воспитание в правовой среде.

Ключевые слова: правосознание, кризис сознания, правовая реальность, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой негативизм.

CHANGES IN THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY IN MODERN CONDITIONS

Alekseeva L.A.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Lysak M.V.

(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: legal consciousness today acts as one of the fundamental aspects of life of a modern person. Within the framework of the topic of the article it is necessary to formulate a definition of the central legal category of the study, since the concept of legal consciousness is not normative, and scientific literature does not have an unambiguous understanding of this term. So, under legal consciousness is supposed to understand «a form of social consciousness, a set of perceptions and feelings expressing the subject's attitude to the law, its principles, norms, institutions and institutes [4, p. 131]. It should be noted that legal consciousness cannot be neutral. The positivity or, on the contrary, negativity of legal consciousness determines its essence. The option with a 'plus' sign corresponds to the situation of a person's exposure to a high level of legal education, development of his internal legal culture. At

the negative variant of legal consciousness we are talking about the level that can be mistaken for neutral, the level of development of legal culture, which is endowed with any member of society who has a mediocre upbringing in the legal environment.

Keywords: legal consciousness, crisis of consciousness, legal reality, legal nihilism, legal infantilism, legal negativism.

Юридическая наука выделяет в качестве составляющих элементов правосознания правовую идеологию и правовую психологию. Если психология в данном случае формирует основную базу для повседневного восприятия права в своей жизни, то идеология, в свою очередь, является основой для формулировки идей, положений, установок, правовых целей и программ. Последние используются в дальнейшем для совершенствования коллективного уровня правового сознания.

Наиболее лаконичное и точное разграничение понятий правосознания и правовой культуры дает А.А. Мусурманкулова, которая утверждает, что правовая культура включает в себя так называемые «материальные придатки права» – юридические учреждения, отношения между ними, а правосознание, в свою очередь, отражает именно духовную, идеальную жизнь общества [2, с. 120].

Уровень правосознания в значительной мере подвержен влиянию социальных условий. Динамика общественных процессов вызывает закономерные изменения в правовом сознании как общества в целом, так и отдельно взятого гражданина. Достаточно сильное влияние на правосознание оказала пандемия коронавируса. Пагубным, но не до конца осознаваемым последствием нового вируса стало изменение правосознания общества.

В целях сдерживания распространения инфекции правительство предпринимало множество мер, самыми заметными из которых стали самоизоляция и цифровизация общественных отношений. Данные ограничения, повлекшие резкую смену привычного уклада жизни, стали причиной изменения в сознании человека и, закономерно, в его правосознании.

Во-первых, в условиях пандемии произошла неизбежная трансформация пирамиды потребностей человека. Долгое время теория потребностей Маслоу утверждала тезис о необходимости первоочередного удовлетворения человеком своих базовых потребностей. Однако условия карантина показали, что для нормальной жизнедеятельности члена современного общества наряду с физиологическими имеют огромное значение его социальные и духовные потребности. Для человека в условиях стресса важным стал фактор обеспечения собственного комфорта. Для одних – это возможность закупить впрок продукты питания и всегда иметь дома под рукой, а для других – возможность быстрой доставки блюд из любимых ресторанов.

Реалии самоизоляции вынуждали человека к сокращению своих социальных контактов и переводению их в online формат. Тем не менее перенесение своей жизни в цифровую реальность не смогло заменить живого общения с настоящими людьми. Особенно остро данное нововведение сказалось на людях взрослого поколения, не привыкших к постоянной работе в интернет простран-

стве. Но даже те, кто ранее имел частые онлайн контакты, не смогли достичь полноценного удовлетворения своих потребностей в дистанционном формате. Поскольку живое общение в первую очередь сообщает человеку не информацию, а именно эмоции других людей, исследователи данного вопроса отмечают высокий риск развития у людей психических расстройств в его отсутствие [5].

Деформация традиционной пирамиды потребностей вызвала кризис сознания. Результатом его для многих стали депрессия, неудовлетворенность жизнью, панические настроения, страх перед будущим. Часть граждан перестала видеть смысл в соблюдении общественных норм, если они ограничивают личность и не дают возможности удовлетворять свои потребности [1, с. 104]. Если учитывать тот факт, что правовые нормы формируются на основании устоявшихся в обществе правил, налицо кризис правосознания в обществе.

Вместе с тем вынужденная изоляция наглядно продемонстрировала широкие возможности глобальной компьютерной сети. Стремительное развитие получили онлайн-банки, онлайн-магазины и иные сервисы. Онлайн-коммерция получила мощный толчок развития одновременно с государственными услугами, которые также во многом были перенесены в цифровой формат. В этот же период произошло существенное увеличение кибер-преступности, которая на сегодняшний день является, таким же массовым явлением как преступность бытовая.

С началом специальной военной операции стало очевидно, что колоссальное влияние на правовое сознание граждан оказывают средства массовой информации и различные цифровые платформы. В целях предотвращения их негативного влияния органы государственной власти были вынуждены осуществлять более жесткий контроль за ними.

В рамках осмысления ряда факторов, оказывающих влияние на деформацию правосознания, необходимо отметить также этикоцентризм, присущий российским реалиям. К примеру, для России свойственно подчинения права различным этическим нормам – высоким нравственным и религиозным ценностям. В странах же англосаксонской традиции упор делается на личность, на преобладание культа «прав человека», а не традиций. Для россиян привычно восприятие права как аппарата агрессии, принуждения, средства ограничения свободы, а не как целесообразного принципа общественного устройства. В такой общественной позиции строгие ограничения, вносимые в жизнь обывателя государством, пусть даже и в целях общественного блага, становятся катализатором негативных настроений в развитии правового сознания личности.

В научной литературе принято выделять 5 основных форм, которые принимают проявления правовой деформации сознания личности:

1. Правовой инфантилизм.
2. Перерождение правосознания.
3. Правовой дилентализм.
4. Правовой нигилизм.
5. Правовой негативизм [3, с. 46].

На наш взгляд, принципиально новая среда для человека, выразившаяся в его фактической оторванности от общества и притеснении его основных прав на свободу передвижения, на получение и распространение информации, в пер-

вую очередь формирует в человеке проявления правового негативизма. Отрицание социальной значимости новых законодательных норм и приверженность устоям, нормам морали и обычаям выступают результатом таковой деформации. При этом нельзя исключать вероятной опасности перерождения правосознания, поскольку апогей искаженности правового сознания личности может повлечь за собой в том числе и преступный умысел.

Важнейшую роль в препятствовании процессу деформации и недопущении нигилистских настроений играет уровень правовой информированности общества. Данный аспект отмечается и на законодательном уровне. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан содержат положения о необходимости обеспечения стремительного развития системы правового просвещения в стране на всех уровнях, в том числе улучшение качества работы государственных информационно-справочных систем [3, с. 47]. Лишь в том случае, когда человеку полноценно доступна вся законодательная база, и она доступно толкуется, а также теоретически и практически обосновывается как самими законодателями, так и правоприменителями, возможно не допустить разночтения и как следствие непонимания обществом как самих норм права, так и причин их обуславливающих.

Таким образом, проанализировав практические аспекты жизни граждан в современных условиях, можно прийти к выводу, что события последних пяти лет оказали существенное влияние на изменение правовой реальности в стране, а также снизили уровень доверия граждан к государству и праву в целом. Прслеживается стойкая тенденция к трансформации правосознания личности и общества, которую необходимо взять под контроль в целях недопущения отрицательных общественных последствий. Наиболее действенным путем сдерживания негативной деформации данного института представляется проработка механизмов правового просвещения граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багреева Е.Г., Вахтуров Е.В. Изменение правосознания в условиях пандемии // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 5 (48). – С. 103–106.
2. Мусурманкулова А.В. Взаимодействие правосознания и правовой культуры // Наука, новые технологии и инновации. – 2015. – № 6. – С. 120–122.
3. Осипов Р.А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе // Вестник СГЮА. – 2020. – № 3 (134). – С. 44–48.
4. Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 215 с.
5. Виловатых А. Вероятные последствия пандемии нового коронавируса [Электронный ресурс]. – URL: <https://riss.ru/> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Астафурова Е. Уровень доверия к государству у россиян упал до 61 % во время кризиса из-за пандемии [Электронный ресурс]. – URL: <https://openmedia.io/news/n1/> (дата обращения: 15.04.2022).

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ КАК ФАКТОРА УКРЕПЛЕНИЯ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Асеев А.А.,

кандидат исторических наук, доцент
(Барнаульский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматриваются основные моменты истории развития идеологии со времен зарождения древнерусской государственности и письменности в X веке и до современности. Анализируется влияние идеологии на укрепление основ государства, ее важность в формировании традиционных духовно-нравственных ценностей, угрозы, стоящие перед обществом, утратившим идейные основы, современное состояние идеологической сферы.

Ключевые слова: история развития государственной идеологии, идеи развития, укрепление государственности, стратегия развития.

A BRIEF HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF IDEOLOGY IN RUSSIA AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE FOUNDATIONS OF STATEHOOD

Aseev A.A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Barnaul Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the main points of the history of the development of ideology from the time of the origin of ancient Russian statehood and writing in the X century to the present. The influence of ideology on strengthening the foundations of the state, its importance in the formation of traditional spiritual and moral values, the threats facing a society that has lost its ideological foundations, the current state of the ideological sphere are considered.

Keywords: the history of the development of state ideology, ideas of development, strengthening of statehood, development strategy.

Успешное развитие любого государства неразрывно связано с целеполаганием, идеологическими установками, отвечающими обществу на вопрос: «Куда, зачем и к чему мы движемся?». Созидательные и справедливые идеи развития объединяли народ, находя поддержку подавляющего большинства общества, его групп, классов, слоев.

Российская государственность, начиная с X века, прошла сложный путь своего становления и развития, имея первоначально в качестве духовно-религиозной основы язычество, а затем православие, ставшее идеологической платформой после крещения княгини Ольги в 957 году и принятия христианства на государственном уровне киевским князем Владимиром Святославичем

в 988 году, признанных позднее за это во 2 половине XIII в. и XVI в. равноапостольными. Принятие и распространение православного христианства стало основой древнерусской государственности, точкой понимания России как государства-цивилизации. Появление церковнославянской письменности, другого важнейшего признака развитой государственности, связанной с деятельностью святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, дает нам возможность представить и реконструировать образы прошлого.

С современной позиции исследователя сложно говорить об идеологии в Древней Руси без обращения к дошедшим до нас древнерусским источникам. Военно-политическое противостояние наследников Ярослава Мудрого после его смерти в 1054 году и господствовавший «лествичный» принцип наследования власти, выделение уделов наследникам, не способствовало возможности сохранения единого государства и выработке общегосударственной идеологии. В это время православие являлось по сути единственной идеологической платформой, на которой в дальнейшем, по мере централизации земель начали появляться элементы русской суверенной государственности, оформившейся в ядро для будущей Московской Руси и Российской Империи в тяжелейшей внутренней и внешней борьбе в эпоху Василия II Темного и его сына Ивана III.

Первым произведением, связанным со становлением государственной идеологии, где присутствовала похвала княжеской власти, а именно великому киевскому князю Владимиру Святославичу и его бабушке княгине Ольге, стало «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. В нем воспеваются роль Владимира как создателя сильной государственности, утвердившего крест (принявшего православие), утверждаются идеи крепкой власти, рисуется образ Владимира Крестителя как единодержца (самодержца), покорявшего земли вокруг как миром, так и силой (мечем).

Развитие идей древнерусской государственности продолжается в «Сказании о Борисе и Глебе», первых русских святых. Произведение появилось по разным оценкам во 2 половине XI – начале XII века, не только как восхваление подло убитых Бориса и Глеба, но и как осуждение междоусобных распрей князей, как проводник идей укрепления и сохранения единства русских земель.

Большое поучительное наследство для потомков оставил Владимир Мономах (1053–1125), последний с его преемником Мстиславом Великим (1076–1132) князь, оказывавший реальное влияние на общерусском уровне на поддержание единства древнерусских княжеств, как носитель титула великого князя киевского. Его замечательное произведение «Поучение Владимира Мономаха», дошедшее до нас в списке Лаврентьевской летописи, прекрасно реконструирует политическую картину событий в русских княжествах второй половины XI – первой четверти XII веков, хорошо изученную в отечественной историографии [7, с. 239], представляя по сути политическое завещание, обращение к потомкам, с целью не допустить смут, междоусобиц, а также рекомендации по государственному строительству, укреплению власти. В основе Поучения лежало христианское отношение к действительности и ответственность перед Богом за свои поступки. Не случайно большинство современных исследователей считают Мономаха одним из первых правителей, использовавших возможности

письменных источников для идеологического укрепления власти, осознавая ее влияние на современников и потомков.

Важным источником, позволяющим судить о представлениях наших предков, является «Слово о князьях», появившееся, вероятно, в последней трети XII века. Основной сюжет – это губительные княжеские междоусобицы, разрушающие русские земли, несоблюдение взаимных обязательств князьями.

Эта же мысль о пагубности княжеских усобиц, трагичных для русской земли, продолжена и в величайшем творении древнерусской литературы «Слове о полку Игореве».

Именно в недрах подобных произведений мы можем увидеть прообразы будущей идеологии, в основе которой будет лежать понимание необходимости единства русских земель как основы строительства сильной державы и прочного мира внутри.

Период древней истории, связанный с монголо-татарским нашествием и установлением зависимости от Золотой Орды, один из интересных в плане формирования понимания идеологической картины, господствовавшей в кругах русской знати и духовенства, о котором нам дают представления литературные памятники XIII–XIV веков «Слово о гибели русской земли», «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича», «Повесть о Темир Аксаке» и другие. Если первое проникнуто трагизмом гибели русской земли, то последующие идеями необходимости сильной великокняжеской власти, возвышения Москвы как центра русских земель. Огромное влияние на мировоззрение наших предков оказал переезд в 1325 году по просьбе Ивана I Калиты кафедры митрополита Петра из Владимира в Москву и затем перенос великим московским князем Василием I из Владимира в Москву в 1395 году Владимирской иконы Божьей Матери во время угрозы полномасштабного вторжения Тамерлана в северо-восточную Русь. Для современного человека это может показаться незначительными эпизодами истории, на деле же это были гигантские шаги в деле строительства государственной идеологии и централизации.

Эпохальные события, повлиявшие на складывание государственной идеологии, происходили с периода великого княжения Ивана III с 1462 года и на протяжении XVI века. Прекращение феодальных войн в русских землях, брак Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI Палеолога, в 1472 году, подчинение Новгорода в 1477–1478 годах, окончательная ликвидация зависимости Московской Руси от осколков Золотой Орды – Большой Орды в 1480 году, издание общерусского Судебника 1497 года, начало создания централизованных органов управления – приказов, развитие служилого дворянства – опоры центральной власти, ознаменовало новый этап в развитии государственности. Идеологическим выражением этих перемен принято считать идеи монаха Филофея Псковского, изложенные в начале 20-х годов XVI века Василию III, воплотившиеся затем в формулу – «Москва – третий Рим» как политический и религиозный центр мира. Венчание Ивана IV на царство в 1547 году определило качественные изменения в идеологии и строительстве Московского Царства как крупнейшей мировой державы.

Тяжелым испытанием для нашей государственности стало смутное время, начавшееся с пресечения династии Рюриковичей, порожденное целым рядом причин. Спасение государственности стало возможным только благодаря деятельности как отдельных представителей высших кругов К. Минина, Д. Пожарского, М. Скопина-Шуйского, Д. Трубецкого, П. Ляпунова, так и народных масс, организованных ими, ставших движущей силой первого и второго ополчения.

Выход из смутного времени, ликвидация его последствий, укрепление идеологических основ государства проходил в сложных внутривластных и внешнеполитических реалиях для династии Романовых. Одним из главных в идеологической сфере стал конфликт между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем Тишайшим в вопросе приоритета светской и духовной власти. Борьба закончилась поражением Никона [11, с. 66] и приматом светской власти над духовной. Все это было довершено Петром I в 1700 году фактической ликвидацией патриаршества и учреждением Святейшего Синода в 1721 году. Апогеем могущества светской власти стало принятие Петром I титула Императора в 1721 году после победоносного для России завершения изнурительной Северной войны. Идеологическое обоснование этого подготовил сподвижник Петра I Феофан Прокопович [4, с. 59–60], выступавший за необходимость абсолютной монархии которая обеспечивала мир, благополучие и общую пользу людям.

Первая попытка создания официальной идеологии была связана с правлением императора Николая I (1825–1855) и деятельностью министра народного просвещения Российской империи С.С. Уварова, изложившего свои мысли в записке императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения». С запиской Николай I ознакомился 19 ноября 1833 года. С.С. Уваров указал три главных идеи, без которых Россия «не может благоденствовать, усиливаться, жить: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность.» [9, с. 70–72]. Практическое выражение записка нашла в формуле, именуемой в науке теорией официальной народности «Самодержавие, Православие, Народность». Хотя ее и считают доктриной самодержавия, официально (юридически) в документах она нигде не закреплялась и напрямую не звучала в царских указах в качестве основной и определяющей и приобрела известность в ходе публичных и научных дискуссий.

Политические и социально-экономические потрясения начала XX века привели к смене исторической парадигмы, коренным образом повлияли на российскую государственность, провозгласившую социалистические идеалы развития общества: справедливости, равенства, прогресса, созидания, творчества. Созданная в СССР система доказала свою жизнеспособность, построив за 15 лет передовую экономику и выстояв в страшной войне.

После Второй мировой войны в СССР продолжился поиск фундаментальных ориентиров развития, что выразилось в принятии в октябре 1961 года XXII съездом КПСС новой программы КПСС. Цель программы была глобальной – построение основ коммунизма в ближайшие два десятилетия [8, с. 229–335].

Изменения в политическом руководстве СССР в октябре 1964 года ознаменовали постепенную коррекцию целей развития общества и государства. Так, уже в материалах XXIII съезда КПСС появляются формулировки «зрелый социализм», «полное построение социализма». В ноябре 1967 года Л.И. Брежнев озвучил тезис, касающийся теории «развитого социализма» [10, с. 29–30].

Важным этапом в идеологическом развитии и целеполагающих установках стала Конституция СССР 1977 года, нормативно закрепившая такие понятия, как «развитое социалистическое общество», признававшееся закономерным этапом на пути к коммунизму.

Главными задачами были обозначены: создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социалистических отношений в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества [5, с. 5–10].

Реализация этих идей была прервана начавшейся горбачевской «перестройкой», предложившей другие идеи. На XXVII съезде предшествовавшее время было объявлено «эпохой застоя», внедряя это клише через подконтрольные СМИ и кабинетных ученых в массовое сознание простых граждан СССР, устойчиво формируя негативное отношение к прошлым достижениям. Здесь невольно вновь вспоминаешь слова академика М.Н. Покровского: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». Перестроечные идеи (так и не воплотившиеся в конкретную программу) модернизации социализма и государственности: гласность, создание нового облика социализма, ускорение, плюрализм, новое политическое мышление, общечеловеческие ценности привели к катастрофе мирового масштаба. Создание однополярного мира разрушило систему сдержек и противовесов, ввергнув мир в пучину противоречий, конфликтов, войн.

Последствия катастрофы, вызванной перестройкой, мы еще долго будем ощущать. Проявлением этого является стремление наших противников задвинуть Россию дальше на второстепенные роли, разжечь как можно больше конфликтов (события на Украине – также последствия перестройки и национального строительства 20–30-х годов XX века) на бывшем пространстве Российской империи и СССР, чему мы, безусловно, должны противостоять.

Что сегодня происходит в сфере идеологии в России? В первую очередь, говоря о выработке государственных идей, идеологии мы входим в противоречие с ч. 2. ст. 13 Конституции Российской Федерации – «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Несмотря на это, большой шаг для изменения существующего порядка вещей сделан в ходе конституционной реформы 2020 года. Конституция была дополнена важнейшей статьей 67.1, ставшей неофициальной идеологической основой возрождения, в тексте появились слова – патриотизм, вера в Бога, подвиг народа, историческая правда, защита Отечества, немыслимые для 90-х годов, когда упование части политических кругов на либеральные идеи в западной версии вели к дальнейшему ослаблению государственности, что выразилось во внутреннем

сепаратизме, создании дуги напряженности по периметру России из бывших государств членов СССР, ставших карточной колодой и проводниками воли в играх США. Поэтому очень важно сегодня со стороны государства, политического руководства предложить цель, которая станет притягательной для большинства населения России.

О значении идеи в развитии общества и государства высказался в своем интервью Федеральному агентству новостей в августе 2021 года известный отечественный экономист, политик С.Ю. Глазьев: «Да, идеи правят миром. И без идеологии ни одно общество, ни одно государство не обходятся. Когда декларируется отсутствие идеологии, это означает власть денег» [1].

По мнению профессора Д.В. Грибанова, для сохранения и развития государства важна ясно сформулированная объединяющая идея, позволяющая конкретному народу, нации, государству понимать смысл своего бытия, как определенной исторической общности [3, с. 12].

Таким образом, в развитии идеологии, неразрывно связанной с государственностью, призванной стать основой (целью) для развития России в разных эпохах, можно выделить следующие этапы и их основное содержание:

1. X – 1 треть XIII веков основой идеологических воззрений являлось православное понимание мира, исконные славянские и византийские традиции представления о власти, мысли о необходимости единой, сильной власти и пагубности внутренних междоусобиц.

2. 1237 г. – 1 половина XIV века – период наиболее сильной зависимости от Золотой Орды, выразившейся в частичном переносе внутреннего и внешнего суверенитета отдельных русских земель в ставку хана Золотой Орды. Этап формирования идей, ставших предпосылкой для будущей идеологии обретения самостоятельной государственности русскими землями.

3. 2-я половина XIV – 3 четверть XV веков – борьба за создание независимой русской государственности во главе с северо-восточными русскими землями Московского княжества, приоритет идей единства и преемственности власти московских князей.

4. 4-я четверть XV – 1598 годы – окончательная ликвидация остатков формальной зависимости от Золотой Орды (Большой Орды), оформление царской власти, создание основы Русского государства, ставшего ядром будущей Российской Империи.

5. 1598–1613 годы – пресечение династии Рюриковичей, смутное время, самозванство и иностранная интервенция. Угроза утраты русской государственности.

6. 1613–1689 годы – возрождение российской государственности, укрепление идеологии, идей превосходства светской власти над духовной.

7. 1689–1905 годы – наибольший расцвет могущества российской государственности, ее трансформация в имперскую идеологию, секуляризация церкви, теория «официальной народности».

8. 1905–1917 годы – нарастание кризиса государственной идеологии самодержавия, крах Российской Империи и монархии.

9. 1917–1985 годы – создание новой идеологической парадигмы, построение социалистической государственности в СССР, период выдающихся достижений.

10. 1985–1991 годы – внутренняя трансформация идеологии в недрах высшего руководства КПСС, «революция сверху», приведшая к уникальному явлению в истории – ликвидации СССР и нарушению мирового баланса сил.

11. 1991–2000 годы – кризис российской государственности и идеологии, торжество крайних либеральных идей в западноевропейской редакции. Отрицание государственной идеологии, патриотизма, Отечества, традиционных ценностей, уникальной истории, опыта предков, угроза существования российской государственности, расцвет ультранационализма.

12. 2000–2014 годы – преодоление последствий внутренней идеологической трансформации позднего СССР и либеральной идеологии 1990-х годов XX века, кризис либеральной идеологии построения общества и государства в России.

13. 2014 год – по настоящее время – преодоление идеологического кризиса, построение новой идеологии на основе понимания России как государства-цивилизации. Возрождение и развитие фундаментальных основ российской государственности: традиционных ценностей, патриотизма, справедливости, коллективизма, исторической памяти, крепкой семьи, многодетности, созидательного труда, православия и традиционных религий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глазьев С.Ю. Идеи правят миром [Электронный ресурс]. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/> (дата обращения: 11.10.2024).

2. Гольцов В.И. Официальная идеология самодержавия XIX – начала XX вв. // Исторический вестник. – 2021. – Т. XXXIX. – С. 12–55.

3. Грибанов Д.В., Митин А.Н. К вопросу о значимости объединяющей идеи в современной российской государственности // Актуальные проблемы государственного строительства. – 2022. – № 4 (65). – С. 12.

4. Злобин А.Н. Принятие Петром I императорского титула в контексте эволюции представлений о государственной власти / Личность, общество, власть: прошлое и современность: материалы Двенадцатой региональной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Глазьева. – 2018. – С. 55–61.

5. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года). – Москва: Политиздат, 1977. – 127 с.

6. Лихачев Д.С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. – ТОДРЛ, Т. X. – Москва, 1954. С. 87–90.

7. Мильков В.В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них // Институт философии РАН. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2017. – № 8. – С. 239–258.

8. Программа Коммунистической партии Советского Союза [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. Т. III. – Москва, 1962. – С. 229–335.

9. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 1833 г. // Река времен. Вып. 1. – Москва, 1995. – С. 70–72.

10. Синицын Ф.Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2022. Т. 22, вып. 1. – С. 29–39.

11. Яшина М.А., Худобородов А.Л. Государственно-церковные отношения России в середине XVII века: от симфонии к конфликту // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т. 17. – № 1. С. 63–67.

НАЛОГ НА БЕЗДЕТНОСТЬ: ОПЫТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Богданов Е.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается опыт советского государства по преодолению демографического кризиса, возникшего в стране в послевоенные годы. Советский законодатель использовал механизм системы налогообложения в целях стимулирования рождаемости. В 1941 году был утвержден так называемый «налог на бездетность» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР»). Автор пришел к выводу, что для современной России необходимо модернизировать систему льгот и поддержки института семьи, материнства и детства.

Ключевые слова: демография, советское государство, законотворчество, налогообложение, налог на бездетность, история, право.

CHILDLESSNESS TAX: THE EXPERIENCE OF THE SOVIET UNION

Bogdanov E.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article deals with the experience of the Soviet state in overcoming the demographic crisis that emerged in the country in the post-war years. The Soviet legislator used the mechanism of the taxation system to stimulate the birth rate. In 1941, the so-called “tax on childlessness” was approved (Decree of the Presidium

of the Supreme Soviet of the USSR of November 21, 1941 “On the tax on bachelors, single and childless citizens of the USSR”). The author concluded that for modern Russia it is necessary to modernize the system of benefits and support for the institution of family, motherhood and childhood.

Keywords: demography, Soviet state, lawmaking, taxation, childlessness tax, history, law.

Демографическая проблема, с которой сталкивается современная Россия, является одной из наиболее серьезных и острых проблем в обществе. Низкий уровень рождаемости требует немедленных и долгосрочных решений. На протяжении своего исторического развития российское государство неоднократно сталкивалось с данной проблемой. Примечателен опыт советской России в решении демографического кризиса, который возник после Великой Отечественной войны. Советский законодатель использовал механизм налогообложения, чтобы стимулировать рождаемость в стране [6].

В 1941 году Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» [7], в котором указывались категории граждан, облагаемых налогом, граждане, освобождаемые от уплаты налога, сроки и размер налога. Налогообложению подлежали «одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 до 45 лет» (ст. 2) [7].

При этом стоит отметить, что также указывался перечень лиц, которые освобождались от налогообложения на бездетность, к ним относились:

- а) военнослужащие и их жены;
- б) учащиеся средних и высших учебных заведений мужчины в возрасте до 25 лет и женщины в возрасте до 23 лет;
- в) пенсионеры;
- г) лица обоего пола, если им или их супругам по состоянию здоровья, в соответствии с решением врачебной комиссии, противопоказано деторождение [7].

Сумма «налога на холостяков» прямо коррелировалась с размером заработной платы бездетных граждан. Так, при заработной плате в 300 рублей в месяц сумма налоговой выплаты составляла 10 рублей в месяц. Уплата налога, согласно вышеуказанному документу, прекращалась при рождении детей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия звания «мать-героиня» и учреждении ордена «материнская слава» и медали «медаль материнства» [2] были внесены некоторые нормативные новшества в указанную налоговую практику. Так, налоговые ставки для одиноких граждан и бездетных семей в городской местности выросли почти вдвое и стали достигать 6%. Для работников колхозов и граждан, занимавшихся единоличным сельским хозяйством, налоговые ставки по бездетности были фиксированными – 150 рублей в год. При наличии в

сельской семье одного ребенка ставка равнялась 50 рублям, а если в указанной семье было двое детей – 25 рублям [5]. В то же время на представителей творческих профессий возлагалась обязанность уплаты «налога на бездетность» 6% от всех доходов, как и тех граждан, которые занимались индивидуальной хозяйственной и иной деятельностью. «Самозанятыми» налоговые выплаты «по бездетности» осуществлялись раз в квартал равными частями.

Необходимость введения так называемого «налога на бездетность» была обусловлена острым демографическим положением советского государства в военный период, перспектива которого была направлена на повышение численности населения в послевоенный период, для восстановления страны, посредством увеличения количества рабочей силы.

Однако Е.Ю. Зубкова придерживается мнения, «что первые годы после окончания войны – не самое благоприятное время для воплощения идей, так или иначе направленных против существующей власти» [3].

По мнению Н.В. Бондаренко, причинами принятия и утверждения «налога на бездетность» являлись:

1. Значительное и резкое уменьшение количества советских граждан из-за высокой смертности на фронте.
2. Необходимость реформирования бюджета страны, с целью его милитаризации [1].

Говоря о сущности «налога на бездетность», стоит отметить, что он также существовал и в развитых в то время странах, однако значительно отличался принцип его реализации, так как зарубежные страны не только вводили налогообложение граждан, но и систему социальных льгот и гарантий, способствующих повышению демографии страны. СССР же планировал постепенное снижение ставки для определенных категорий граждан и областей с хорошими демографическими показателями, что и случилось, но только к 1 июля 1990 года.

Рассматривая данный механизм повышения демографии, существовавший в советском государстве в качестве опыта для его перспективного внедрения в современной России, следует отметить, что он оправдывал свое существование лишь на рассматриваемый исторический период, поскольку в результате Великой Отечественной войны государству требовалось оперативно и всеми способами обеспечить повышение демографических показателей. При этом историки также отмечают, что налог преследовал также цель снижения внебрачных отношений [4].

Таким образом, исторический опыт существования «налога на бездетность» в советский период показал, что в случае планомерного развития государства и общества его наличие не принесет никаких результатов, а его внедрение может быть обусловлено лишь важными и переломными факторами, препятствующими повышению демографии в стране. В современной России активно ведется деятельность по внедрению и улучшению льгот как для молодых семей, так и для женщин, родивших ребенка. И в случае необходимости следует не вводить налогообложение, а направлять силы и средства для модернизации льгот со стороны государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белоус А.В., Бороденко Н.В. Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации // Юридические науки. – 2021. – № 6–2. – С. 125–127.
2. Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник / отв. ред. О.А. Ржевский. – Москва: Политиздат, 1990. – 463 с.
3. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 299 с.
4. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. – 4-е изд., стер. – Москва: Норма: ИНФРАМ, 2020. – 800 с.
5. Марискин О.И. Налоги в России. История и современность. – Саранск: ИСИ 2008. – 335 с.
6. Пономарёв И.Н. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942 гг. – Ленинград: Лениздат, 1942. – 232 с.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» / Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938–1944 гг. – Москва: Ведомости Верховного совета СССР, 1945. – С. 177–178.

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Буняева К.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина);

Зайцев В.А.,

кандидат юридических наук

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: традиционные семейные ценности в современном российском обществе – это сложная и многогранная тема, вызывающая активные дискуссии и неоднозначные интерпретации. Понимание того, что подразумевается под «традиционными семейными ценностями» само по себе является предметом споров. Для одних – это патриархальная модель семьи с четким разделением ролей, сильной властью главы семьи и подчинением жены и детей, для других – это прежде всего любовь, взаимное уважение, поддержка и совместное воспитание детей вне зависимости от распределения ролей.

В России семья традиционно рассматривается как основа общества. Почти все россияне считают семью важной частью своей жизни, и поддержание близких отношений с родственниками является приоритетом.

Традиционные семейные ценности в современном российском обществе продолжают играть важную роль, несмотря на изменения, происходящие в обществе и культуре. В России семья традиционно рассматривается как основа социальной структуры. Многие люди ценят близкие семейные связи и поддержку, которые они получают от родных.

Ключевые слова: семья, современное общество, семейные ценности, традиционные семейные ценности, приоритет семейных ценностей, воспитание детей.

TRADITIONAL FAMILY VALUES IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Bunyaeva K.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

Zaitsev V.A.,

Candidate of Law

(S. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: traditional family values in modern Russian society are a complex and multifaceted topic that causes active discussions and ambiguous interpretations. Understanding what is meant by "traditional family values" is itself a matter of debate. For some, this is a patriarchal family model with a clear division of roles, strong authority of the head of the family and subordination of the wife and children, for others, it is primarily love, mutual respect, support and joint upbringing of children, regardless of the distribution of roles.

In Russia, the family is traditionally regarded as the foundation of society. Almost all Russians consider family to be an important part of their lives, and maintaining close relationships with relatives is a priority.

Traditional family values in modern Russian society continue to play an important role, despite the changes taking place in society and culture. In Russia, the family is traditionally considered as the basis of a social structure. Many people appreciate the close family ties and support they receive from their relatives.

Keywords: family, modern society, family values, traditional family values, priority of family values, upbringing of children.

Понятие «ценность» действительно имеет множество значений и интерпретаций в разных контекстах и науках. В философии ценности часто рассматриваются как основные принципы или идеалы, которые определяют поведение и моральные нормы человека. Этические теории, такие как утилитаризм или деонтология, исследуют, какие действия считаются «правильными» или «неправильными» в зависимости от ценностей.

Социологи изучают ценности как элементы культуры, которые объединяют людей в группы и общества. Ценности могут варьироваться от одной культуры к другой и влиять на социальные нормы и поведение.

В психологии ценности рассматриваются как внутренние убеждения и предпочтения, которые влияют на принятие решений и поведение человека. Исследования показывают, что личные ценности могут определять уровень счастья и удовлетворенности жизнью.

В экономике ценность часто связывается с понятием полезности и спроса на товары и услуги. Ценности потребителей могут влиять на рыночные тренды и экономическое поведение.

В политологии ценности играют важную роль в формировании идеологий и политических движений. Они могут определять взгляды на власть, справедливость и права человека.

Таким образом, ценности – это многогранное понятие, которое охватывает различные аспекты человеческой жизни и взаимодействия. Каждая наука предлагает свой взгляд на то, как ценности формируются, изменяются и влияют на общество и индивидуумов.

Семейные ценности в настоящее время претерпевают изменения в ответ на социальные, культурные и экономические изменения. В последние десятилетия наблюдается рост разнообразия семейных структур. Традиционные модели семьи, такие как нуклеарная семья (мать, отец и дети), уступают место более разнообразным формам, включая однополые семьи, семьи с детьми от предыдущих браков и другие варианты. Это разнообразие влияет на представления о семейных ценностях.

С увеличением числа женщин, активно участвующих в рабочей силе и занимающих руководящие позиции, меняется и распределение ролей в семье. Современные семьи все чаще стремятся к равенству в принятии решений, что влияет на приоритеты и ценности, такие как партнерство и сотрудничество.

Развитие технологий изменяет способы общения и взаимодействия внутри семьи. Социальные сети и мессенджеры позволяют поддерживать связь на расстоянии, но также могут создавать вызовы, связанные с качеством общения и временем, проводимым вместе.

Современные подходы к воспитанию детей акцентируют внимание на эмоциональном интеллекте и психическом здоровье. Родители все чаще стремятся создать атмосферу поддержки и понимания, что меняет традиционные представления о дисциплине и авторитете.

Глобализация и миграция приносят новые культурные элементы в семейную жизнь, что может обогащать семейные ценности или вызывать конфликты между традиционными и современными взглядами.

Экономические условия также влияют на семейные ценности. Финансовая нестабильность может привести к переосмыслению приоритетов, таких как важность материального благополучия по сравнению с эмоциональным комфортом и временем, проведенным вместе.

В результате этих изменений современные семейные ценности становятся более гибкими и адаптивными. Они могут включать в себя взаимопомощь, уважение к индивидуальности каждого члена семьи, открытость к новым идеям и традициям, а также стремление к совместному развитию и благополучию.

Традиционно в российской семье женщины часто берут на себя обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, в то время как мужчины считаются основными кормильцами. Однако эти роли постепенно меняются, и все больше мужчин участвуют в домашних делах и воспитании детей. Традиционные семейные ценности представлены на рисунке 1.

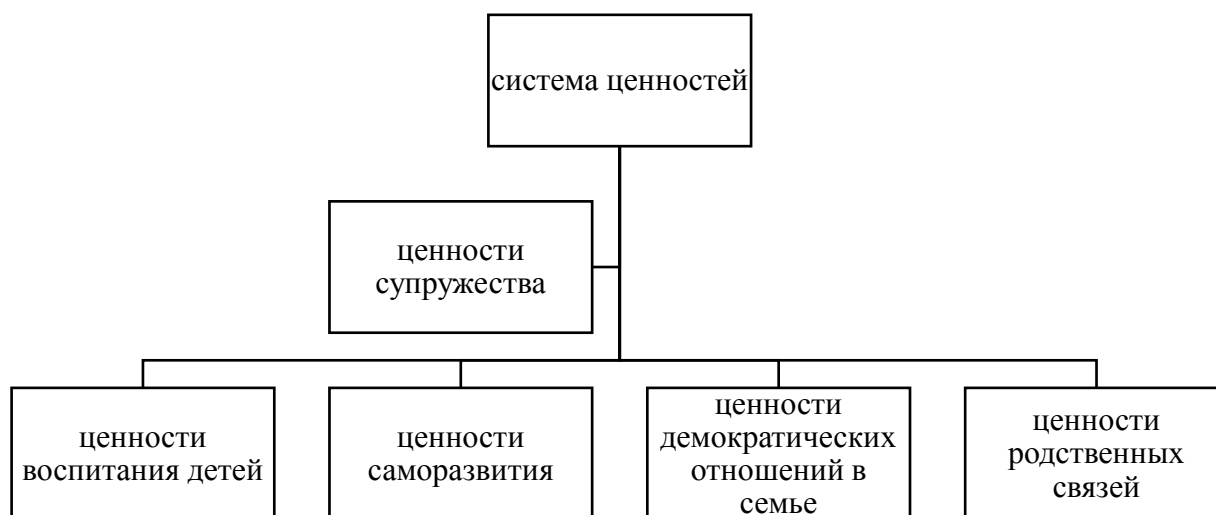

Рисунок 1. Традиционные семейные ценности

Традиционный семейный уклад претерпел серьезные изменения под влиянием объективных причин, вызванных изменением социально-экономических условий жизни людей [8, с. 24].

Согласно поправке к статье 114 Конституции Российской Федерации вводится понятие «традиционные семейные ценности», которые государство обязуется укреплять и поддерживать» [1].

По словам М.Н. Макаровой, «приоритет семейных ценностей в российской государственной политике противопоставляется, в частности, предыдущим задачам государственного строительства, когда решение проблем семьи не было первостепенным, а также условиям жизни людей в 1990-е гг., когда проблемы у людей были другими: работы не было, с зарплатой были проблемы, пенсия с перебоями» [5, с. 96].

И. Акимов пишет, что «нормы, связанные с семьей, были отражены ровно так, как они сегодня записаны в статьях. Этими тенденциями объясняется также рост числа разводов, снижение рождаемости и роста социального сиротства» [4]. Поэтому в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. «указывается на необходимость не только «сохранения», но и «восстановления» традиционных семейных ценностей» [3].

Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации отмечается, что «семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства, что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищенности, надежности» [2].

А.Н. Митин отмечает, «согласно одной из классификаций, с которой нельзя в полной мере согласиться, в семейных отношениях предлагается рассматривать роли по сферам ответственности супругов – «ответственный за материальное обеспечение семьи», роль «ответственного по уходу за детьми», «ответственного за поддержание родственных связей», «организатора развлечений», «роль психотерапевта» и др.» [6].

В некоторых семьях сохраняются традиционные роли, где мужчина является добытчиком, а женщина – хранительницей домашнего очага. Однако в последние годы наблюдается тенденция к более равноправным отношениям.

Члены семьи часто помогают друг другу в трудные времена, что укрепляет семейные узы. Это может проявляться в финансовой поддержке, помощи в воспитании детей или уходе за пожилыми родственниками.

Семейные праздники, такие как Новый год, дни рождения и юбилеи, играют важную роль в укреплении связей между членами семьи. Традиции, передаваемые из поколения в поколение, также сохраняются и обогащаются новыми элементами.

Современные тенденции, а именно увеличение числа разводов, развитие альтернативных форм семейных отношений (например, однополые пары) и изменение взглядов на родительство, влияют на традиционные представления о семье.

Родители стремятся обеспечить своим детям хорошее образование и возможности для карьерного роста, что иногда приводит к изменению приоритетов в семье.

Современное российское общество переживает значительные изменения, влияющие на традиционные семейные ценности (см. рис. 2):

Урбанизация и миграция	• Переезд в город, разлука с семьей, а также миграция приводят к ослаблению традиционных семейных связей
Экономические факторы	• Экономические трудности влияют на возможности создания и содержания семьи, увеличивая нагрузку на супругов и усложняя воспитание детей
Изменение гендерных ролей	• Традиционное разделение ролей меняется, женщины все чаще строят успешную карьеру, а мужчины принимают более активное участие в бытовой и воспитательной работе
Либерализация нравов	• Изменения в общественном мнении приводят к более терпимому отношению к различным формам семейных отношений и жизненным стилям

Рисунок 2. Изменения, влияющие на традиционные семейные ценности

Традиционно российская семья предполагает взаимопомощь и поддержку в трудные времена. Члены семьи часто помогают друг другу как материально, так и морально.

Религия и духовность также играют свою роль в формировании семейных ценностей. Для многих семей важным аспектом является участие в религиозных обрядах и праздниках.

Несмотря на влияние глобализации и изменения в обществе, традиционные семейные ценности продолжают сохранять свое значение для многих россиян. Тем не менее важно учитывать, что каждая семья уникальна, и взгляды на семейные ценности могут варьироваться в зависимости от региона, образования и других факторов.

Таким образом, традиционные семейные ценности в России продолжают существовать, но они адаптируются к современным реалиям и вызовам.

В заключение следует отметить, традиционные семейные ценности в современном российском обществе находятся в процессе динамичного изменения и переосмысления. Сохранение некоторых традиций сочетается с приспособлением к изменяющимся условиям современной жизни. Понимание этих процессов необходимо для разработки эффективной социальной политики и обеспечения благополучия семей в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020, 4 июля.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/>.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Акимов И. Семья и все, что с ней связано – ключевая ценность для россиян. Почему важно дополнить положение в Конституции о социальном государстве и статусе семьи [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/19/12967567.shtm>
5. Макарова М.Н. Репрезентация «традиционных ценностей» в российском политико-публичном поле (на примере дискурс-анализа семейных ценностей) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 3. – С. 96–109.
6. Митин А.Н. Традиционные семейные ценности в контексте укрепления российской государственности Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы II Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 157–162.
7. Тронь О.С. Семейные ценности как важный фактор традиционных ценностей российского общества Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань, 2024. – С. 815–819.
8. Krasilova I.E., Kotova E.G. Formation of a respectful attitude towards traditional family values in foreign language lessons at school // Actual Problems of Pedagogy and Psychology. – 2024. – Т. 5. – № 4. – С. 24–30.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МВД СССР

Васильев В.В.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: организация работы по воспитанию морально-нравственных ценностей у военнослужащих внутренних войск МВД СССР была на уровне современных требований того времени и обеспечивала качественное выполнение задач, поставленных перед ними Советским государством. При этом опыт этой работы активно востребован и сегодня и активно используется на современном этапе развития Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, СССР, партийно-политическая работа, внутренние войска, ЦК КПСС.

EXPERIENCE OF PARTY AND POLITICAL WORK IN THE INTERNAL TROOPS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR

Vasiliev V.V.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the organization of work on the education of moral and ethical values in the servicemen of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR was at the level of modern requirements of that time and ensured the high-quality fulfillment of the tasks set before them by the Soviet state. At the same time, the experience of this work is actively in demand today and is used at the present stage of development of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, the USSR, party-political work, internal troops, the CPSU Central Committee.

В более чем тысячелетней истории нашего государства особое место занимает так называемый советский период. В это время Россия (в формате Советского Союза) после катастрофических последствий двух революций, гражданской и мировых войн вновь стала одной из самых могущественных держав мира. Одним из решающих факторов этих достижений стал народ, его мужество, патриотизм, трудолюбие и высокие качества. Именно эти ценности всегда были присущи и нашим предкам и нашим современникам. А опыт проведения специальной военной операции еще раз подтверждает эту аксиому.

В Советском Союзе проблемам политико-морального воспитания советских граждан всегда уделялось много внимания, при этом высшей целью данной политики было воспитание нового человека. Основные положения морально-политического воспитания, формы и методы его реализации содержались в программных документах Коммунистической партии Советского Союза, решениях съездов КПСС [1, с. 125].

Особое внимание уделялось организации и проведению воспитательной работы в вооруженных силах, внутренних и пограничных войсках. Коммунистическая партия всегда считала эту работу мощным средством морального сплочения личного состава, привития ему необходимых нравственных ценностей.

Комплекс воспитательных мероприятий с военнослужащими вошел в историю нашей армии под названием партийно-политическая работа (далее – ППР). При этом воспитание воинов было лишь частью этой деятельности. Основной целью и главной задачей этой работы было проведение мероприятий по реализации политики коммунистической партии в вооруженных силах.

ППР – это система работы по руководству политическими органами, армейскими и флотскими партийными и комсомольскими организациями, обеспечению партийного влияния на все стороны жизни личного состава войск, направлению деятельности полторганов, партийных организаций на повышение боевой готовности войск, укрепление воинской дисциплины и политико-морального состояния личного состава.

На завершающих этапах истории Советского государства партийно-политическая работа определялась как обязательные занятия по партийно-политической подготовке военнослужащих Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск СССР, а также курсантов военных училищ и студентов вузов, обучающихся на военных кафедрах при них [2].

Руководило этой деятельностью Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, которое действовало на правах отдела ЦК КПСС.

Примечательно, что в основу работы по воспитанию и привитию морально-нравственных ценностей советским воинам легли положения Морального кодекса строителя коммунизма. Текст Кодекса был включен в Программу КПСС, которая была принята на XXII съезде партии в 1961 году и содержался в 5 главе «Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры». Он содержал такие нравственные принципы, как любовь к Родине, добросовестный труд на благо общества, высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни, взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей и ряд других положений идеологического характера.

Характерно, что многие из этих положений в дальнейшем были закреплены в общевоинских Уставах Вооруженных Сил СССР и иных нормативных правовых актах Министерства обороны СССР и МВД СССР.

Сегодня эти ценности стали еще более актуальны. Не случайно в 2011 году Президент Российской Федерации В.В. Путин посетовал, что «мы утратили определенные ценности советского периода, связанные с кодексом строителя коммунизма», назвав его «выдержками из Библии» [3]. А в 2016 году В.В. Путин похвалил Моральный кодекс, заявив, что ему нравятся коммунистические и социалистические (библейские) идеи в этом кодексе [4].

Говоря об организации и проведении партийно-политической работы во внутренних войсках Советского государства, необходимо отметить, что она началась практически одновременно с их образованием. На различных этапах истории они именовались войсками ВЧК – ВОХР – ВНУС – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД.

Процесс создания внутренних войск начался с формирования вооруженных отрядов Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) 11 (24) декабря 1917 г. [5].

Содержание и формы этой работы диктовались конкретно исторической обстановкой в стране и теми задачами, которые решало наше государство на отдельных этапах своего становления и развития.

Важная роль при этом отводилась подготовке специалистов-политработников. Так, 7 октября 1937 г. на базе Ново-Петергофского военного училища было сформировано военно-политическое училище. В нем предполагалось обучение до 700 курсантов в течение двух лет.

Приказом НКВД СССР от 22 апреля 1938 г. в пограничных и внутренних войсках вводится институт военных комиссаров.

При этом создавалась и определенная структура военно-политических органов в войсках.

В 1968 году после восстановления МВД СССР в прежнем статусе союзно-республиканского ведомства в его составе было образовано Главное управление внутренних войск. В его структуре функционировало Политическое управление, которое занималось организацией и проведением партийно-политической работы. В этом же году на базе Ленинградской военно-политической школы МВД СССР в целях подготовки квалифицированных кадров политработников для органов милиции, внутренних войск и исправительно-трудовых учреждений было принято решение о формировании Высшего политического училища МВД СССР со сроком обучения 4 года. Училище стало своеобразной лабораторией, настоящим научным и методическим центром по выработке, апробированию и адаптации актуальных методов и форм партполитработы в органах и войсках МВД СССР. Показательно, что среди его выпускников Министры внутренних дел Российской Федерации С.В. Степашин (1998–1999) и В.А. Колокольцев (2012–н.в.). Сейчас на базе этого уникального в своем роде учебного заведения функционируют Санкт-Петербургский университет МВД России и Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии России.

Очень важный вклад в совершенствование материальной базы для проведения партийно-политической работы (оборудование центров досуга, киноза-

лов, периодическая войсковая печать, комплекты наглядной агитации и т.п.), повышение авторитета политорганов и офицеров-политработников внес, на взгляд, Ю.М. Чурбанов. В 1971 году его назначают заместителем начальника Политуправления ВВ МВД СССР, а с 1975 по 1977 гг. он его возглавляет. Он достаточно эффективно организует работу на этом участке. Одной из причин этой эффективности – его семейное положение. Он – зять Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, что позволяло решать многие организационные и иные вопросы оперативно и в необходимых объемах.

В эти годы внутренние войска решали многоплановые задачи: от охраны важнейших стратегических объектов военно-промышленного комплекса, транспортных коммуникаций, общественного порядка в крупнейших городах страны до охраны исправительно-трудовых учреждений. Причем в подразделениях, выполняющие эти задачи, приходили солдаты с очень низким уровнем подготовки. Как правило, это были выходцы из республик Средней Азии и Кавказа. Основные проблемы, с которыми сталкивались командиры и политработники, взаимодействуя с этой категорией – плохое знание русского разговорного языка, слабые навыки письма, национальный менталитет, непонимание (а иногда и неприятие) тех ценностей, о которых говорилось выше и т.н. «дедовщина». Проходя службу в должности офицера-политработника одного из подразделений Барнаульского соединения внутренних войск, мне на практике приходилось заниматься решением этих проблем. Помимо общепринятых форм работы: общие и комсомольские собрания, политзанятия, индивидуальная работа, занятия по русскому языку, коллективные спортивные игры, субботники, наставничество, мы практиковали и иные мероприятия. Далее отметим некоторые из них.

Просмотр и обсуждение кинофильмов. В силу идеологических установок в подразделения присылали фильмы советские, в основном патриотические. Поэтому «пищи для размышлений», обсуждений, разъяснений и выводов было достаточно.

Проведение тематических вечеров «Расскажи о своей малой родине». В программе были рассказы, фотогазеты, национальные концертные номера.

Вечера чествования отличников службы. Организовывалось движение за 50, 100, 150, 200 «отличных караулов». Номинантам вручалась переходящая нагрудная лента, грамоты и другие поощрения командования. Однажды на такой вечер пригласили родителей солдата, у которого было 250 караулов с оценкой «отлично» втайне от него. Ленту вручала легендарная алтайская женщина-хлебороб, Герой социалистического труда. Когда вошли родители, все были в шоке. Потом был зачитан приказ о его увольнении из рядов Вооруженных Сил СССР по окончании срока службы. Это уже был сюрприз для родителей.

Размещение материалов в районных или областных газетах по месту призыва солдат. Направляли в адрес райкома или обкома комсомола материал о военнослужащем с фотографией, справкой о его достижениях и просьбой прислать несколько экземпляров газеты в адрес нашего подразделения. После этого многие его сослуживцы хотели прославиться таким образом у себя в кишлаке, ауле или поселке.

Приглашение родителей или земляков солдат в подразделение. Иногда приезжали даже небольшие делегации от местного района с приветами и подарками для земляков. Хвалили отличившихся, беседовали с «проблемными» военнослужащими, устраивали вечер национальной кухни.

Это только некоторые примеры использования тех или иных форм партийно-политической работы. И это в условиях сибирской «глубинки». В крупных городах возможностей было больше, и арсенал форм и приемов работы был гораздо шире.

В заключение следует отметить, что организация работы по воспитанию морально-нравственных ценностей у военнослужащих внутренних войск МВД СССР была на уровне современных требований того времени и обеспечивала качественное выполнение задач, поставленных перед ними Советским государством. При этом опыт этой работы активно востребован и сегодня и активно используется на современном этапе развития Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Справочный том / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва: Политиздат, 1990. – 224 с.
2. Партийно-политическая работа / Военно-морской словарь / гл. ред. В.П. Чернавин. – Москва: Военное издательство, 1990. – 305 с.
3. Программа «Разговор с Владимиром Путиным»: полный текст архивная копия от 15 января 2018 г. на WaybackMachine // ИА REGNUM, 15.12.2011.
4. Путин признался в симпатии к созвучным Библии коммунистическим идеям [Электронный ресурс]. – URL: [www. Interfax/ru/Russia/](http://www.interfax.ru/Russia/).
5. Создание внутренних войск и их деятельность в 1917–1941 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=449064>.

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Волобуева Н.Д.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в обозначенной статье анализируется генезис системообразующих идей российского правосознания в историко-аксиологическом ключе. Используется компаративистская методология, позволяющая сопоставить идейно-ценностные основы российского правосознания в контексте идей и ценностей различных мировых культур. Рассматриваются идеи древнерусской государственности как базисы, формирующие основной вектор развития политико-правовой российской мысли.

Ключевые слова: правосознание, аксиология, правовые идеи, ценности.

IDEO-VALUE BASES OF THE FORMATION OF RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS

Volobueva N.D.,

adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article analyzes the genesis of the system-forming ideas of Russian legal consciousness in a historical and axiological key. Comparative methodology is used, which allows us to compare the ideological and value foundations of Russian legal consciousness in the context of the ideas and values of various world cultures. The ideas of ancient Russian statehood are considered as the bases that form the main vector of development of Russian political and legal thought.

Keywords: legal consciousness, axiology, legal ideas, values.

Сергей Лавров на Всемирной тематической конференции¹ отметил, все большее число людей, в том числе и на европейском континенте, смотрят на Россию как на защитницу непреходящих традиций и настоящих ценностей. В условиях современной геополитической ситуации мир представляет собой плацдарм для развертывания цивилизационных гибридных войн.

На фоне активной пропаганды русофобии, прямой агрессии в адрес Российской Федерации и ее граждан, уничтожение исторической памяти, реабилитации неокOLONиализма, неоимпериализма и неонацизма, вопросы противо-

¹ Всемирная тематическая конференция соотечественников, проживающих за рубежом «Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей – залог единства российских соотечественников»

стояния деструктивно навязанным моделям поведения, борьбы с подменой традиционных ценностей и понятий, прикрывающихся завесой мнимой толерантности, в контексте формирования цивилизационной и национальной идентичности будут неуклонно возрастать. Напряженность в международных политико-правовых отношениях порождает проблемы и внутригосударственного характера. Мы вынуждены признать, что несмотря на борьбу с чуждыми для русского общества «идеями и ценностями», навязываемое извне либеральное правосознание в форме отдельных своих элементов все же не оставляет попыток пробиться в колею преобразовательной и реформистской деятельности в России.

Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» порождает определенный импульс ученых-историков и правоведов к детальному изучению идейно-ценностных основ российской государственно-правовой действительности в плоскости историко-аксиологического подхода.

На современном этапе развития России обострилась проблема правового нигилизма, правовой культуры, правового воспитания и правового сознания. В контексте обозначенной темы наибольший исследовательский интерес представляет проблема идейно-ценностных основ российского правосознания.

По мнению А.М. Михайлова, значение правосознания как идейного источника права состоит в том, что именно оно определяет пределы нормативного и понятийно-конструктивного содержания системы положительного права [4, с. 6]. Мы считаем, что осмысление идейно-ценностных истоков российского правосознания глубже воспринимается посредством компаративистского подхода. Данный метод основывается на сопоставлении государственно-правовых объектов, существовавших в прошлом или действующих в настоящее время. В эпоху, когда происходит явная конфронтация ценностей различных мировых культур, исследование основ российского правосознания в контексте сравнения с основными идеями и ценностями других государств и других эпох позволит четко определить насколько русская культура подвержена влиянию извне, которое приводит к внутренней деформации и кризисному состоянию.

Определение «правосознание» имеет сравнительно современную природу происхождения и на сегодняшний день в научной среде сложилось множество подходов к пониманию этого определения. Однако сегодня, несмотря на передовую значимость феномена «правосознание», отдельных научных трудов, раскрывающих основы российского правосознания с точки зрения историко-аксиологической характеристики, не сложилось.

По мнению В.П. Малахова, с помощью историко-культурологического анализа можно установить конкретные связи правосознания с другими формами общественного сознания [3, с. 10]. Мы считаем, что российское правосознание является продуктом многовекового исторического развития российской государственности, формирующего уникальную идейно-ценностную систему, цивилизационную и национальную идентичность народа.

Для глубокого анализа и понимания роли правосознания в реалиях нашего времени, его идейно-ценностные истоки следует искать в глубине веков,

учитывая традиции отечественной историографии. Правосознание есть явление многовекового исторического развития. Оно начало формироваться в те времена, когда разговоры о правосознании в том виде, в котором оно понимается сейчас, были немыслимы. Основы правосознания следует искать в культуре и традициях самого русского народа. Древняя Русь представляла собой большую конфедерацию племен, в состав которой входили представители славянских, скандинавских и финно-угорских народов со своими традициями и верованиями. Справедливо отмечает С.В. Зыкова, говоря, что русское правосознание выросло из уникального слияния христианской преданности, проникнутой элементом языческого уважения к природе [5, с. 10]. Соответственно, правосознание в древнерусском государстве начало формироваться благодаря главному в те времена регулятору социальных отношений – языческим верованиям.

Существенным событием, определяющим весь дальнейший для истории Руси путь, стал процесс христианизации государства. Вдохновившись культом византийского императора, краеугольным камнем которого явилась вера, милосердие, князь Владимир видел в принятии Русью христианства возможность укрепить свои позиции у власти, повысить свой международный авторитет и запустить процесс объединения земель.

Фактически, основы российского правосознания, сформировавшись в период древнерусской государственности, практически не меняли основной вектор своего развития. По мнению историков, Россия вбирала в себя византийские религиозные и системообразующие политико-правовые идеи.

Справедливо считает С.В. Леонов, говоря, что на Западе, где уже с раннего средневековья Византия рассматривалась как оплот схизмы (от греч. *σχίσμα* «расщепление, раскол»), чуждой культуры и как опасный конкурент, вплоть до недавнего времени сохранялось предвзятое и во многом негативное отношение к ней [2, с. 67–76]. Мы видим, что исторически представители западной цивилизации были категорично настроены по отношению к ценностям византийского культа. Учитывая тот факт, что Российская Федерация является приверженцем византийских традиций, вполне вероятно, что западные страны считают Россию буквально византийским «доменом», в т.ч. прототипом со схожими целями.

Современные ученые проводят достаточно параллелей между миром русским и византийским. Сейчас фраза «русский мир» воспринимается довольно ограниченно и является узкоспециальной по своему ценностно-смысловому содержанию. В действительности «русский мир» с его культурной и идейно-ценностной основой представляет собой широкое поле для научных изысканий. Здесь важно, в первую очередь, учитывать именно культурную составляющую, опирающуюся на христианские начала, которые восходят к общим духовным ценностям и представлениям о добре и зле. Собственно, в этом содержании и находится идейно-ценностная характеристика российского правосознания. Преимущества Византии заключались в том, что она могла транслировать всему миру христианские ценности через культуру – музыку, зодчество, литературу и поэзию. Если учитывать этот факт, то вполне вероятно, что политика укоренения традиционных для России ценностей будет воспринята народом на ка-

чественном уровне, что в конечном счете отразится на состоянии правосознания в обществе.

Русская политико-правовая культура никогда не являлась исторически монолитным явлением. Она всегда представляла собой симбиоз нескольких основных мировых культур – восточной и западной. Несмотря на то что на протяжении долгих лет элементы различных мировых культур так или иначе накладываются на матрицу русского правосознания, в глубоком понимании Россия не меняла свой основной вектор развития политико-правовой мысли, основа которого исходила из идей: соборности, правды, милости и служения.

В этом, собственно, и заключается особенности цивилизационной и национальной идентичности Российской Федерации. Вбирая в себя лучшие европейские и азиатские традиции, нормы и обычаи, Россия оставалась государством со своими самобытными системообразующими идеями в праве и государстве.

Понимание того, как исторически складывались основы российского правосознания, открывает перед нами новые исследовательские возможности, в том числе и с аксиологической точки зрения. Важно найти коррелирующие ценностно-правовые нити, которые помогут избежать однобокости и косности в исследовании основ российского правосознания. Осмысление тех фундаментальных идей, которые легли в основу формирования российской политико-правовой системы и связанных с ней сущностных элементов, позволят прогнозировать дальнейшие пути развития государственно-правовых институтов в России. Тенденции, сложившиеся в современном правотворческом процессе, неоднократно отсылают нас к анализу идейных истоков правового бытия древнерусского периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Официальное опубликование правовых актов. 2024. № 0001202405080001. Ст. I–VII. [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AFZhXphYZLaDAxIkLpI77nzFzg7hKPI2.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Леонов С.В. К вопросу о влиянии Византии на русскую историю // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 6 (12). – С. 67–76.
3. Малахов В.П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. – Москва: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.
4. Михайлов А.М. Правосознание как источник права: из истории философии права и общей теории права: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 431 с.
5. Сафронов В.В., Чурбакова И.Д. Становление отечественного правосознания // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 4 (208). – С. 9–11.

РОЛЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Вородюхин С.Е.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: институт семьи играет важную роль в воспитании антикоррупционной культуры, так как именно в этой среде закладываются основы морально-этических норм. Антикоррупционное воспитание имеет целью формирование у граждан негативного отношения к коррупции и привитию навыков противодействия коррупции. Автор приходит к выводу, что антикоррупционное воспитание с юных лет должно быть направлено на формирование у граждан нравственных и этических ценностей, которые способствуют противодействию коррупции и созданию справедливого общества.

Ключевые слова: институт семьи, коррупция, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное образование, антикоррупционная культура.

THE ROLE OF THE FAMILY INSTITUTE IN CULTIVATING ANTI-CORRUPTION CULTURE

Vorodyukhin S.E.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the institution of the family plays an important role in the development of an anti-corruption culture, since it is in this environment that the foundations of moral and ethical standards are laid. Anti-corruption education aims to form a negative attitude towards corruption in citizens and to instill skills to combat corruption. The author concludes that anti-corruption education from a young age should be aimed at forming moral and ethical values in citizens that contribute to combating corruption and creating a fair society.

Keywords: institution of family, corruption, anti-corruption education, anti-corruption culture.

Формирование антикоррупционной культуры – сложный и длительный процесс, который подразумевает необходимость антикоррупционного правового воспитания. Такое воспитание требует комплексного воспитательного воздействия государства и гражданского общества на личность. Ее результатом должно стать формирование среди граждан антикоррупционной правовой культуры, а также высоких моральных качеств как основы ценностей.

Сознательный компонент, на формирование которого направлен весь процесс антикоррупционного воспитания, является залогом появления целого поколения молодых граждан с антикоррупционными взглядами и активной гражданской позицией.

Антикоррупционное воспитание – комплексное воздействие на личность, направленное на формирование антикоррупционно значимых качеств личности. Целью антикоррупционного воспитания является передача ценностных установок и развитие способностей, необходимых для последующего формирования гражданской позиции относительно коррупции [1, с. 761–769].

Однако понятие воспитания достаточно широкое и охватывает значительный комплекс мер воздействия на личность. Круг субъектов в таком случае не ограничен: семья, школа, государство, церковь, СМИ и т.д., и каждый из субъектов оказывает влияние на личность посредством собственных инструментов воздействия [2, с. 127].

Стоит отметить, что именно институт семьи играет важную роль в воспитании антикоррупционной культуры, так как именно в этой среде закладываются основы морально-этических норм. Выделим некоторые аспекты, которые подчеркивают эту роль:

1. *Формирование негативного отношения к коррупции.* Через институт семьи необходимо донести до детей, что коррупция негативно влияет на общество, экономику и политическую систему.

2. *Развитие чувства справедливости и ответственности.* Важно воспитывать у детей понимание того, что каждый человек несет ответственность за свои действия и должен действовать в соответствии с законом и моральными нормами. Если взрослые ведут себя честно и открыто, то у детей создается образ, что коррупция – это плохо.

3. *Привитие навыков противодействия коррупции.* Дети с юных лет должны быть осведомлены о своих правах и обязанностях, а также знать, как действовать в случае столкновения с коррупцией.

4. *Формирование этических принципов.* Семья – это то место, где дети усваивают такие важные жизненные ценности, как добро, справедливость, честность и ответственность. Антикоррупционное воспитание направлено на развитие у граждан честности, порядочности, уважения к закону и общественным интересам.

5. *Повышение общественного контроля.* Важной задачей антикоррупционного воспитания является стимулирование граждан к активному участию в общественной жизни, контроле за деятельностью государственных структур и борьбе с коррупцией.

6. *Антикоррупционное образование.* Для ясности предмета исследования наиболее приоритетным будет рассмотрение понятия антикоррупционного образования, как целенаправленного воспитательно-образовательного процесса, реализуемого лицами, уполномоченными на осуществление образовательной деятельности, посредством внедрения в образовательные программы новых методических элементов, способствующих формированию у обучающегося антикоррупционного мировоззрения. Следовательно, исходя из положений семан-

тики, будем рассматривать понятия антикоррупционного образования и воспитания как часть и целое соответственно.

Особенность и ценность антикоррупционного образования для исследования, на наш взгляд, состоит в том, что образовательный процесс, реализуемый в рамках федеральных образовательных программ, является лакмусовой бумагой для оценки уровня антикоррупционного воспитания страны в целом. В частности, антикоррупционное образование должно преследовать следующие цели:

1. Знакомить обучающегося с феноменом коррупции: его сущностью, причинами и последствиями.

2. Поощрять и развивать отношение к коррупции, как к негативному социальному явлению.

3. Развивать и укреплять следующие навыки:

- умение общаться, находить, обрабатывать и передавать информацию;
- умение критически мыслить, самостоятельно находить пути решения проблем и действовать творчески;
- способность планировать и организовывать мероприятия;
- умение управлять временем, финансовыми и другими ресурсами;
- проявлять инициативу, быть независимыми и нести ответственность за свои действия;
- умение сотрудничать и разрешать конфликты путем их обсуждения и приходить к консенсусу со своим собеседником, не прибегая к различным видам воздействия на него;
- участвовать в общественной жизни учебного заведения, сообщества и т.д. [3, с. 297–302].

Н.М. Медведева отмечает, что процесс правового воспитания может происходить под воздействием окружающей среды, то есть средств массовой информации и открытой деятельности государственного аппарата, а антикоррупционное воспитание является частью правового воспитания [4, с. 137–139].

Таким образом, воспитание и формирование таких нравственно-культурных ценностей, качеств и ориентиров, как уважение демократических ценностей, интерес ко всему, что происходит, честность, ответственность за себя, свои действия и поведение, стремление к непрерывному самосовершенствованию, обогащение знаний, формирование социальных и культурных навыков представляют собой общее сущностное значение таких понятий, как «антикоррупционное воспитание» и «образование личности» [5, с. 105].

В настоящее время государство проводит активную антикоррупционную политику и принимает законодательные меры, направленные на формирование нетерпимого отношения к коррупционному поведению в обществе.

Антикоррупционное воспитание имеет целью формирование у граждан негативного отношения к коррупции, развитие чувства справедливости и ответственности, а также привитие навыков противодействия коррупции.

В.В. Беденков считает, что антикоррупционное правовое воспитание следует отграничивать от близких по понятиям терминов, таких как «антикоррупционное просвещение» и «антикоррупционная пропаганда». В литературе под антикоррупционным правовым просвещением предлагается понимать целевую

деятельность, направленную на формирование и развитие антикоррупционного правосознания человека, его ориентацию на общественно полезное антикоррупционное поведение и его подготовку к антикоррупционной деятельности. Юридическая подготовка по вопросам противодействия коррупции является важным направлением в общей системе противодействия коррупции, которая логически дополняет и развивает другие меры, в том числе совершенствование антикоррупционного законодательства и практики его реализации [6, с. 85–89].

В рамках антикоррупционной политики России антикоррупционное воспитание обусловлено необходимостью создания эффективной системы профилактики коррупционных правонарушений и изменения общественного менталитета в отношении коррупции.

Таким образом, институт семьи играет важную роль в воспитании антикоррупционной культуры, так как именно антикоррупционное воспитание с юных лет должно быть направлено на формирование у граждан нравственных и этических ценностей, которые способствуют противодействию коррупции и созданию справедливого общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Локтев С.В. Антикоррупционное воспитание в семье / Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI Международной научной конференции / под ред. О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой [и др.]. – Москва, 2015. С. 761–769.

2. Органы внутренних дел Российской Федерации в системе борьбы с коррупцией: учебное пособие / В.А. Лысенко, С.Е. Вородюхин. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 172 с.

3. Синелобов А.А., Дудина М.М., Хаматнуров Ф.Т. Антикоррупционное воспитание студентов как педагогический феномен: понятие, содержание, уровни проявления // European Social Science Journal. – 2016. – № 1. – С. 297–302.

4. Медведева Н.М. Правовое сознание и антикоррупционное воспитание // Молодежь Востока России: история и современность: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 1 ноября 2019 года. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. С. 137–139.

5. Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел: монография / А.Н. Александров, К.В. Буняева, В.В. Васильев [и др.]. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 165 с.

6. Беденков В.В. Антикоррупционное правовое воспитание в контексте формирования правосознания российского общества / Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов Московского городского педагогического университета. – Москва: Саратовский источник, 2022. С. 85–89.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Долин В.А.,

кандидат философских наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассмотрены религиозные основы отдельных законодательно закрепленных традиционных российских духовно-нравственных ценностей: высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным; милосердие, справедливость, коллективизм. Выбор ценностей обосновывается авторской типологией изучаемых ценностей по фундирующим мировоззренческим основаниям: либеральные, государственнические, патриархальные, ценности-добродетели, ценности единения. Автор приходит к выводу об универсально-индивидуализированном характере рассмотренных традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые представлены во всех религиях, но в индивидуально-неповторимой форме. Исследование вносит вклад в развитие аксиологии как раздела философии, а также расширяет понимание теоретических оснований государства и права.

Ключевые слова: традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, патриархальные ценности, ценности-добродетели.

RELIGIOUS FOUNDATIONS OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Dolin V.A.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines religious foundations of certain legislatively fixed traditional Russian spiritual and moral values: high moral ideals, strong family, creative work, priority of spiritual over material; mercy, justice, collectivism. The choice of values is justified by the author's typology of values studied on basis of underlying ideological foundations: liberal, statist, patriarchal, virtues, values of unity. The author concludes about universally individualized nature of considered traditional Russian spiritual and moral values: they are represented in all religions, but in an individually unique form. The research contributes to development of axiology as a branch of philosophy, as well as expands understanding of theoretical foundations of state and law.

Keywords: traditional values, spiritual and moral values, patriarchal values, virtuous values.

Российский дискурс традиционных ценностей, возникший в риторике консервативно настроенных политиков, общественных деятелей и представителей исторических (традиционных) религий страны, в конце 2022 года выходит на законодательный уровень.

В тексте Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809² сформулировано определение понятия «традиционные ценности»: «...нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (п. 4).

В п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 приводится перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, которые рассматриваются как «основа российского общества» и ресурс для ответа на новые вызовы и угрозы.

Для выделения объектов рассмотрения данной статьи продуктивно разделить законодательно закреплённый список традиционных российских духовно-нравственных ценностей на пять блоков (по фундирующим мировоззренческим основаниям):

- первый блок – три либеральные ценности: жизнь; достоинство; права и свободы человека;
- второй блок – три государственнические ценности: патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу;
- третий блок – четыре патриархальные ценности: высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным;
- четвертый блок – пять ценностей-добродетелей: гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь и взаимоуважение;
- пятый блок – две ценности единения: историческая память и преемственность поколений; единство народов России.

Поскольку в содержание понятие «традиционные ценности» включаются «...поддержка гетеросексуальных отношений, института брака и семьи, признание ценности материнства, защита детства, *признание ведущей роли религии в обществе* и отрицательное отношение к миграционным процессам» (курсив мой – В.Д.) [1, с. 88], актуален вопрос о религиозных основах законодательно закреплённого списка российских традиционных ценностей.

При первичном рассмотрении вышеприведённых содержательных блоков традиционных ценностей религиозные основания наиболее очевидны для третьего-четвёртого блоков (патриархальные ценности и ценности-добродетели соответственно) и наименее – для первого блока (либеральные ценности). Вме-

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Доступ СПС «КонсультантПлюс».

сте с тем важно осознавать, что понимание достоинства личности в либеральном социально-политическом дискурсе [2] фундируется христианским представлением об образе Божиим.

Анализ религиозных основ законодательно закрепленного списка традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует учета духовного опыта традиционных религий Российской Федерации (православное христианство, суннитский ислам, ортодоксальный иудаизм и тибето-монгольский буддизм), составляющих «...неотъемлемую часть исторического наследия народов России»³.

Объем подобного исследования превышает рамки небольшой публикации. Поэтому следует признать постановочный характер статьи и ограничиться анализом избранных традиционных ценностей третьего-четвертого содержательных блоков (патриархальные ценности и ценности-добродетели). Поскольку названные ценности представлены во всех традиционных религиях России (православное христианство, суннитский ислам, ортодоксальный иудаизм и тибето-монгольский буддизм), то статья будет посвящена преимущественно специфике понимания патриархальных ценностей и ценностей-добродетелей в священных текстах, богословии и этике традиционных религий России.

Начнем рассмотрение с патриархальных ценностей (третий содержательный блок законодательно закрепленного списка традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

Высокие нравственные идеалы по-разному понимаются в религиях спасения (православное христианство, тибето-монгольский буддизм) и религиях закона (суннитский ислам, ортодоксальный иудаизм). Для религий спасения это призыв Иисуса Христа из Нагорной проповеди «...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) [3, с. 1017] и максима буддизма махаяны – помочь наибольшему числу людей достичь состояния просветления. В религиях закона (суннитский ислам, ортодоксальный иудаизм) высокие нравственные идеалы реализуются через знание и скрупулезное выполнении большого количества религиозных норм. В суннитском исламе к выполнению воли Аллаха (божественное предопределение) добавляется желательность следования примеру пророка Мухаммеда (суннат).

Крепкая семья. В православном христианстве заключение брака – одно из семи таинств, в котором молодая семья получает Божью благодать для совместной жизни, рождения и воспитания детей. Также «...брак помогает узреть в супруге образ Божий и своей любовью помочь супругу восстановить его» [4, с. 146]. Суннитский ислам как религия закона детально регламентирует брачно-семейные отношения и наследование имущества (например, сура «Женщины» 4:1–35) [5, с. 77–84]. В иудаизме семья признается необходимым условием служения Богу [6, с. 23]. Принципы семейной жизни иудаизма: уважение к чувствам и индивидуальности; семейная гармония (шлом байит); признание и ува-

³ Абз. 5 преамбулы Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Доступ СПС «КонсультантПлюс».

жение прав; душевная чистота и цельность чувств в интимной сфере; целью брака признается рождение и воспитание детей [7, гл. 7]. В тибето-монгольском буддизме выделяют пять обязанностей родителей по отношению к детям и детей к родителям, а также взаимные обязанности супругов [8].

Созидательный труд. Христианское отношение к труду формулирует Апостол Павел: «...если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10) [3, с. 1299]. «Возлюби труд ...» – призывает основоположник отшельнического монашества прп. Антоний Великий (ок. 251–356). В суннитском исламе благословляется любой честный труд и жизнь на заработанные средства; попрошайничество строго осуждается (кроме обращения к правителю и случаев крайней нужды) [9, с. 123–125]. Запрещены ростовщичество и выращивание растений, приносящих вред (гашиш, табак) [9, с. 127–128]. Ортодоксальный иудаизм рассматривает трудолюбие как религиозную добродетель, проявление покорности Богу. Праведность и трудолюбие – условия благословенного богатства [10, с. 147]. Монашество в буддизме махаяны, к которой относится тибето-монгольский буддизм, положительно относится к труду. В отличие от традиции тхеравады, где монахи живут подаением общины, монахи тибето-монгольского буддизма обеспечивают себя сами.

Приоритет духовного над материальным. В православном христианстве примат духовного начала сформулирован Иисусом Христом в Нагорной проповеди: «не собирайте себе сокровищ на земле...» (Мф. 6:19), «ищите же прежде царства Божия и правды Его...» (Мф. 6:33) [3, с. 1018]. Данная установка представлена и в народной мудрости «деньги *после Бога* первые» (курсив мой – В.Д.) Для мусульман-суннитов приоритет духовного над материальным проявляется в выплате обязательного налога на имущество обеспеченных мусульман – закята. Также не чужда исламу как мировой религии проблема посмертной судьбы: «старайся помощью данного тебе Богом заслужить вечное жилище; не забывай доли твоей в этом мире» (сура «Повествование», 28:77) [5, с. 394]. Иудаизм хотя и является религией закона, однако духовный смысл требований и заповестей Галахи считается важнее внешнего, формального выполнения норм [7, глава 2]. Будучи, подобно православному христианству, религией спасения, тибето-монгольский буддизм традиционно не уделяет повышенного внимания материальной стороне жизни. Даже экономика выступает в буддизме инструментом духовного совершенствования людей [11, с. 125–126].

Перейдем к рассмотрению ценностей-добродетелей (четвертый содержательный блок законодательно закреплённого списка традиционных российских духовно-нравственных ценностей).

Гуманизм. Данная ценность в полной мере соответствует обращенности религии к человеку, признанию онтологического и аксиологического достоинства личности. Однако особенности классического понимания религиозной онтологии традиционных религий России таковы, что на ее вершине находится Бог. Человек любим Богом и занимает высшее место в иерархии существ, но гуманистический тезис об изначальном достоинстве любого человека признается в традиционных религиях России лишь в контексте первичности бытия и ценностного статуса Бога. Неслучайно в эпоху европейского Возрождения идеология гуманизма переос-

мысливает положение человека в мире. Неклассическая традиция в философии признает существование религиозного гуманизма, но названная традиция не доминирует в богословии традиционных религий России. По этой причине гуманизм как традиционная ценность России носит в большей мере светский, нежели религиозный характер, и не рассматривается в данной статье.

Милосердие. Для православного христианства милосердие – одно из благодатных состояний человеческой души, приближающее человека к Богу: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7) [3, с. 1015]. В суннитском исламе мусульмане обязаны быть «...смирены с верующими...» (сура «Трапеза», 5:54) [5, с. 116] и традиционно проявляют терпимость к «людям Писания (Книги)» (иудеи, зороастрийцы, христиане). Проявлением милосердия выступает садака – добровольная милостыня. В отличие от мировых религий в иудаизме милосердие рассматривается как щадящая форма справедливости [6, с. 47–49]. Оно проявляется к обездоленным: бедным, вдовам, сиротам, пришельцам, принявшим иудаизм: «не обижай ближнего и не грабительствуй» (Лев. 19:13) [3, с. 115]. Также в иудаизме исторически существовала «десятина для бедных», которая собиралась в третий и шестой годы семилетнего цикла [10, с. 149]. Сострадание к живым существам является центральной добродетелью буддизма, а почитание бодхисаттвы Белой Тары как персонификации сострадания – важный элемент культовой практики.

Справедливость. В Нагорной проповеди Иисус Христос предлагает заменить формально-юридический подход к справедливости по формуле «...око за око, зуб за зуб...» (Исх. 21:23) [3, с. 74] на справедливость любви, побеждающей зло добром: «...не противься злему» (Мф. 5:39) и «...любите врагов ваших...» (Мф. 5:44) [3, с. 1016]. В суннитском исламе справедливость не только личная добродетель (по формуле одного из хадисов «...когда вы судите среди людей, то судите по справедливости» [цит. по: 12, с. 126]), но и принцип организации общественной жизни. Так, обязательный для обеспеченных мусульман религиозный налог закят распределяется среди тех, кто не может обеспечивать себя сам. Иудаизм как религия закона отдает предпочтение справедливости перед милосердием: «правды ... ищи» (Втор. 16:20) [3, с. 186]. Выражением правды (как синонима справедливости) является вторая часть Декалога (10 заповедей). В отношении тибето-монгольского буддизма существует предубеждение, что доминирование сострадания снижает или даже отменяет ценность справедливости. Однако созерцательность буддизма, его дистанцирование от мирских проблем не отменяют представления о карме, которая отягощается в том числе и несправедливыми поступками.

Коллективизм. Православное христианство в равном мере признает ценность личности (как носителя персональной ответственности перед Богом) и ценность коллективной жизни (возможность спасения только в церкви по формуле Христа: «...Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6) [3, с. 1150]). Для суннитского ислама характерны коммунитаристские представления: «все правоверные – братья» (сура «Покой», 49:10) [5, с. 516]. Проявлениями ценности коллективизма в иудаизме выступают не только сохранение национально-культурной и религиозной идентично-

сти, но и алия (переселение (репатриация) евреев всего мира на территорию современного Израиля). Проявлением коллективизма как духовно-нравственной ценности иудаизма выступает и практика милосердия к единоверцам. Тибето-монгольский буддизм как разновидность традиции махаяны уделяет меньшее влияние индивидуальному самосовершенствованию, нежели традиция тхеравады (учения старейших). Идея сострадания живым существам и представление о карме, связывающей воедино всех живых существ, определяют понимание ценности коллективизма в данной традиции.

Взаимопомощь и взаимовыручка как ценность сближается в религиозном сознании с ценностью милосердия и в данной статье не рассматривается.

На основе проведенного анализа возможно сформулировать вывод: в аспекте религиозных оснований рассмотренные традиционные российские духовно-нравственные ценности (высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным; милосердие, справедливость, коллективизм) носят универсально-индивидуализированный характер, то есть все они представлены в священных текстах, богословии и этике четырех традиционных религий России, но в индивидуально-неповторимой форме (или комбинации данных форм).

Проведенное исследование возможно развивать и вширь (рассмотрение полного законодательно закрепленного списка традиционных российских духовно-нравственных ценностей), и вглубь (максимально полный обзор и анализ священных текстов традиционных религий России, богословского наследия, этических норм, принципов и идеалов).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурмистрова Е.С. Традиционные ценности в повестке либеральных сил в начале XXI века: США и Канада // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 3 (84). – С. 87-92.
2. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – Москва: издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.
4. Энциклопедия православной жизни / авторы-составители: Г. Калинина, Г. Стромынский. – Тула: Имидж Принт, 2009. – 400 с.
5. Коран / пер. с араб. и коммент. Д.Н. Богуславского. – 7-е изд. – Стамбул: Чагры, 2013. – 867 с.
6. Дорофеева Т.Г. Моральный закон в истории религии: монография. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – 200 с.
7. Донин Х. Быть евреем. – Иерусалим: Шаим, 1990. – 288 с.
8. Традиции семьи и брака в буддизме // Буддийская Традиционная Сангха России [Электронный ресурс]. – URL: <https://sangharussia.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
9. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе. – Москва: Андалус, 2004. – 335 с.

10. Коваль Т.Б. Религия и экономика: Труд, собственность, богатство. – Москва: издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 349 с.

11. Семотюк О.П. Буддизм: история и современность. – Ростов-на-Дону: Феникс, Харьков: Торсинг, 2005. – 320 с.

12. Ирвинг Т.Б., Ахмад Х., Ахсан М.М. Коран: основные учения / перевод К. Филиной. – Новосибирск: Типография РАН № 4, [1994?]. – 208 с.

ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ КЛЕРИКАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Дурнева Н.С.,

адъюнкт

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в современном государствоведении уделяется особое внимание типу взаимоотношения государства с религией. В условиях модернизации, демократизации, своеобразном «культе правовых ценностей» в обществе, большинство государств придерживаются светской политики по отношению к религии: признают свободу вероисповедания, устанавливают курс по отсутствию официальной религии. На сегодняшний день вопрос о том, как в современном государстве, имеющем официальную религию, соблюсти правовой баланс между двумя категориями граждан (подданных), которые, в первом случае, исповедуют государственную религию, а во втором, придерживаются иного вероучения, является ключевым. Одной из главных черт клерикальных государств является то, что практически большинство из них по форме правления являются монархиями. Упомянутый факт связан с сохранением в монархических странах обычаев и традиций короны, связи религии с королевской властью. Кроме того, современные реалии, в которых принимается ряд международных актов, диктуют проведение такой политики, в которой будет отсутствовать дискриминация по религиозному признаку. Несмотря на официальный статус религии, в современных клерикальных государствах все же развито право на свободу вероисповедания, отсутствует религиозная дискриминация. Именно поэтому вопрос о принадлежности того или иного государства к клерикальному является дискуссионным среди многих юристов-государствоведов.

Ключевые слова: клерикальные государства, конституционная монархия, англиканство, религиозные объединения, христианские праздники, светское государство.

THE RIGHT TO FREEDOM OF RELIGION AS A BASIC VALUE IN MODERN CLERICAL STATES

Durneva N.S.,

Adjunct

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in modern state science, special attention is paid to the type of relationship between the state and religion. In the context of modernization, democratization, a kind of «cult of legal values» in society, most states adhere to a secular policy towards religion: they recognize freedom of religion, set a course on the absence of official religion. Today, the question of how in a modern state with an official religion to maintain a legal balance between two categories of citizens (subjects), who, in the first case, profess the state religion, and in the second, adhere to a different creed, is key. One of the main features of clerical states is that almost most of them are monarchies in form of government. The mentioned fact is associated with the preservation in the monarchical countries of the customs and traditions of the crown, the connection of religion with royal power. In addition, modern realities, in which a number of international acts are adopted, dictate the implementation of such a policy, in which there will be no discrimination on religious grounds. Despite the official status of religion, the right to freedom of religion is still developed in modern clerical states, there is no religious discrimination. That is why the question of whether a state belongs to the clerical is debatable among many state lawyers.

Keywords: clerical states, constitutional monarchy, Anglicanism, religious associations, Christian holidays, secular state.

В 2023 году американский исследовательский центр Pew Research Center провел анализ по количеству современных государств, в которых установлена государственная религия. Данные исследования показали, что всего в мире насчитано 43 государства с официальной религией. Исследователи центра выявили, что большинство таких государств находятся на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В данных странах в качестве государственной религии установлен ислам. Анализ проводимых исследований показал, что во многих изучаемых странах (20%) религия имеет поддержку со стороны государственной власти. Кроме того, данные исследования подтвердили, что большинство государств в мире не имеют официальной религии (53%). 5% государств исследовательским центром были выделены в отдельную категорию, называемую «идеально светскими». Американские исследователи из упомянутого центра отметили, что из 43 государств с официальной религией 23 исповедуют христианство, половина из которых находится в Европе. При этом в двух государствах (Бутан и Камбоджа) в качестве официальной религии установлен буддизм [8, с. 1].

Государствовед И.А. Алебастрова, рассматривая типы государств по отношению к религии, справедливо отмечает, что модель теократического государства, обусловленного принадлежностью государственной власти церкви,

ушла в историю. Но все же модель клерикального государства получила свое распространение во многих современных странах. В своих научных исследованиях ею неоднократно поднималась проблема того, что клерикализм все еще свойственен многим государственно-конфессиональным отношениям, но в «чистом виде» его практически нет. Связано это, в первую очередь, с тем, что хоть в современных клерикальных государствах и признается официальная религия, но в то же время государством гарантируется право на свободу вероисповедания и отсутствуют притеснения по религиозному принципу [4, с. 119].

Подобного мнения придерживается и Т.В. Мордовцева, которая считает, что не только в современных клерикальных государствах присутствуют многие черты светского государства, но и, наоборот, в законодательстве светских стран присутствуют черты клерикализма. Она находит подтверждение данному факту в отражении христианских праздников в законодательстве, которые считаются нерабочими днями [6, с. 19]. Так, в ст. 112 Трудового кодекса Российской Федерации получило закрепление, что Рождество Христово считается нерабочим праздничным днем [3, с. 54].

Классическим примером современного клерикального государства, в котором гарантируется право на свободу вероисповедания, является Великобритания, относящаяся к странам англо-саксонской правовой семьи. Так, в 1534 году парламентом Англии принимается «Акт о суперматии», провозгласивший англиканство государственной религией, а короля Англии – главой англиканской церкви, который действует и на сегодняшний день [5, с. 215]. Но процесс, связанный с демократизацией, провозглашением правовых свобод в обществе также повлиял и на трансформацию клерикального государства. Великобритания подписала «Конвенцию о защите прав человека и основных свобод», в которой статья 9 гарантирует право на свободу мысли, совести и религии [2, с. 23]. Кроме того, государством был подписан и «Международный пакт о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года, где право на свободу религии отражено в статье 18 [1, с. 34]. Стоит отметить, что в английском законодательстве также гарантировано данное право в «Акте о правах человека» от 9 ноября 1998 года [7, с. 72].

Таким образом, мы видим, что в одном из современных государств с официальной религией гарантируется право на свободу совести и свободу религии, представители других конфессий не преследуются по религиозному признаку. Но все же данное государство нельзя не считать клерикальным. Так, правитель является главой церкви, англиканская церковь все же вправе воздействовать на законодательство, в отличие от других. В образовательных организациях Англии и Уэльса преподают специальный предмет англиканского вероучения в обязательном порядке, но все же при его изучении делается акцент на веротерпимости. Также стоит отметить, что законодательством Великобритании для представителей негосударственной религии не предусмотрено свободного времени для религиозных праздников. Данные факты позволяют сделать вывод о специфичности современных клерикальных государств. С одной стороны, гарантируется право на свободу совести и религии и не притесняются последователи иных вероучений, а с другой, церковь все еще вправе влиять на го-

сударственное решение, а последователи официальной религии пользуются привилегией при проведении англиканских праздников.

Еще одним примером современного клерикального государства является Королевство Дания. Так, статус официальной религии закрепен в Конституции Королевства Дания, принятой 5 июня 1953 года. Согласно п. 4 ч. 1 упомянутой Конституции евангелическая лютеранская церковь является официальной церковью Дании и как таковая пользуется поддержкой государства. В п. 2 ч. 1 Конституции Королевства Дания также отражено, что формой правления государства является конституционная монархия. Кроме того, в ней закреплено, что король должен быть членом евангелической лютеранской церкви. Но несмотря на клерикальную модель взаимодействия государства с религией, в Дании ярко выражено право на свободу вероисповедания. В ст. 67 Конституции предусмотрено, что подданные имеют право учреждать религиозные объединения для отправления культа в соответствии со своими убеждениями при условии, что их вероучение и поступки не будут нарушать нормы морали и общественного порядка [10, с. 48]. Помимо этого, рассматриваемым государством подписан ряд международных соглашений, ключевым из которых является Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Наличие официально закрепленной религии повлияло и на число лиц, исповедующих иное вероучение. Так, 86% населения Королевства Дания являются приверженцами евангелической лютеранской церкви, но несмотря на данный факт, в государстве активно функционируют другие религиозные объединения: католики, баптисты, пятидесятники. Спецификой датского клерикального государства является сохранение и активное функционирование обществ дохристианских датских религий. Доказательством веротерпимости датского государства в современный период является равноправие всех религиозных учений. В 2012 году мусульмане-депутаты города Коккедал выражали право на свободу совести и вероисповедания, выступая против установки городской елки [9, с. 10].

Определяя отличительные черты Дании как клерикального государства, стоит выявить следующие особенности: официальный статус евангелической лютеранской церкви закрепен в Конституции Королевства; право на свободу совести и вероисповедания также закреплено в данном правовом документе. Упомянутое обстоятельство говорит о специфичности датского государства. Ведь, с одной стороны, Конституцией Королевства закреплена официальная религия, а с другой стороны, этот же закон гарантирует право на свободу вероисповедания. Данное обстоятельство наглядно демонстрирует подтверждение суждений о том, что на сегодняшний день государства, реализующего в полной мере клерикальную политику, практически не существует. Причиной этому является глобальное распространение основных прав и свобод человека, ключевым из которых является право на свободу вероисповедания.

Таким образом, несмотря на уменьшение числа теократических государств в мире, клерикальные государства не начали убывать, а приобрели «новую» форму. Так, на сегодняшний день в правовых актах данных государств все еще находит отражение официальный статус религий, но несмотря на это действует и право на свободу вероисповедания. На данный процесс повлияли

демократизация и культ правовых ценностей в обществе. Подчеркнем, что большинство современных государств подписывают международные соглашения, связанные с правами человека, в том числе и с осуществлением права на свободу вероисповедания. Современные клерикальные государства также активно принимают участие в их разработке и подписании. Это такие государства, как Великобритания и Дания. Кроме этого, одной из главных черт клерикальных государств является то, что практически большинство из них по форме правления являются монархиями. Упомянутый факт связан с сохранением в монархических странах обычаев и традиций короны, связи религии с королевской властью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международные договоры ООН. Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года [принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН].
2. Конвенции Совета Европы. О защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ред. с изм. от 24 июня 2013 г.) [заключена в г. Риме 04.11.1950].
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Российская газета. – 2001. – № 256. – Ст. 2027.
4. Алебастрова И.А. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 5 (114). – С. 117–136.
5. Гутинова Е.В. Вестминстерские статуты / пер. Е.В. Гутновой. – Москва: Юриздат, 1948. – 247 с.
6. Мордовцева Т.В. Клерикализм в условиях светской российской государственности // Философия права. – 2022. – № 4 (59). – С. 16–21.
7. Романов А.К. Право и правовая система Великобритании: учебное пособие. – Москва: Юрайт; Екатеринбург: Уральский университет, 2020. – 134 с.
8. Исследование показало, что более 20 стран мира имеют государственную религию [Электронный ресурс]. – URL <https://weekend.rambler.ru/> (дата обращения: 08.12.2024).
9. Какова вера, религия и ритуалы в Дании [Электронный ресурс]. – URL: <https://travelask.ru/denmark/> (дата обращения: 10.12.2024).
10. Конституция Королевства Дания [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalns.com/download/books/cons/denmark.pdf?> (дата обращения: 10.12.2024).
11. Малахов А.Г., Римский А.В. Культурно-исторические практики экстремизма // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2023. – Т. 48. – № 1. – С. 137–146.
12. Малахов А.Г., Римский А.В. Молодёжь в контркультурных экстремистских сообществах // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – № 1(41). – С. 207–213.

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ
ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ**

Ерыгин А.А.,

кандидат политических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье на основе анализа федеральных и региональных нормативных правовых актов, научных публикаций выявляется система органов публичной власти, реализующая в субъектах Российской Федерации государственную политику по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Особое внимание обращено на правовой статус советов по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей при высших должностных лицах российских регионов, их предназначение, состав и полномочия.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности, субъект Российской Федерации, орган государственной власти, совет, комиссия.

**ORGANIZATIONAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION
OF STATE POLICY IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN
FEDERATION TO PRESERVE AND STRENGTHEN TRADITIONAL SPIRITUAL
AND MORAL VALUES**

Erygin A.A.,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: based on the analysis of federal and regional normative legal acts, scientific publications, the article reveals the system of public authorities that implement the state policy of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values in the constituent entities of the Russian Federation. Particular attention is paid to the legal status of councils for the protection of traditional Russian spiritual and moral values under the highest officials of Russian regions, their purpose, composition and powers.

Keywords: traditional spiritual and moral values, subject of the Russian Federation, state authorities, council, commission.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1] (далее – Основы государственной политики) представляет собой «юридическую предпосылку для формирования идеологии новой России, выбравшей свой, независимый от коллективного Запада путь развития» [2, с. 8]. Для полноценной реализации положений данного указа необходима организационная основа в виде системы взаимосвязанных между собой органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества.

В указе главы государства организационный аспект предметно не раскрывается, но в п. 26 к основным организационным инструментам государственной политики в рассматриваемой сфере отнесена, в частности, «разработка органами публичной власти планов мероприятий по реализации Основ государственной политики» [1]. Очевидно, что деятельность по реализации Основ государственной политики должна иметь согласованный, скоординированный характер на всех уровнях публичной власти, включая региональный уровень. Поэтому Правительство Российской Федерации распоряжением от 1 июля 2024 г. № 1734-р утвердило «План мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3].

План мероприятий предусматривает проведение ряда организационных мер. Прежде всего, в третьем квартале 2024 года должны быть определены заместители высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, ответственные за координацию деятельности по рассматриваемому направлению, а также установлены структурные подразделения региональных исполнительных органов, ответственные «за обеспечение соответствия реализуемых (финансируемых) указанными органами проектов и мероприятий целям и задачам государственной политики» [3]. Например, в Белгородской области куратором данного направления работы определен заместитель Губернатора области – министр образования. В Тверской области заместитель Председателя областного Правительства по вопросам культуры назначен ответственным за координацию деятельности по реализации целей и задач государственной политики в рассматриваемой сфере [4].

В Свердловской области ответственность за это направление работы возложена на Департамент внутренней политики, в Чувашской Республике – на Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела, в Тульской области – на Министерство внутренней политики и развития местного самоуправления [5]. Такие различия в определении курирующего исполнительного органа свидетельствуют, с одной стороны, об определенной самостоятельности региональных управленческих элит, а с другой, – об отсутствии единства в трактовке основных направлений деятельности. Однако несмотря на такую ситуацию представляется избыточным предложение о необходимости принятия федерального закона с целью определения «функций органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6, с. 9]. На наш

взгляд, достаточно ограничиться принятием соответствующих региональных подзаконных нормативных правовых актов. В частности, в конце 2024 г. в российских регионах правовыми актами их глав и правительств были утверждены планы мероприятий по реализации Основ государственной политики.

Вышеуказанным распоряжением Правительства Российской Федерации поставлена также задача создания советов по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при федеральных и региональных исполнительных органах, органах местного самоуправления (далее – советы) либо внесения соответствующих изменений в нормативные правовые акты, регулирующие деятельность существующих общественных советов, о наделении их необходимыми функциями и полномочиями. Действительно, в ряде российских регионов подобные органы были учреждены еще до принятия правительственного акта. В частности, при Главе Тамбовской области с июля 2023 года действует Межведомственная комиссия по сохранению и укреплению гражданского единства, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7], при губернаторе Хабаровского края в декабре 2023 года создан Общественный совет по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Однако следует отметить, что с осени 2024 года процесс формирования в российских регионах советов в качестве консультативно-совещательных органов значительно ускорился, что, несомненно, связано с необходимостью выполнения распоряжения Правительства Российской Федерации.

Правовой статус совета, провозглашаемого совещательным органом (Белгородская область), коллегиальным совещательным органом (Хабаровский край), совещательным и консультативным органом (Республика Карелия, Тульская область), регулируется нормативным правовым актом, как правило, главы региона, которым утверждаются положение о совете и его состав. Особенностью совета в Калужской области является его учреждение при Министерстве внутренней политики согласно приказу данного исполнительного органа [8]. Аналогичный совет в Луганской Народной Республике создан при Министерстве культуры, что, на наш взгляд, не способствует повышению статуса советов в указанных регионах и снижает их возможности по реализации стоящих перед ними задач.

В состав совета входят председатель совета, его заместитель, секретарь совета и иные члены совета. Председателем совета является, как правило, глава субъекта Федерации, который выполняет организационные функции: а) осуществляет общее руководство деятельностью совета; б) определяет место, дату и время проведения заседаний совета; в) определяет порядок рассмотрения вопросов, обсуждаемых советом; г) утверждает планы работы совета и повестку очередного заседания; д) проводит заседания совета и председательствует на заседаниях; е) подписывает протокол заседания совета.

Количественный состав советов весьма существенно различается: 19 человек в Калужской области, 20 – в Белгородской области, 25 – в Республике Карелия, 40 – в Тульской, 50 – в Тамбовской областях. В состав советов включаются преимущественно представители федеральных и региональных органов

государственной власти с учетом занимаемых должностей, реже – органов местного самоуправления, образовательных организаций, духовенства различных конфессий, общественных объединений, иных некоммерческих организаций. Обширный численный состав предполагает возможности создания внутри советов рабочих, экспертных групп для решения конкретных вопросов.

Предназначение советов в различных регионах определяется схожим образом. Так, Совет при Губернаторе Белгородской области создан в целях в «выработки предложений по актуальным вопросам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, укрепления духовного единства народов, проживающих на территории области, взаимодействия и координации деятельности организаций, общественных объединений и иных некоммерческих организаций» [9].

К наиболее типичным полномочиям советов относятся:

- участие в разработке проектов нормативных правовых актов, документов стратегического планирования, направленных на сохранение и укрепление традиционных ценностей;

- взаимодействие с органами публичной власти, общественными объединениями, духовенством и иными некоммерческими организациями по вопросам укрепления гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности;

- взаимодействие со средствами массовой информации в целях реализации информационной политики, направленной на укрепление роли традиционных ценностей в массовом сознании и противодействие распространению деструктивной идеологии;

- оказание поддержки реализации общественных проектов институтам гражданского общества.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 года № 1734-р предусматривает также создание соответствующих комиссий при региональных общественных палатах. Выборочный анализ официальных сайтов общественных палат свидетельствует об учреждении таких комиссий, как по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Республики Мордовия и Татарстан), по социальной политике, сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и поддержке НКО (Челябинская область), по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, межнациональным и межрелигиозным отношениям, миграции (Краснодарский край), по реализации основ государственной политики, по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Омская область).

Резюмируя, можно предположить, что совместная, скоординированная деятельность органов публичной власти в рамках советов при высших должностных лицах российских регионов во взаимодействии с комиссиями региональных общественных палат послужит надлежащей организационной основой реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
2. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие / Justice. – 2023. – Т. 5. – № 1. – С. 8–15.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 1734-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2025).
4. Распоряжение Правительства Тверской области от 29 ноября 2024 г. № 1532-рп «Об утверждении плана мероприятий по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Тверской области на 2024–2026 годы» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Губернатора Тульской области от 15 января 2025 г. № 7 «О Совете при Губернаторе Тульской области по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (вместе с «Составом Совета при Губернаторе Тульской области по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти по должностям») [Электронный ресурс]. – URL: <http://npatula.ru> (дата обращения: 07.02.2025).
6. Мохов А.А. От Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. – 2024. – № 8. – С. 5–10.
7. Распоряжение Правительства Тамбовской области от 17 июля 2023 г. № 549-р (ред. от 03.07.2024) «О межведомственной комиссии по сохранению и укреплению гражданского единства, традиционных российских духовно-нравственных ценностей при Главе Тамбовской области» (вместе с «Положением о межведомственной комиссии по сохранению и укреплению гражданского единства, традиционных российских духовно-нравственных ценностей при Главе Тамбовской области») [Электронный ресурс]. – URL: <http://tamlife.ru> (дата обращения: 07.02.2025).
8. Приказ Министерства внутренней политики Калужской области от 13 февраля 2025 г. № 15-од «О создании Совета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при министерстве внутренней политике Калужской области» (вместе с «Положением о Совете по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при министерстве внутренней по-

литики Калужской области») [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.02.2025).

9. Распоряжение Губернатора Белгородской области от 28 декабря 2024 г. № 200-р «О создании Совета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при Губернаторе Белгородской области» (вместе с «Положением о Совете по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти при Губернаторе Белгородской области») [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Ерыгина В.И.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматривается сложившаяся в избирательном праве иерархия ценностей, основанная на выработанных исторической практикой принципах всеобщего равного прямого избирательного права при тайне голосования. Действующее российское избирательное право содержит нормы, направленные на государственное гарантирование избирательных прав граждан, определение правового статуса участников избирательных правоотношений, регулирование всех стадий проведения выборов в обычной стабильной ситуации. За время разработки и внедрения в практику избирательного законодательства современной России выработана целая система электоральных ценностей. Однако в кризисных ситуациях: пандемии, контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации, специальной военной операции, повышенной опасности действует чрезвычайное законодательство, различные подзаконные акты, которые ориентированы на сохранение ценностей жизни и здоровья граждан. Избирательное же законодательство Российской Федерации не ориентировано на чрезвычайные обстоятельства. Поэтому проведение выборов в таких условиях регулируется актами Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, которая совместно с правоохранительными органами, органами государственной безопасности, оборонными ведомствами, а также комиссиями субъектов Российской Федерации оперативно принимает решения о безопасности проведения выборов в каждой конкретной ситуации, максимально учитывая сложившуюся обстановку и защищая всех участников избирательных правоотношений. Сложилась разная электорально-правовые режимы в условиях специальной военной операции, допускающие и отложение голосо-

ния, и ограничения избирательных прав граждан ради сохранения безопасности как личности, так и государства. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в период специальной военной операции главной ценностью является безопасность всех участников избирательного процесса, защита их жизни и здоровья.

Ключевые слова: конституционно-правовые ценности, выборы, безопасность, чрезвычайная ситуация, кризисная ситуация, избирательные комиссии, избирательное право, электоральный суверенитет, гарантии избирательных прав граждан, электорально-правовые режимы.

SECURITY IN THE VALUE SYSTEM OF RUSSIAN ELECTION LAW

Yerygina V.I.,

Candidate of Historical Sciences, Associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: in the article the situation has developed in the electoral law of a hierarchy of values, based on the developed historical principles of all general equal direct electoral rights with secrecy. The current Russian electoral law contains norms aimed at state guaranteeing the electoral rights of citizens, determining the legal status of participants in electoral legal relations, and regulating all stages of elections in a normal stable situation. During the development and implementation of the electoral legislation of modern Russia, a whole system of electoral values has been developed. However, in crisis situations: a pandemic, counter-terrorism operation, emergency situation, special military operation, increased danger, emergency legislation and various by-laws are in force, which are aimed at preserving the values of life and health of citizens. The electoral legislation of the Russian Federation is not oriented towards emergency circumstances. Therefore, holding elections in such conditions is regulated by acts of the Central Election Commission of the Russian Federation, which, together with law enforcement agencies, state security agencies, defense departments, as well as commissions of constituent entities The Russian Federation promptly makes decisions on the security of holding elections in each specific situation, taking into account the current situation as much as possible and protecting all participants in electoral legal relations. Various electoral and legal regimes have emerged in the context of a special military operation, allowing both the postponement of voting and restrictions on the voting rights of citizens for the sake of preserving the security of both the individual and the state. As a result of the study, the author comes to the conclusion that during a special military operation the main value is the safety of all participants in the electoral process, the protection of their lives and health.

Keywords: constitutional and legal values, elections, security, emergency situation, crisis situation, election commissions, electoral law, electoral sovereignty, guarantees of citizens' voting rights, electoral legal regimes.

Основу современного правового государства составляют фундаментальные конституционно-правовые ценности и принципы. К основополагающим ценностям современного демократического общества относятся выборы, сопровождаемые многопартийностью, политическим и идеологическим разнообразием, свободой выражения мнений, свободой массовой информации. Эти ценности составляют политическую основу конституционного строя Российской Федерации, который опирается на баланс между интересами государства и свободой общества и на признание человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Для организации и проведения выборов необходима стабильная ситуация и устойчивый правопорядок, в котором будут четко соблюдаться все нормы избирательного права и законодательства и реализовываться гарантии политических прав и свобод граждан. Однако неблагоприятная внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка, в которой оказалась Россия в последние несколько лет, диктует необходимость выработки на теоретическом и нормативно-правовом уровнях новых подходов к анализу электоральных принципов и ценностей. Так, в условиях специальной военной операции практика проведения выборов невольно подсказывает всем субъектам избирательного процесса необходимость создания системы взаимосвязи и иерархии ценностей таким образом, чтобы доминировал принцип безопасности.

Доктринально выделяются несколько видов безопасности: международная, национальная, общественная, государственная, личная. Все эти виды взаимосвязаны, и ни один из них не имеет приоритета, так как невозможно обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан без безопасности и суверенитета государства. Правовую основу безопасности выборов в России составляют Конституция Российской Федерации, международные акты (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года), национальное законодательство, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Однако безопасность выборов требует принятия дополнительных актов органов государственной безопасности; правоохранительных органов, включая полицию; Министерства обороны Российской Федерации; оперативных штабов; антитеррористических комитетов, Росгвардии. Взаимодействие указанных органов с избирательными комиссиями способствует выработке механизмов реализации избирательных прав граждан в условиях чрезвычайных или кризисных ситуаций.

В последнее время появилось несколько терминов для обозначения безопасности на выборах: «электоральный суверенитет» и «надежность электоральных процедур государства». Под электоральной надежностью понимают универсальный показатель правового регулирования выборов, обеспечивающего свободное и подлинное волеизъявление народа по вопросам воспроизводства властных институтов на уровне выборов высшего должностного лица государства [1]. По мнению аналитиков Российского общественного института избирательного права, избирательная система становится более устойчивой, если в нее

проникает больше элементов демократии, которые соответствуют воле и ожиданиям общества. По индексу электоральной надежности Россия лидирует наравне с такими государствами, как Бразилия и Индия. Оценка надежности электоральных процедур, прежде всего, зависит от обеспечения реализации конституционных гарантий власти народа и избирательных прав граждан. Результатом волеизъявления граждан является консолидированная воля граждан государства, которая формируется на основе конституционных принципов и ценностей [1]. Важнейшими принципами и ценностями избирательного права являются принципы всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании. Однако в экстренных ситуациях законодательство России предусматривает ограничение или обход этих принципов ради безопасности граждан и государства. Безопасность выборов непосредственно связана с минимизацией или вовсе отсутствием нарушений избирательного законодательства и прав избирателей на свободное волеизъявление, реализацию своего права на определение наиболее достойных представителей во власти.

Электоральный суверенитет является одной из форм выражения государственного суверенитета в избирательной сфере, обеспечивающей решение задач безопасного и устойчивого развития государства при организации и проведении электоральных процедур [2, с. 93].

Основные принципы избирательного права не должны противопоставляться друг другу, они должны находиться в балансе друг с другом. Государство должно гарантировать каждому гражданину возможность реализации равного и прямого избирательного права ради сохранения преемственности власти, ее ротации, сохранения демократических традиций и иных ценностей, воплощающих некий идеальный образ конституционного правопорядка.

Ценности свободы выбора, равного избирательного права, справедливого установления итогов голосования, безопасности избирательных процедур были добыты российским народом в упорной борьбе за политические права (как, впрочем, и другими народами мира тоже) и были признаны правовыми ценностями. «В качестве высоких идеалов они пронизывают общественное правосознание и становятся основными принципами права» [3, с. 177]. После Второй мировой войны принципы избирательного права закрепляются в международных документах Организации Объединенных Наций и признаются большинством государств мира в качестве международных стандартов выборов [4].

Конституционная ценность избирательных прав граждан была предметом специального рассмотрения Н.С. Бондаря и А.А. Джагарян. По их мнению, принципы избирательного права «воплощают в себе наиболее важные, основополагающие правовые требования, предопределяющие демократизм избирательной системы в Российской Федерации, реальные возможности граждан Российской Федерации участвовать на основе свободного волеизъявления в выборах». Указанные авторы выделяют классические и новые принципы избирательного права. К первому виду принципов они относят принципы всеобщего равного и прямого избирательного права при тайне голосования, добровольность участия в выборах, а ко второму виду принципы периодической сменяемости состава выборных органов публичной власти и избираемых должност-

ных лиц, альтернативности выборов, светский характер избирательного процесса, транспарентности выборов [5, с. 38–51].

Современные условия специальной военной операции привели к поиску баланса ценностей свободных выборов и права на свободу слова и печати в период избирательной кампании; периодичности и обязательности проведения выборов и безопасности голосования; альтернативности выборов, наличие конкуренции и консолидации общества для решения общих вопросов, формирования органов публичной власти. Конкретные условия чрезвычайных обстоятельств повышенной опасности, чрезвычайной ситуации регионального и федерального уровней, контртеррористической операции потребовали установления наиболее адекватных современной ситуации механизмов проведения выборов и пересмотра ценностей.

Особый случай представляет собой проведение выборов в условиях военного положения, в которых оказались как мирные граждане Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей, так и военнослужащие, участвующие в специальной военной операции на территории Украины. Для таких избирателей участие в избирательном процессе является крайне важным событием, так как указанные граждане стремятся к тому, чтобы избрать тех кандидатов, те политические партии, позиция которых в наибольшей степени отвечала бы их представлениям о наиболее оптимальной модели построения социальной жизнедеятельности, т.е. их субъективным представлениям о должном порядке вещей на конкретной территории и в конкретный период времени [5, с. 15].

Государство должно гарантировать реализацию гражданами избирательных прав, т.е. создать благоприятные условия для участия граждан в избирательном процессе. Однако в чрезвычайных условиях возникает противоречие между ценностью равных избирательных прав и ценностью безопасности. В качестве вынужденной меры определенные отступления возможны от классических принципов избирательного права, в частности, ограничения равного избирательного права в пользу принципов безопасности, например, закрытие избирательных участков, их перенесение в безопасное место, голосование вне помещения для голосования. Разделяем точку зрения И.Б. Борисова и И.Г. Чистобородова, что проведение выборов в условиях специальной военной операции является сложной задачей, так как «помимо организации всего комплекса электоральных мероприятий, необходимо обеспечить правопорядок и безопасность всех участников» избирательного процесса, который должен базироваться на соблюдении основополагающих принципов: свободы выбора, равенства, подлинности, гласности и открытости [6, с. 29].

Транспарентность выборов как ценность российского избирательного права также уступает принципу безопасности, так как свобода массовой информации может быть ограничена. В Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 55) определен перечень целей, ради которых свобода массовой информации может быть ограничена. Одной из них является обеспечение безопасности государства.

В целях безопасности организации и проведения выборов предусмотрен целый комплекс запретительных положений, связанных с проведением предвыборной агитации, осуществлением свободы слова. Агитация не должна содержать признаков экстремизма, дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации, недостоверную информацию о кандидатах, политических партиях, пропаганду какого-либо превосходства или унижение достоинства человека, демонстрацию нацистской символики или атрибутики.

Безопасность жизни и здоровья граждан относится к естественным неотъемлемым правам человека, которые имеют приоритет по сравнению с политическими правами, включая право избирать и быть избранным. Поэтому в интересах безопасности граждан в период военного положения выборы могут вообще не проводиться согласно действующему законодательству, основанному на естественно-правовой теории, превозносившей права и свободы человека выше общественной пользы и выгоды. Хотя следует прислушаться к мнению В.М. Гессена, который признавал «право на власть» прирожденным, естественным правом индивида [7, с. 111]. Совокупность же свободных и равных индивидов образует народ, обладающий правом избирать своих представителей во власти. И в этом проявляется социальная сущность и социальная ценность не только отдельного избирателя, но и народа в целом, который посредством договора и через представительство обретает свое единство и силу. Через безопасность общества, народа, отождествляемого с государством, можно достигнуть безопасности каждого. О такой коллективной безопасности думали жители четырех новых субъектов Российской Федерации, которые не только взяли в руки оружие, защищая свою землю, но и бюллетени ради определения будущего социально-политического и правового мироустройства и порядка на своей территории. Высокая явка избирателей и на референдумах, и на выборах за новых своих представителей свидетельствует о формировании конституционного мировоззрения у жителей Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей.

Проведя анализ ценностей российского избирательного права, следует признать, что в условиях мирного времени главными ценностями являются гарантированные Конституцией Российской Федерации, международными нормами, законами принципы всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании. В военное же время, в условиях кризисных ситуаций приоритет следует отдать принципу безопасности в силу ценности человека, его жизни и здоровья при планировании и проведении различных демократических процедур, включая выборы и референдумы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сравнительный анализ эффективности правового регулирования и практики проведения выборов по критериям обеспечения избирательных прав. Аналитический доклад. Российский общественный институт избирательного права (РОИИП). Часть 2. Анализ практики проведения выборов – электоральный практикум [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.roiip.ru/images/data/>.

2. Борисов И.Б. Обеспечение электорального суверенитета во внешних сношениях // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2. – С. 88–103.
3. Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг., вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. – Москва: Прогресс, 1987. – 248 с.
4. Международные избирательные стандарты: сборник документов / отв. ред. А.А. Вешняков; науч. ред. В.И. Лысенко. – М.: Весь мир, 2004. – 1152 с.
5. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Конституционная ценность избирательных прав граждан России. – Москва: Формула права, 2005. – 336 с.
6. Борисов И.Б., Чистобородов И.Г. Воля населения освобожденных территорий Украины – основа мирного развития // Гражданин, выборы, власть. – 2022. – № 3. – С. 11–34.
7. Гессен В.М. Основы конституционного права. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 496 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР РОССИИ

Залюбовская В.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: современная Россия находится на переломном этапе своего развития, где важно сохранить историческую преемственность, одновременно адаптируясь к новым вызовам. Это требует глубокого осмысления роли культуры, образования и традиций в формировании будущего общества. Баланс между индивидуализмом и коллективным опытом, между традициями и инновациями, должен стать ключом успешного перехода к новому этапу развития.

Ключевые слова: культурное наследие России, преемственность, традиция.

THE RELEVANCE OF CONSTITUTIONAL REFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zalyubovskaya V.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: Modern Russia is at a turning point in its development, where it is important to preserve historical continuity while adapting to new challenges. This requires a deep understanding of the role of culture, education, and traditions in shaping the future of society. A balance between individualism and collective experience, between tradition and innovation, which will be the key to a successful transition to a new stage of development.

Keywords: the cultural heritage of Russia, continuity, tradition.

На протяжении всей мировой истории выдающиеся мыслители исследовали концепцию «преемственности». В своих суждениях они использовали различные методологические подходы и приемы. Порой первичным шагом в анализе становилось определение отличий и сходств между понятиями «преемственность» и «повторяемость».

Процесс повторения тесно связан с дискретностью и непрерывностью, в то время как преемственность проявляется как в виде непрерывности, так и прерывности. При анализе повторения можно сказать, что оно подразумевает полный или частичный возврат к ранее усвоенному материалу. Преемственность, в свою очередь, включает возвращение к прошлому, включая его воспроизведение на новом уровне качества. Исходя из вышесказанного, преемственность и повторяемость имеют схожие аспекты содержания, однако они не идентичны. В целом преемственность охватывает более широкий спектр, чем повторяемость. Категория «преемственность» предоставляет основу для осознания перехода от абстрактного к конкретному, а также от исторического к логическому. Б.М. Бобров утверждал, что «принцип совпадения логического и исторического служит критерием преемственности идей, не позволяя игнорировать ее значение в процессе познания и одновременно не допуская абсолютизацию преемственности и некритического отношения к духовному наследию прошлого». В настоящее время проблема культурных связей вышла на качественно новый уровень между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим [1].

В первую очередь прослеживается постоянство взаимосвязи природной среды и биологические черты человека. Это базис, который связывает поколения людей через неизменные природные явления и условия с биологической природой человека.

Материальный или же предметный мир, выраженный в рукотворных объектах и предметах, представляющих общечеловеческую ценность. Материальные объекты окружающей действительности, созданные предыдущими поколениями, формирующие среду обитания и образ жизни и переходящие к новым поколениям в новые эпохи. Это достижения в области науки и техники, архитектуры, искусства и другие предметы материальной культуры.

Духовное достояние человечества. Ценности, идеи, традиции и мировоззрение, передаваемые через воспитание и социализацию (религиозные, философские взгляды, учения, нормы и варианты поведения), играют ключевую роль в формировании идентичности общества. Они определяют то, как люди воспринимают мир и взаимодействуют друг с другом.

Русское национальное самосознание на протяжении всей истории существования российской государственности всегда выступало в качестве идеи географически огромного единого и безмерно могущественного государства, предшествующая своему материальному выражению и воплощению.

Процесс преемственности поколений на данном этапе предельно осложняется тем, что, во-первых, он происходит в условиях не только смены социокультурной практики поколений, но и смены политической, экономической и социальной структур. Государственная власть Российской Федерации реализу-

ет политику сохранения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей как важнейшего условия укрепления суверенитета и безопасности государства. В целях обеспечения национальной безопасности России государством созданы инструменты по защите государством духовно-нравственных ценностей, что ведет к тенденции нового образа России – «суверенной демократии».

Во-вторых, приоритетное значение приобретает не межпоколенная преемственность, а актуальное заимствование, как правило, элементов культуры развитых стран Запада, т.е. диффузия, особенно если речь шла о строении демократического государства. В эпоху американской и французской революций, потрясших Европу в XVIII веке, их итоги легли в основу демократических государств с внедрением нового принципа «национального суверенитета». В то время речь шла о праве народа осуществлять государственную власть через выборных представителей в пределах определенной территории. Источником легитимности политической системы демократического государства стало признание воли и интересов большинства населения. Под воздействием волн демократических преобразований в странах социализма после 1991 года возродилось представление о единстве мира и его поступательном движении в одном направлении, которое было утрачено в конце XIX века. Однако современные тенденции Запада с их политической апатией, влияния корпораций путем лоббирования интересов, рост социального расслоения и культурного кризиса сегодня не вызывает массовую поддержку среди российских граждан видеть Россию в качестве восприимчивой демократических «ценностей» и институтов Запада. На протяжении многих столетий такие понятия, как «**суверенитет**» и «**демократия**» были связаны.

В-третьих, нигилистическое отношение к наследию поколений советского периода приводит к разрушению авторитета старших поколений в глазах молодежи.

В-четвертых, девальвация духовных ценностей и норм предыдущих поколений затрудняет передачу их следующим поколениям. В ином аспекте эта проблема предстает в виде вопроса о том, какая из тенденций российской государственности является преобладающей – ее преемственность или изменчивость, ее способность усваивать новые ценности или только отторгать их.

На этапе радикальной модернизации, характерной для реформенных периодов отечественной истории, нарушается временная направленность межпоколенной трансляции социокультурного опыта, то есть преемственность заменяется социокультурной диффузией: общество раскалывается на сторонников модернизации, полностью отвергающих опыт «отцов» (и соответственно отказывающихся от любых форм преемственности), и консерваторов, продолжающих стоять на традиционалистской позиции. Передача традиции или восприятие новаций в обществе осуществляется не между различными поколениями, а в разных группах носителей определенной идеологии (сторонников традиционалистских взглядов или модернистов) [2]. Наиболее ярко в отечественной истории такая модель была представлена деятельностью Петра I, в ходе большевистской революции 1917 г., во время реформ 1985–1993 гг., когда начиналось формирование и накопление нового социокультурного опыта. При этом стре-

мительное изменение условий жизни в равной степени касается всех – и тех, кто их приемлет, и тех, кто не приемлет. Основной движущей силой модернизации здесь становится городское население и, преимущественно, молодежь. И, наконец, на этапе фрагментарной модернизации, примерами которой являются преобразования в России последнего десятилетия, господствует реверсивная модель. Суть фрагментарной модернизации в том, что перемены касаются лишь отдельных сторон жизни (идеологии, экономики, политического строя), но базовые элементы культуры остаются неизменными. Руководство государства таким образом сохраняет культурные черты прошлого.

В реалиях сегодняшнего времени важной и актуальной темой остается поиск идентичности и ответов на современные вызовы. Социокультурный опыт прошлых поколений может служить источником вдохновения и мудрости для решения актуальных проблем. Однако речь должна идти не о «механическом» копировании традиций, а об их творческом переосмыслении и интеграции в современные реалии.

Общение современного человека с предшествующими поколениями через памятники искусства и литературы, достижений науки и техники, расширение духовных горизонтов через философию, религию, нравственные ценности раздвигает границы его непосредственной практики, духовно обогащает, воспитывает любовь к своей Родине. Это особенно важно в условиях глобализации во всех сферах жизни, когда культурные границы размываются, а традиционные ценности подвергаются пересмотру или вовсе утрачивают силу.

Для формирования полноценной личности необходимо глубокое знание и понимание отечественного социокультурного наследия. Оно помогает человеку осознать свою принадлежность к российской культуре, укрепить духовные и нравственные основы и воспитать чувство ответственности за будущее своей страны. Без этого знания невозможно сохранить преемственность поколений и обеспечить устойчивое развитие современного общества.

Таким образом, обращение к прошлому – это не просто дань уважения памяти предков, а важный шаг к созданию гармоничного будущего. Это высказывание подчеркивает важность гармоничного сочетания традиций и инноваций, что позволяет сохранять культурную идентичность, одновременно оставаясь открытыми для новых идей и изменений. Такой подход способствует устойчивому развитию общества, где уважение к прошлому не препятствует прогрессу, а, наоборот, обогащает его. Это особенно актуально в современном мире, где глобализация и технологический прогресс ставят перед нами новые вызовы, требующие гибкости и адаптации, но без утраты корней и ценностей.

Таким образом, подводя итоги, можно установить некоторые тенденции преемственности как культурного и исторического ориентира России. Обращение к исследуемой проблеме актуально потому, что лучшие образцы жизни и деятельности людей прошлого могут и должны быть средством воспитательного воздействия для нынешних и будущих поколений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобров Б.М. Логическое и историческое и преемственность идей // Ленинская теория отражения и современность. – Свердловск: СГУ, 1967. – С. 156–162.
2. Горностаева Л.Г. Преемственность поколений как фактор социокультурной динамики: на примере российского социума: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Москва, 2007. – 24 с.
3. Гуляев И.И. Гражданская и правовая культура российской молодежи: учебное пособие для вузов. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2024. – 124 с.
4. Политология: учебное пособие для вузов / Н.А. Баранов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 207 с.
5. Теория культуры: учебное пособие для вузов / С.Н. Иконникова [и др.]; под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 513 с.
6. Чмож В.А. Традиционные ценности, обычаи и культура народов как основа цивилизационного кода России / Традиционные российские духовно-нравственные ценности, поддержка семьи и семейного воспитания: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году семьи в Российской Федерации и 95-летию ГАУ ДПО «ВГАПО», Волгоград, 27 марта 2024 года. – Волгоград: Волгоградская государственная академия последипломного образования, 2024. – С. 407–412.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА

Ивашина Р.А.

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в жизни каждого социума имеет место быть определенный порядок, регламентирующий, определяющий и регулирующий жизнь социума. В европейской цивилизации за более чем двухтысячелетнюю историю сформировался свой порядок. Он основан на философских идеях, политическом опыте, а также религиозных убеждениях. Изначально религиозные убеждения представляли собой языческие верования, в частности язычество античной цивилизации. На смену язычеству пришло христианство, которое в IV веке заменило язычество. В связи с этим, для понимания устройства жизни современного европейского общества необходимо обращаться и к христианскому учению, которое представлено помимо первоисточника Библии в письменном наследии отцов церкви. Одним из ярких и ключевых представителей в христианской теологии является Григорий Богослов. Его труды прежде всего посвящены разъяснению понимания природы Бога. Тем не менее в них находим и социально-политические идеи. Причем свое понимание социально-политического устройства общества он излагает не только в своих письменных трудах, но и иллюстрирует личным примером, который находим в его житии. Для понимания его социально-политических взглядов необходим комплексный анализ его жития и письменного наследия, что и пытается сделать автор данного исследования. Григорий Богослов, описывая природу человека, состоящую из материального тела и нематериальной души, дарованной Богом, а также последствий грехопадения, поясняет причины зла в мире. Зло и несправедливость показывают свободу выбора человека, а также власть над человеком его страстей, приводящих к плохим поступкам. Это и обуславливает свой вариант порядка для организации жизни социума.

Ключевые слова: свобода, социум, насилие, христианство, Григорий Богослов, подчинение, страсти.

SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF GREGORY THE THEOLOGIAN

Ivashina R.A.

(Belgorod State National Research University)

Abstract: there is a certain order in the life of each society that regulates, defines and regulates the life of the society. In the European civilization, for more than two thousand years of history, its own order has been formed. It is based on philosophical ideas, political experience, as well as religious beliefs. Initially, religious beliefs were pagan beliefs, in particular the paganism of ancient civilization. Paganism was replaced by Christianity, which replaced paganism in the fourth century. In this regard, in order to understand the structure of life in modern European society, it is

necessary to turn to Christian teaching, which is represented in addition to the original source of the Bible in the written legacy of the church fathers. One of the most prominent and key representatives in Christian theology is Gregory the Theologian. His writings are primarily devoted to clarifying the understanding of the nature of God. Nevertheless, we also find socio-political ideas in them. Moreover, their understanding of the socio-political structure of society.

Keywords: freedom, society, violence, Christianity, Gregory the Theologian, submission, passions.

Европейская цивилизация сформировалась на основе христианского вероучения и системы ценностей. Помимо догматической основы христианства – Библии, на второе место следует поставить труды отцов церкви. Одним из представителей патристической классики является Григорий Богослов.

Личность Григория Богослова очень всесторонняя. В христианстве он один из отцов церкви, оказавших непосредственное влияние на формирование догматического вероучения. В то же время он является выпускником академии Платона [9, с. 1067], то есть имел блестящее философское образование. В нем синтезируется и античная философия, и христианское вероучение, что вызывает особый интерес к изучению его письменного наследия. Для всестороннего понимания социально-политических взглядов Григория Богослова необходимо обратиться и к анализу его жизни, которую он старался вести в соответствии с вероучением христианства.

После окончания академии Григорий возвращается домой и в скором времени по приглашению друга и соратника Василия Великого поселяется с ним в пустынной местности в долине реки Ирис, где они ведут аскетическую жизнь христианских отшельников. Несмотря на все трудности, Григорий Богослов очень тепло вспоминал этот период его жизни [2, с. 413–414]. Аскетическую жизнь можно охарактеризовать как добровольные ограничения, которые необходимы для борьбы со страстями или воздержанием.

Несмотря на то, что этот образ жизни был очень близок Григорию, он вынужден оставить пустыню и вернуться домой к своему отцу. Дома он становится незаменимым помощником в деле служения церкви. По настоянию отца Григорий Богослов в 362 году принимает посвящение в священнослужители. В одном из своих «слов» принятие священного сана он объясняет следующим образом: «я (упомяну об этом теперь), подвергшийся доброму принуждению, и вы, употребившие доброе принуждение» [4, с. 17]. Если учесть, что он подчинялся воле отца, а также видел в этом волю самого Бога, то следует понимать это подчинение как «доброе принуждение» [4, с. 17]. Другими словами, он это считает необходимым ограничением личной свободы выбора, которое необходимо для дальнейшего блага церкви, а значит – людей. Соответственно личная свобода должна быть ограничена подчинением родителям и воле Бога.

В период пребывания в пустыне Григорий Богослов помогал в составлении нового устава для монастырей. Сам по себе монастырский устав представляет собой свод правил, которые также являются ограничением личной свобо-

ды человека. Это участие можно оценить как признание Григорием Богословом необходимости исполнения монашеских ограничений, которые можно обозначить как физическое и моральное насилие над человеком, ограничивающее его свободу выбора. С другой стороны, этот устав многое в монашеской жизни упорядочил и упростил. В некоторых случаях было все значительно жестче. По этой причине, созданные им ограничения имели смягчающий характер.

Десять лет Григорий прослужил в сане священника. После посвящения в епископы в 378 (по другим данным в 379) году его приглашают возглавить кафедру в городе Константинополе – столице Византийской империи. В период всего служения он много проповедовал и показал себя прекрасным оратором. Часто проповедовал с целью урегулирования проблемных и конфликтных ситуаций и ему удавалось урегулировать их. Именно аргументированные рациональные убеждения помогали примирить враждующих, успокоить скорбящих, вернуть паству из ереси в православие.

Касательно словесных убеждений Григорий Богослов говорит следующее: «Нас не принуждают, а убеждают. Ибо что не произвольно, то и непрочно... Добровольное же и прочнее, и надежнее. И первое есть дело употребляющего насилие, а последнее собственно наше. Первое свойственно насильственной власти, а последнее – Божию правосудию» [7, с. 457]. Отсюда следует, что он с уважением относился к убеждениям других людей. Тем не менее, он имел свое твердое убеждение, соответствующее священному писанию. Доносил его до окружающих исключительно путем убеждений.

Ярким примером его личной свободы и уважением к свободе других было его участие в должности председателя Второго Вселенского собора. Некоторые участники устраивали интриги, провокации путем резких высказываний в адрес Григория Богослова. Несмотря на все сложности, он сохранил выдержку, вел себя достойно, в соответствии с христианским этикетом поведения. На критику противников отвечал рациональными аргументами. Эти действия свидетельствовали о его уважении к чужому мнению, даже неправильному. Впоследствии он отказывается от должности председателя собора и Константинопольской кафедры и возвращается в родные места. Здесь он демонстрирует свою неконфликтность. Конфликт является одно из форм психологического насилия, а Григорий Богослов его избегает.

Исходя из источников, после Второго Вселенского собора и ухода с Константинопольской кафедры Григорий Богослов прожил еще около девяти лет и скончался в промежутке между 389–390 годами. В дополнение к теме исследования следует привести сохранившееся от современников описание внешности Григория Богослова: «истощенный заботами» [12, с. 526–527]. Эти краткие слова свидетельствуют, что он всего себя отдавал служению церкви. Отсюда вытекает понимание свободы как ограничения личного выбора, где на первом месте стоит церковь.

Выше были приведены некоторые аспекты из жизни Григория Богослова, демонстрирующие его понимание социальной и политической свободы. Для более полного и всестороннего подхода далее следует обратиться к анализу письменных трудов.

До нас дошла большая коллекция его «Слов» и «Писем» Григория Богослова, которые имеют вид краткого изложения, но сам слог исследователями характеризуется как «обработанный мастерски» [13, с. 173]. Исследователи его письменные труды разделяют на три категории: догматические, нравственные и исторические. Первая категория отражает проблемы, которые были в его эпоху – христологические споры. В них делается разбор догматического понимания трех ипостасей Святой Троицы. Остальные две категории направлены на тематику «немощей и своих скорбей» [13, с. 175]. Именно эта категория трудов и позволяет раскрыть тему данного исследования.

Давая наставления, Григорий Богослов выделяет как нечто особое жизненный путь христианина и описывает его следующим образом: «идите царским путем, не уклоняясь ни направо, ни налево, и под руководством Духа шествуйте узким путем, как пространном. Тогда все у вас будет благоуспешно и в настоящей жизни, и на будущем испытании» [6, с. 23]. В этих словах находим указания на особый образ жизни в соответствии с заповедями. Исполнение заповедей он аргументирует «благоуспешностью» в жизни земной и вечной. Осознание лучшей загробной участи делает ограничения в земной жизни менее тягостными. Отсюда следует понимание социальных ограничений в виде жизни в соответствии с заповедями.

В толковании истории грехопадения человека Григорий Богослов называет причиной произошедшего дарованную человеку свободу выбора. Именно эта свобода стала причиной решения при нарушении заповеди: «от дерева познания добра и зла, не ешь от него» (Быт. 2,17). Дарованная человеку свобода не имела ограничений, в противном случае Бог вмешался и остановил бы Адама и Еву при вкушении запретного плода. Бог не вмешался, чем и показал свободу выбора человека. Следствием грехопадения стало подчинение человека страстям: «От чего я на земле стал узником плоти?» [3, с. 68]. Они стали свойством естества человека и представляют собой психологическое и физиологическое насилие над человеком. Страсти проявляют себя в социальной сфере и часто являются причиной физического и психологического насилия в социуме.

В размышлениях о свободе человека Григорий Богослов предлагает свой вариант понимания свободы человека, называя ее «неограниченным правом выбора» [10, с. 357], но в условиях ограничений исполнением заповедей. Грехопадение сделало человека склонным к нарушению заповедей, он имеет внутреннее физиологическое желание следовать страстям. Подчинение страстям ограничивает свободу человека. Методами борьбы со страстями Григорий Богослов называет разум и аскетизм. Разум дает указание к правильному управлению телом, а аскетические подвиги способствуют подавлению страстей. Если разум перестает руководить человеком, тот попадает в подчинение страстям.

Одним из социальных явлений эпохи жизни Григория Богослова является тема рабства. Касательно понимания Григорием Богословом данного социального явления как вида насилия и ограничения свободы, находим высказывания в его трудах и житии. От родителей ему досталось имение, в числе которого были и рабы. Перед своей смертью рабам он дал свободу. Некоторые исследователи утверждают, что далеко не всем рабам. В высказываниях он негативно

отзывался об этом явлении, но, судя по житию, принимал рабство как норму вынужденную. В своем труде «Слово 19» он говорит, что рабы должны подчиняться своим владельцам, сравнивая рабство с послушанием Иисуса Христа. В то же время, обращаясь к рабовладельцам, он говорит о необходимости быть предельно мягкими к рабам, этим не усугублять их непростое социальное положение. Также Григорий Богослов отмечает, что перед Богом все люди равны в независимости от их социального положения: «правда определяется не по чинам» [1, с. 462]. Патрологи отмечают, что для Григория Богослова рабство имело противоестественный характер. Объяснял он явление рабства следствием грехопадения. Изначально все люди имели свободу, а после грехопадения они ее утратили. Он отмечал, что рабы, как и свободные люди, имели такие же страсти и склонности к греху. Таким образом, Григорий Богослов рабство считал насилием над физической свободой человека, но в то же время был относительно лоялен к этому виду насилия, пытался лишь уменьшить его тяжесть.

Отдельной частью письменных трудов Григория Богослова следует назвать его стихотворения. Их тематика касается нравственного поведения и борьбе со страстями, которые есть ни что иное как физическое и психическое насилие над человеком.

Григорий Богослов в своих трудах основное внимание уделял пониманию троичности Бога так называемой триадологии. Но есть у него труды социальной направленности. В период служения в 370-х годах в Назианзе в этой местности случилась засуха и град, вызвавшие неурожай. В результате этого им было написано «Слово 16», в котором он размышляет о смысле бедствий и значении их для человека. Он говорит, что бедствия посылаются Богом одному человеку, а могут целому народу. Отсюда следует понятие коллективного наказания за грехи большого количества людей. Бедствия, посланные Богом, есть насилие физическое и психическое, но это насилие имеет смысл людского покаяния в совершенных грехах. Также Григорий Богослов выделяет закономерность, в которой указывает, что одно насилие приводит к другому насилию.

Отдельным видом насилия и свободы личных убеждений является мученичество. Первые три века христианства в церковной истории именуются как период гонений. В это время мученичество за христианские убеждения было частым явлением. Христиане отказывались менять свои убеждения даже под страхом лишений, страданий и даже смерти. Этим они демонстрировали свою свободу убеждений. Мучения и казнь представляют собой физический и психологический виды насилия.

Тема женщин дополняет тему порядка жизни социума. Григорий Богослов к женщине относится в духе своей эпохи. Она находится в подчиненном положении у мужчины. Ее права ограничены, и она имеет определенные обязанности. В то же время он не соглашался с мнением, что женщина есть «источник всех зол, соблазнов и неприятностей» [10, с. 169].

В вопросах церковной иерархии он указывает на необходимость наличия иерархии в церкви. Необходимость он обосновывает тем, что отсутствие иерархии приводит к брожению и анархии в церкви. Эти закономерности можно перенести и на жизнь всего социума.

В заключение необходимо отметить, что Григорий Богослов в своих взглядах умело синтезировал античную философию и христианское вероучение. Этот синтез стал одной из основ христианской теологии и повлиял на устройство церкви как социального института.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Григорий Богослов. Письмо 72 К Симпликии (38). Собрание творений в 2-х томах. Т. 2, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
2. Григорий Богослов. Письмо к Василию Великому 4-е. Собрание творений в 2-х томах. Т. 2, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
3. Григорий Богослов. Плач о страданиях души своей. Собрание творений в 2-х томах. Т. 2, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
4. Григорий Богослов. Слово 1. На Пасху и о своем замедлении. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
5. Григорий Богослов. Слово 16 на память святых мучеников Маккавеев. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
6. Григорий Богослов. Слово 2. К призвавшим в начале, но не встретившим св. Григория, когда он стал пресвитером. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
7. Григорий Богослов. Слово 31, о богословии пятое, о Святом Духе. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
8. Григорий Богослов. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
9. Лебедева Е.А. Светильник Вселенской церкви: очерк жизни и трудов св. Василия Великого. Странник, 1902. № 1. С. 3–26; № 2. С. 209–230; № 3. С. 426–446; № 4. С. 661–696; № 5. С. 917–943; № 6. С. 1037–1068. Репринт. – Санкт-Петербург: Аксион естин, 2009.
10. Митрополит Илларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. – Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви: Вече, 2013.
11. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. – Москва, 2001.
12. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Историческое учение об отцах церкви. Репринтное издание в 3-х т. Т. 2. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996.

ЗАЩИТА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СВЯЗЬ С ОХРАНИТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЯМИ ПРАВА

Козлова А.А.

(Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России)

Аннотация: статья посвящена решению важного в теоретическом и практическом плане вопроса о том, как соотносится защита духовно-нравственных ценностей с традиционно выделяемыми учеными-юристами функциями права и прежде всего с охранительной и воспитательной функциями. Охранительную функцию в отечественной юриспруденции относят к группе собственно-юридических (специально-юридических) функций права, воспитательную – к общесоциальным функциям права. Анализируя содержание названных функций, автор приходит к выводу о том, что защита духовно-нравственных ценностей не является составляющей их содержания, хотя и связана с ними довольно тесно.

Автор высказывает и аргументирует мнение о том, что защита духовно-нравственных ценностей – самостоятельная функция права. В статье подчеркивается, что защита духовно-нравственных ценностей представляет собой самостоятельное направление правового воздействия на общественные отношения. Посредством защиты духовно-нравственных ценностей обеспечивается решение важной задачи, стоящей перед правом. Таким образом, имеются основания утверждать, что защита духовно-нравственных ценностей обладает всеми признаками, характеризующими любую функцию права в качестве самостоятельной, она не может и не должна рассматриваться в качестве составляющей не только воспитательной или охранительной, но и любой другой функции права.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, функции права, охранительная функция права, воспитательная функция права, правовая защита, правовая защита духовно-нравственных ценностей.

PROTECTION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES: CONNECTION WITH THE PROTECTIVE AND EDUCATIONAL FUNCTIONS OF LAW

Kozlova A.A.

(Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to solving an important theoretical and practical question of how the protection of spiritual and moral values correlates with the functions of law traditionally distinguished by legal scholars, and above all with the protective and educational functions of law. The protective function in Russian jurisprudence belongs to the group of proper legal (special legal) functions of law, the educational function belongs to the general social functions of law. Analyzing the content of these functions, the author comes to the conclusion that the protection of spir-

itual and moral values is not a component of their content, although it is closely related to them.

The author expresses and argues the opinion that the protection of spiritual and moral values is an independent function of law. The article emphasizes that the protection of spiritual and moral values is an independent direction of legal influence on public relations. Through the protection of spiritual and moral values, the solution of an important task facing the law is ensured. Thus, there is every reason to assert that the protection of spiritual and moral values has all the characteristics that characterize any function of law as an independent one, it cannot and should not be considered as a component not only of educational or protective, but also of any other function of law.

Keywords: spiritual and moral values, functions of law, protective function of law, educational function of law, legal protection, legal protection of spiritual and moral values.

Сегодня бесспорным является тот факт, что право играет чрезвычайно значимую роль в защите духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем отечественными учеными-юристами защита духовно-нравственных ценностей не выделяется в качестве самостоятельной функции права, а отдельные аспекты правового воздействия, связанные с осуществлением такой защиты, затрагиваются там, где речь идет о таких включенных в общепризнанный «каталог» функций права, как охранительная и воспитательная функция. С учетом изложенного представляется значимым в теоретическом плане решить вопрос, является ли функция защиты духовно-нравственных ценностей самостоятельной функцией права либо она представляет собой воздействие, осуществляемое в рамках охранительной и/или воспитательной функций права.

Начать логичным будет с уточнения содержания охранительной и воспитательной функций права.

Охранительную функцию в отечественной юриспруденции относят к группе собственно-юридических (специально-юридических) функций права [5, с. 272]. Общепризнанным является то, что названная функция нацелена на охрану общезначимых социально важных национальных, экономических, личных отношений, приобретающих в праве форму правоотношений. Она реализуется через систему правовых норм, которые устанавливают определенные запреты, возлагают обязанности, предусматривают основания, меры юридической ответственности за совершенные правонарушения, порядок реализации таких мер, а также через практику применения закрепленных правовых нормами охранительных предписаний.

Охранительная функция права не может осуществляться отдельно от регулирующей функции, она играет важную роль в обеспечении правопорядка, в защите прав и свобод граждан. Вместе с тем в силу многообразия тех сфер, в которых складываются охраняемые правом отношения, рассматриваемая функция оказывается неразрывно связанной с общесоциальными (в другой терминологии – социальными) функциями права, в число которых учеными, как правило, включается и воспитательная функция [1, с. 318].

Воспитательная функция права представляет собой функцию, неразрывно связанную с непосредственным воздействием на волю, правосознание людей: «в данной функции право выражается в качестве социального регулятора и оказывает воспитывающее воздействие на поведение субъектов как через отдельные социальные нормы, институты и механизмы (правосудие, запреты, дозволения, наказания), так и в целом как самостоятельный фактор духовной жизни общества» [3, с. 291]. Эффективное осуществление воспитательной функции права оказывает немалое влияние на гражданское общество, правовую культуру общества, нравственное восприятие и тем самым способствует соблюдению и исполнению правовых норм, позитивно влияя, таким образом, на осуществление охранительной функции права.

Происходящие в современном мире изменения касаются не только государственно-властных, экономических и хозяйственных аспектов общественной жизни, они затрагивают ценностную сферу жизнедеятельности общества. В связи с глобализационными изменениями, появлением множества социальных, экономических, технологических новаций мы столкнулись с угрозой утраты духовно-нравственных ценностей, вследствие чего стало очевидно: защита и сохранение духовно-нравственных ценностей, исторически лежащих в основе единства народов России, – это одна из фундаментальных задач государства.

9 ноября 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем содержатся положения, которые дают основание говорить о защите духовно-нравственных ценностей в контексте рассмотрения проблематики, связанной с осуществлением в современных условиях охранительной и воспитательной функций права. Однако является ли защита духовно-нравственных ценностей лишь одной из сторон реализации традиционно выделяемых в системе функций права направлений его воздействия на общественные отношения?

Приведенная выше характеристика охранительной и воспитательной функций права говорит о том, что на поставленный вопрос вряд ли можно дать положительный ответ. Защита духовно-нравственных ценностей не может рассматриваться в качестве аспекта в содержании названных функций.

Защита духовно-нравственных ценностей представляет собой самостоятельное направление правового воздействия на общественные отношения, причем данное направление правового воздействия характеризуется постоянством. Посредством защиты духовно-нравственных ценностей обеспечивается решение важной задачи, стоящей перед правом. Таким образом, защита духовно-нравственных ценностей обладает признаками, характеризующими любую функцию права в качестве самостоятельной, и поэтому она не должна рассматриваться в качестве составляющей не только воспитательной или охранительной, но и любой другой функции права.

Изложенное дает основание признать защиту духовно-нравственных ценностей самостоятельной функцией права, неразрывно связанной с двумя другими функциями – охранительной и воспитательной.

В последние годы все больше и больше актуализируется использование терминов, связанных с защитой духовно-нравственных ценностей. И именно в последние годы становится особенно очевидно, насколько важна защита духовно-нравственных ценностей в условиях распространения деструктивной идеологии и внедрения в умы представителей молодого поколения антиценностей, влияющих на ослабление семейных и иных социальных связей. Но это не дает основание для того, чтобы утверждать, что функция права, состоящая в защите духовно-нравственных ценностей, появляется именно в современных условиях.

«Известно, что духовность является одним из важных основ общества. Любая деятельность основывается на нравственной позиции, так как нравственная норма в человеческом обществе занимает свое особое место и играет свою особую роль» [6, с. 47].

Для государства (и не только для Российской Федерации, а для любого) утрата духовно-нравственных ценностей и ориентиров является губительной, и задача их сохранения и укрепления является одной из важнейших. Правовая защита необходима для решения тех проблем в сфере духовно-нравственных ценностей, с которыми общество не может справиться без участия государства. Кроме того, «духовно-нравственные ценности личности, взаимодействуя с ценностным основанием социальных систем, определяют общественные ориентиры, где личностное становится общественным, а общественное интегрируется с личностным» [4, с. 211]. Таким образом, сохранение духовно-нравственных ценностей – основа единства общества и, значит, важный фактор самого его существования. Изложенное дает основание утверждать, что функция защиты духовно-нравственных ценностей носит вневременной характер.

Подтвердим высказанное суждение конкретным примером. Семейные ценности являются воплощением тех представлений, которые связаны в нашем понимании с духовностью и нравственностью. Они неразрывно связаны с воспитанием в личности таких необходимых каждому качеств, как взаимоуважение, человеколюбие, доброта, сотрудничество, взаимопомощь, почтение к старшим и т.д. Следование моделям социального поведения, соответствующим семейным ценностям, создает благоприятный климат для воспитания и становления нормальной личности. Это очень важно, так как духовность личности по большей части формируется в семье, через нее формируется идеологическое воспитание. В семье через многовековые традиции, устои развиваются у молодежи любовь к Родине, патриотизм, вера, гуманизм. Все сказанное актуально не только для современного общества, и не только сегодня общество начинает использовать правовые средства в защите семейных ценностей. Высокие морально-нравственные ценности подлежат защите, в том числе посредством права, на любом историческом этапе развития общества.

Не только семейные, но и любые другие духовно-нравственные ценности являются в любом обществе объектом правовой защиты. Если общество отходит от духовно-нравственных ценностей, в нем неизбежно происходят кризис и деградация, что затрагивает не только социальную сферу жизни людей, но также и экономическую, политическую, духовно-культурную жизнь общества.

Подведем итог. Во-первых, защита духовно-нравственных ценностей – самостоятельная функция права, в отдельных своих аспектах неразрывно связанная с охранительной и воспитательной функциями права. Во-вторых, эта функция является для права вневременной, а то повышенное внимание, которое уделяется сегодня защите духовно-нравственных ценностей, указывает именно на повышение ее значимости в системе других функций права в силу специфики существующих геополитических и иных условий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмина М.В. К вопросу о классификации функций права // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3 (40). – С. 317–322.
2. Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2011. – 26 с.
3. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Тимошенко И.В. Теория государства и права. – Ростов н/Д, 2002. – 653 с.
4. Молчан Э.М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов Российской академии наук. – Москва: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2017. – С. 210–212.
5. Радько Т.Н. Теория функций права. – Москва: Проспект, 2014. – 272 с.
6. Хакимова З.А. Роль семьи в обществе и ее социально-философская интерпретация // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 45–50.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ У НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Комнатная Ю.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в настоящей статье осуществлена попытка анализа и характеристики условий формирования правовых ценностей у нового поколения. Различия в ценностных ориентирах каждого следующего поколения является одной из ключевых проблем правовой преемственности и формирования правовых ценностей у нового поколения. Правонарушения несовершеннолетних часто связаны с непринятием «отцовской» модели поведения, отрицания правовых традиций, разрывом в ценностных ориентирах, во многом зависящих от общей политической ситуации, которая оказывает значительное влияние не только на формирование мировоззрения молодежи, но и на содержание норм права. В данной статье анализируется формирование правовых ценностей в трех значимых периодах развития российского государства: 1970-1980-е гг. XX века – закат советского государства; 1990-2000-е гг. период трансформации государственного строя; 2000-2010-е гг. XXI в. – формирование новой системы правовых ценностей современного государства.

Ключевые слова: правовые ценности, молодежь, доктрина права, нравственность, новое поколение, ценностные ориентиры.

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF NEW GENERATION LEGAL VALUES

Komnatnaya U.A.,

Candidate of Law

(Belgorod State National Research University)

Abstract: this article attempts to analyze and characterize the conditions for the formation of legal values in the new generation. Differences in the value orientations of each subsequent generation are one of the key problems of legal continuity and the formation of legal values in the new generation. Juvenile delinquency is often associated with the rejection of the "paternal" model of behavior, denial of legal traditions, a gap in value orientations, largely dependent on the general political situation, which has a significant impact not only on the formation of the worldview of young people, but also on the content of legal norms. This article analyzes the formation of legal values in three significant periods of the development of the Russian state: the 1970-1980s of the twentieth century – the decline of the Soviet state; the 1990-2000s – the period of transformation of the state system; the 2000-2010s of the XXI century – the formation of a new system of legal values of the modern state.

Keywords: legal values, youth, doctrine of law, morality, new generation, value orientations.

Определенно модель ценностей каждого конкретного общества формируется под воздействием исторических, экономических, социальных, культурных и политических событий. Вопрос раскрытия условий формирования правовых ценностей у нового поколения необходимо начать с характеристики содержания категории «поколение». Стоит отметить, что в юриспруденции этому вопросу уделяется мало внимания, в основном проблемами смены поколений занимаются социологи, частично политологи и исключительно в рамках изучения предпочтений – экономисты. Однако каждое поколение, в том числе новое, имеет собственные, единые для всей «параллели» схожие качества, ценностные ориентиры, черты характера, отличные от предыдущих поколений, в связи с этим извечный вопрос «отцов и детей» всегда будет актуален. Недовольство поколений по отношению друг к другу проявляется и в психологических аспектах, в виде ревности, зависти, разочарования, обманутых ожиданий и т.д. Опираясь на социологические и экономические исследования, можно выделить два последних молодых поколения (с точки зрения нормативной регламентации и правового определения молодежи): 1) миллениалы (поколение Y) – 1985–2004 года рождения; 2) зумеры (поколение Z) – 2005–2025 года рождения. Стоит отметить, что исследователи в качестве базового промежутка времени полной смены поколений заявляют 80 лет, т.е. тот период, когда происходит обновление всего набора ценностей, это смена двух поколений по 40 лет [1]. У данного процесса обновления есть определенно и положительные, и отрицательные стороны. С одной стороны, общество должно развиваться, совершенствоваться и расти, в таком случае прежние категории могут отменяться или наполняться новым смыслом, с другой стороны, должны быть некие ориентиры (якоря), создающие прочный фундамент для будущего роста. В частности, каждый виток истории с любыми вариациями форм правления и политико-правового режима человечество приходит к подтверждению идеи о том, что государство существует пока стабилен институт семьи. Соответственно, данный институт в виде исторического начала государства как правового, социального и политического явления можно считать фундаментальной ценностью и ориентиром правового, социального и политического характера для будущего развития человечества, использующего такую форму организации, как государство. Возможно, со временем данная форма организации общества трансформируется, но в ближайшей перспективе при всех новых смыслах и значениях, технологиях и концепциях именно государство позволяет человечеству выстраивать новый мир.

Обращаясь к историческим и социологическим исследованиям, можно установить характерные черты указанных поколений в соответствии с теми условиями, в которых они формировались. Так, поколению миллениалов (лица до 40 лет) присущи: оптимизм, общительность, наивность, уверенность, мораль и нравственность, гражданский долг, креативность, фриланс, высокая самоорганизация, работа в команде, свобода в выборе одежды и т.д. В свою очередь, поколение зумеров (от 20 лет и старше) склонны к индивидуализации, их базовые ценности: безопасность, здоровье, борьба за личное пространство и личный рост, девальвация семейных ценностей, лидерство, персональная конкуренция, карьеризм, дематериализация традиционных ценностей, утрачивание и размы-

вание установленных границ общечеловеческих принципов и ориентиров, поиск и определение своего места в информационном пространстве, неутолимая жажда и погоня за новыми эмоциями и впечатлениями [2; 3; 4]. Перечисленные ориентиры поколений отцов и детей не могут не находиться в конфликте, поскольку коллективное начало первых противопоставлено индивидуальному началу вторых. Первое поколение отражает сочетание установок позднего советского государства (поколение «последних пионеров») с повышенным чувством долга и ответственности, коллективного труда и ценности общества и государства, выстроенных на базовых нормах морали советского человека, при этом присутствует и свобода времен перестройки, а также практически анархических отношений конца XX в. и возврат статуса христианской религии. Все это в совокупности наряду с полным невмешательством государства в жизнь граждан достаточно долгий период времени формировало целый пласт психологически устойчивых, ответственных за свою жизнь и существование общества, достаточно высокообразованных, терпеливых и работающих людей (восстановление государства после развала СССР было осуществлено силами двух предыдущих перед зумерами поколений). Второе поколение формируется уже в парадигме индивидуализма и личностного роста, личного пространства и собственной выгоды, разрушая общинность и коллектив даже на уровне семьи. Очередная информационная революция, открывшая доступ к неограниченным объемам информации, включая вредную и разрушительную, сформировала моду демонстрации себя миру, стирание норм морали и нравственности, утраты любых ценностных ориентиров, таких как жизнь, свобода личности, семейная и личная тайна, стыд, труд и др. [5]. Резкий разрыв поколений связан, безусловно, с внешним фактором – сменой государственного строя и формированием нового поколения в суровых условиях социальной необеспеченности и невовлеченности государства в жизнь граждан, очередного витка научно-технического прогресса, информационной войны и привития ценностей глобального общества, что, безусловно, наложило отпечаток на все поколение зумеров.

Формирование правовых ценностей нынешнего нового поколения проходило (и сейчас идет) под эгидой демократизации общества, причем не только в рамках отдельно взятого государства, но и международного сообщества, приведшего к кризису международного права. Безусловно, нельзя утверждать, что демократические институты являются причиной негативного опыта. Проблема демократии как правовой ценности заключается в том, что в целом, понимая, о чем идет речь, единообразного толкования данного термина не существует. Можно сказать, что под демократией обычно понимают совокупность неких общепризнанных и приоритетных принципов, базирующихся на правах человека и имеющих социальное назначение. Между тем, отсутствие равнозначного восприятия демократии на международном и национальном уровнях породило беспрецедентно вольное толкование прав и свобод человека и гражданина в ущерб развитию общества, поскольку одни социальные группы получили неограниченную возможность реализации своих «прав и свобод» за счет прав и свобод остальных социальных групп, не говоря уже о конкретном человеке – его статус уже утрачен в погоне за отстаиванием мифологических нарушений и

предвзятостей, что вылилось в стремительно развивающейся культуре «отмены». Проникновение данных идей в правовое поле российского государства на рубеже XX–XXI вв. нивелировало такие общечеловеческие ценности, как труд, коллективизм (общинность, взаимовыручка, взаимопомощь), доброта, мораль, нравственность и др.

Затрагивая проблему утраты ценностей, хотелось бы акцентировать внимание на трансформации ценностных ориентаций в исследуемом периоде (1980-е гг. XX в. – 2010-е гг. XXI в.). Ценностные ориентации определяются в доктрине различно: как «относительно устойчивое, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности... как бы аккумулируется весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека» [6, с. 201]; как отношения, позволяющие личности «ранжировать объекты по их значимости для нее; могут выступать в качестве определенных побуждающих стимулов для достижения поставленных целей, приобретая функцию регуляторов социального поведения» [7, с. 534]; как моральные установки [8] и т.д. Ценностные ориентации, равно как и поведение, могут быть общепринятыми (нормативными), т.е. соответствовать установленным в обществе образцам, моделям, либо девиантными, т.е. нарушающими стандарты. В частности, по данным социологических исследований жизненных ценностей российской молодежи в различные периоды можно установить, что в 1970-е гг. XX в. 60% молодежи были настроены на помощь другим людям, а материальному благосостоянию уделяло внимание лишь 12% опрошенных, чуть более 50% интересовала будущая работа, а главным критерием жизни более 70% молодых людей являлось уважение окружающих. Стоит отметить, что последний критерий совершенно не интересовал молодых людей в 1990-е гг. XX столетия, зато 50% молодежи были готовы на все ради денег, а главными показателями жизни были материальное благосостояние (80%) и легкая жизнь за счет связей (71%). Желание помочь людям стало резко падать в 1980-е гг.: после 60% в 70-х, это 42% в 80-х, 3% в 90-х и лишь 5 % к 10-м годам XXI в. Характерен показатель допустимости противоправного поведения: в 1970-х и 1980-х гг. XX в. он был равен 0, его пик пришелся на 1990-е гг. – почти 60%, в 2000 гг. снизился до 48%, а к 2010-м годам достиг отметки 12%. Ценностные ориентации можно также проследить в выборе профессий. Если в 70-е годы молодежь интересовалась профессиями, такими как врач (22%), военный (18%), учитель (15%), инженер (33%), ученый (11%), рабочий (32%), то в 1990-е и 2000 гг. 80% и 70% соответственно желали стать бизнесменами, интереса в других профессиях практически не было. В 2010-е гг. возвратился престиж профессии врача – 65%, инженера – 18%, рабочего – 18%, оставался востребованным сектор бизнеса – 33%, появился новый сектор – государственные служащие (16,5%), желающие реализоваться в науке за первое 10-летие XXI в. не превысило 3% опрашиваемой молодежной аудитории [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Стоит также отметить, что немаловажным является установление ценностного ряда в правовой сфере, который раскрывается как в интеллектуальном, так и в чувственном аспектах. Если первый позволяет выяс-

нить отношение к нормам права (установленным образцам правил поведения), то второй аспект демонстрирует общие настроения в поколении, связанные с верой, сомнениями, негативными и положительными эмоциями, оптимизмом и т.д. В данном плане интересен ценностный ряд двух исследуемых поколений в предыдущих 2021 и 2022 гг. Показатели миллениалов и зумеров в установленной последовательности в указанный период по базовым критериям оказались следующими: 1) консервативные взгляды, традиционные ценности (50,5% и 42%); 2) либеральный прозападный взгляд (27% и 36,5%); 3) поддержка сильной власти и правопорядка (42% и 51%); 4) беспокойство о криминализации общества (60% и 64%); 5) проблема неравенства доходов, разрыв между бедными и богатыми (40,2% и 47%) [17]. Как показывает приведенная статистика, ценностные ориентиры напрямую связаны с правовыми ценностями. Более того, правовая сфера отвечает за будущее развитие, и вера молодежи в законность и правопорядок по отношению к более старшему поколению говорит о том, что лишь в правовом государстве возможна реализация своих ценностных ориентиров, что понимает и принимает молодое поколение. Однако почти равные показатели двух поколений говорят о существенной проблеме в правовой социализации и недостаточности мер правового просвещения. Стоит отметить, что ценностные ориентиры и правовые ценности совершенно различные понятия, несмотря на то что в них присутствуют общие критерии.

Правовые ценности – тоже категория оценочная и не имеет единого определения. Более узкий подход наблюдается в трактовке С.В. Михайлова, полагающего, что правовые ценности есть «обобщенные правовые цели и правовые средства их достижения, выполняющие роль правовых норм» [18, с. 21]. Столкновение различных интересов в феномене правовых ценностей видит А.Н. Бабенко, определяя их как «переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий» [19, с. 23]. Через правовое поведение раскрывают правовые ценности А.В. Краснов и А.В. Скоробогатов, указывая, что это «формы отношений, представлений человека, а также локального сообщества и общества в целом о целях и нормах правового поведения, воплощающих индивидуальный и социальный правовой опыт и концентрированно выражающих правовую традицию» [20, с. 128]. Все многообразие подходов между тем закрепляет единую мысль – правовые ценности возможны лишь в том обществе, где существует правопорядок. Не стоит также забывать специфику правовых ценностей, которые в отличие от общечеловеческих ценностей и ценностных ориентиров, имеющих относительную стабильность и однообразность в исторической закономерности, могут иметь совершенно антинравственные начала, поскольку вводятся в силу нормой права, которая может быть создана государством, имеющим в конкретный исторический период абсолютно аморальные ориентиры. Насажденные обществу правовые ценности такого государства не будут иметь ничего общего с нормами морали и нравственности традиционного толка, т.е. имеющие своим истоком христианские и иные добродетели. В дан-

ной связи формирование правовых ценностей нового поколения отдельных государств может быть как положительным, так и отрицательным.

Помимо содержательной части правовых ценностей не стоит забывать о механизме их закрепления. В частности, ценностные ориентации усваиваются с помощью механизма социализации, в свою очередь, правовые ценности прививаются правовой социализацией. Специфика правовой социализации заключается в переходе от принудительного узаконенного поведения к добровольному нормативному поведению. Это достаточно длительный, затратный и трудоемкий процесс, который должен также обеспечиваться повсеместной демонстрацией закрепляемых истин. В частности, несовпадение деклараций и их реализации приводит к деформированию сознания молодого поколения, утраты веры в справедливость, в силу государства и закона и т.д. Одной из угроз подобной деформации являются стремительно развивающиеся информационные технологии с запоздалой реакцией государства, в частности, на кибермошенничество. Введение норм в уголовное законодательство в данной сфере произошло, когда объем ущерба от этих преступлений стал сопоставим с бюджетом некоторых субъектов Российской Федерации. Помимо киберпреступлений деструктивный контент (бесцензурное блогерство) без какого-либо регулирования и ограничения создал целое поколение молодежи, не имеющей четких ценностных моральных (нравственных) ориентиров, хоть как-то совпадающих с правовыми ценностями современного российского государства. При этом на фоне попытки обеспечить должную информационную безопасность начинаются манипуляции с неустоявшимися категориями: демократия, свобода слова и мысли, независимость и т.д. Другой проблемой является устойчивое навязывание иной модели социализации молодежи, пропагандируемой целой армией психологов, тренеров личностного роста и когнитивного поведения. Социализация молодежи традиционно имеет четкий алгоритм, выработанный самой жизнью. Нарушение логической последовательности социализации молодого поколения привело к формированию целого пласта социально инфантильного населения, не способного к самообеспечению и, соответственно, воспитанию нового поколения. В частности, мода на ранее профессиональное взросление молодежи, при которой молодые люди (16–20 лет) приступают к трудовой деятельности до того, как получили профессиональное образование, нарушая последовательный процесс формирования экономической независимости. При таком подходе отсутствуют прочные профессиональные знания (время на учебу затрачено на подработки), а работа носит ситуативный характер, не позволяя обеспечить систематический стабильный доход, в итоге финансовой независимости не создается и молодой человек в возрасте, когда возникает потребность к созданию семьи, продолжает экономически зависеть от старшего поколения, что в дальнейшем приводит к конфликтам поколений, отражается и на ценностных ориентирах, и на формировании правовых ценностей молодежи.

Таким образом, формирование правовых ценностей у нового поколения должно осуществляться с двух сторон: со стороны социума и со стороны государства, по возможности без перекосов в сторону излишней свободы либо должностования. Новому поколению современный социум диктует моду на демонст-

ративное поведение в сети, поддерживая блогерство и реалити-шоу, основой которого нередко становится аморальное или противоправное поведение; установки достижения личного успеха в ущерб личному счастью, семейным ценностям, укреплению семейных отношений; закрепление в обществе формулы в последовательности «богат – успешен – уважаем» – без проявления интереса к источнику дохода и отсутствию здорового пренебрежения к состоятельным лицам, сформировавшим свое благосостояние в основном нечестным путем; отсутствие общественного контроля поведения молодежи в сети; деградация системы образования и здравоохранения, лишившихся ценностных ориентиров должностования (профессионального долга), в частности, технически отказ от категории «образовательная услуга» на уровне закона не вернул в систему образования ценностей воспитания, влияющих на педагогический процесс. Однако и государство должно создать условия для формирования правовых ценностей нового поколения за счет: 1) установления действенности и эффективности права; 2) закрепления единой целостной системы правового воспитания и образования на всех уровнях образования: дошкольное образование – начальная школа – средняя школа – среднее профессиональное образование – высшее образование; 3) внедрение в учебные планы педагогических специальностей, особенно тех, которые будут отвечать за правовое воспитание и образование подрастающего поколения, узкоспециальных правовых дисциплин, т.е. помимо обязательной учебной дисциплины «Правоведение» должны быть «Основы образовательного права», «Основы прав, свобод и обязанностей ребенка», «Вопросы ответственности несовершеннолетних» и т.п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Howe N. Strauss W. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. – Crown Publishing Group (NY), 1997. – 400 p.
2. Зайцева Н.А. Теория поколений: мы разные или одинаковые? // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 220–236.
3. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – Москва: издательский дом Высшей экономики, 2019. – 224 с.
4. Лapidус Л.В. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения / Л.В. Лapidус, А.О. Гостилович, Ш.А. Омарова // Государственное управление. – 2020. – № 83. – С. 271–293.
5. Даниленко Т.В. Индивидуализм как культурная парадигма российского общества (методологический аспект) // Сфера услуг: инновации и качество. – 2013. – № 14. – С. 9–21.
6. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. Человек и его работа: Социологическое исследование. – Москва: Мысль, 1967. – 392 с.
7. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.

8. Аскарова Г.Б., Сабекия Р.Б. Системообразующие компоненты ценностной ориентации личности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://science-education.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).
9. Явон С.В. Ценностные ориентации молодежи Среднего Поволжья // Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 89–95.
10. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 121–126.
11. Бояк Т.Н. Духовно-нравственные ценности сельской молодежи (на материалах Бурятии и Читинской области) // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 117–122.
12. Козина Г.Ю. Здоровье в ценностном мире студентов // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 147–149.
13. Самсонова Е.А., Ефимова Е.Ю. Молодежь Тулы: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 110–117.
14. Орлова В.В. Ценностные приоритеты молодежи в Сибирском регионе // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 95–99.
15. Банникова Н.Л., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 58–68.
16. Алакаев Е.А. Ценностные ориентации молодежи 1990-х – начала 2010-х гг // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 17–23.
17. Доклад Государственного Совета Российской Федерации о реализации молодежной политики в современных условиях. – Москва, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf> (дата обращения: 05.09.2024)
18. Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 200 с.
19. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2002. – 46 с.
20. Краснов А.В., Скоробогатов А.В. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 126–143.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ РОССИИ

Костылева Е.Д.,

кандидат юридических наук, доцент

(Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева)

Аннотация: в статье проанализированы правовые механизмы, которые применяются в России для обеспечения национальной безопасности в сфере нелегальной миграции. Исследование направлено на выявление существующих проблем и недостатков, а также на разработку предложений по улучшению существующего законодательства и механизмов контроля. Путем анализа законодательной базы, международных стандартов и практики применения правовых инструментов выявлены сильные и слабые стороны текущей системы обеспечения национальной безопасности в сфере нелегальной миграции. Исследование имеет особое значение для понимания современных вызовов и угроз национальной безопасности и национальным ценностям в миграционной сфере, а также для разработки эффективных мер и правовых решений по обеспечению суверенитета и безопасности страны.

Ключевые слова: нелегальная миграция, национальная безопасность, национальные ценности, национальная миграционная политика.

LEGAL MIGRATION AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL VALUES

Kostyleva E.D.,

Candidate of Law, Associate Professor

(V.M. Lebedev Russian State University of Justice)

Abstract: the article analyzes the legal mechanisms that are used in Russia to ensure national security in the field of illegal migration. The study is aimed at identifying existing problems and shortcomings, as well as developing proposals to improve existing legislation and control mechanisms. By analyzing the legislative framework, international standards and the practice of applying legal instruments, the strengths and weaknesses of the current system of ensuring national security in the field of illegal migration have been identified. The study is of particular importance for understanding modern challenges and threats to national security and national values in the migration sphere, as well as for developing effective measures and legal solutions to ensure the sovereignty and security of the country.

Keywords: illegal migration, national security, national values, national migration policy.

Трансформация современного процесса миграции обусловлена не целью освоения новых территорий, а в основном обеспечением личной безопасности, что привело к глобальному увеличению нелегальной миграции. В настоящее

время на первый план выходит вынужденная миграция, под которой понимается перемещение лиц, покидающих свое место жительства в результате вооруженных конфликтов, смены политического режима, различных катаклизмов, а также немаловажное значение имеет и трудовая миграция. В связи с этим современное общество сталкивается с постоянно возрастающим потоком миграции, вызванным как экономическими, культурными, так и политическими мотивами. Развитие технологий и глобализация усиливают этот процесс, делая вопросы национальной безопасности в сфере миграции более актуальными и важными для обеспечения суверенитета и безопасности государства, сохранения национальных ценностей. Растет поток нелегальной миграции, который усложняет работу правоохранительных и миграционных органов, несет угрозу национальным ценностям России. В данном контексте исследование правовых механизмов обеспечения национальной безопасности в России в сфере миграции представляет особую значимость.

Миграция населения – это естественное явление, связанное с различными перемещениями людей, пересекающих государственные, административно-территориальные границы, подразумевающие многофакторные цели. К элементам нелегальной миграции относятся: нелегальный въезд, нелегальное пребывание, нелегальная занятость. Неурегулированный правовой статус наносит ущерб не только самим мигрантам, лишая их защиты государства, но и несет серьезную угрозу национальной безопасности страны.

Миграционные процессы в основе базируются на универсальных законах социального развития, имеющих определенную специфику в зависимости от времени и места. Миграционная сфера стремительно развивается на фоне трех ключевых тенденций: глобализации, дифференциации, информатизации прав. Новейшие тенденции, связанные с информатизацией всей правовой миграционной системы, развивают метод формального синтеза, «при котором интегративно задействованы в зависимости от направления деятельности либо субъекты права, либо формы права» [1, с. 52].

Миграционные процессы весьма динамичны и подвержены более ускоренному изменению. Например, за последние 30 лет миграция русских из бывших союзных республик сменилась на миграцию коренных жителей этих республик.

Но нерегламентированная и незаконная миграция несет в себе потенциальные угрозы для национальной безопасности государства, такие как: незаконное использование личной информации, террористические угрозы, утечка конфиденциальных данных, возникновение межнациональных конфликтов, распространение экстремистской идеологии, ухудшение социальной обстановки и другие. Нынешняя ситуация в миграционной сфере беспокоит миллионы людей. Поэтому внимание к правовым механизмам обеспечения информационной безопасности в данной сфере является критически важным для обеспечения национальной безопасности в целом.

Нелегальная миграция является причиной роста преступности, а образование различных национальных общин с этнокультурной дистанцией по отношению к местному населению, которые, как правило, не интегрируются в на-

циональное общество, навязывает ему свои иные нормы и ценности. Национальные диаспоры, созданные мигрантами, провоцируют национальные экстремистские настроения в российском обществе, увеличивая социальную напряженность в обществе, что является угрозой национальным ценностям России и в целом безопасности страны.

Не урегулированные миграционные процессы нарушают нормальное функционирование общества, поэтому необходимо усиление мер, направленных на устранение причин, способствующих этому, а также создание условий по их нейтрализации.

Усиленный поток миграции несет множество новых угроз для национальной безопасности, в том числе и информационной. Основными угрозами являются: кибербезопасность (угрозы, которые могут включать в себя кибератаки и киберпреступности, связанные с отдельными миграционными службами, визовыми центрами, местами регистрации иностранных граждан, а также их личной информацией и документацией); нелегальная миграция (присутствие нелегальных мигрантов может создавать проблемы для регистрации, учета и контроля, что в свою очередь может привести к возможным нарушениям в системе обработки персональных данных и угрозам по безопасности в целом); коммуникационные угрозы (коммуникационные сети и платформы, связанные с миграцией, могут быть подвержены угрозам, связанным с злоупотреблением, распространением дезинформации и незаконной деятельностью, кроме того, тенденцией современных коммуникационных сетей, например, Телеграмм является анонимность, что открывает новые возможности для нарушения российского законодательства, контрабанды, развития террористических угроз); идентификация и документы (проблемы с подлинностью документов, аутентификацией и идентификацией мигрантов могут создавать риски для информационной безопасности); безопасность границ (нарушения границ и контроль за въездом и выездом также могут представлять угрозу для информационной безопасности и национальной безопасности страны).

В основе национальной миграционной политики лежат доктринальные конституционные положения. Для страны очень важно контролировать внутренние и внешние миграционные процессы, в связи с этим принимаются необходимые законы.

Безопасность – это защита жизненно важных интересов личности и государства. Под информационной безопасностью следует понимать состояние защищенности информационных ресурсов от внутренних и внешних угроз, способных нанести ущерб интересам личности, общества и государства, то есть национальным интересам. Поэтому «необходимо разрабатывать нормативно-правовые акты, регулирующие всевозможные риски, возникающие в информационном пространстве, с целью защиты прав граждан» [2, с. 25].

Использование всех правовых и практических механизмов обеспечения информационной безопасности необходимо для эффективной и легальной работы института миграции в России. Контроль за данной сферой необходим для эффективного регулирования рабочей силы, обеспечения безопасности граждан, защиты от возможных угроз, например, террористических актов, незакон-

ных миграционных схем, контрабанды. Помимо этого, защита прав иностранных граждан тоже является важной причиной правового регулирования информационной безопасности. Контроль за миграцией обеспечивает защиту прав иностранных граждан в соответствии с законодательством и международными соглашениями, защищаются личные данные, биометрические данные мигрантов. Кроме того, это необходимо для управления процессом интеграции мигрантов в общество, обеспечивая разнообразие культур и уважение к правам и интересам всех членов общества.

Существующие сегодня механизмы миграционной политики не позволяют полностью купировать риски, которые несет в себе миграция. Необходима четкая концепция государственного управления в сфере миграции. Целесообразно определить специальные методы правового регулирования в сфере миграции в виде разграничения полномочий между органами государственного управления в сфере миграции, миграционного контроля и надзора. Требуется разработка и установление четкого механизма объективной проверки вынужденного переселения, в том числе посредством достоверного и исчерпывающего учета мигрантов. Для учета всех иностранцев, мигрантов нужно создавать современные электронные базы-реестры биометрических данных, и работа в этом направлении ведется.

В России планируется создание нового государственного органа по вопросам миграционной политики и межнациональных отношений, который напрямую будет подчинен Президенту России.

В связи с тем, что миграционная сфера состоит из разноплановых правоотношений, необходима разработка единого кодифицированного правового акта, отвечающего потребностям современной миграционной ситуации. В приоритете данного акта должно быть учтено деление мигрантов на категории в зависимости от их гражданства и целей поездки, с определением для каждой группы паспортно-визового режима и особенностей миграционного контроля и надзора. Статистический учет мигрантов будет способствовать мгновенному реагированию на смену обстановки и принятию своевременных оперативных решений, а также повышению эффективности правового регулирования миграционных процессов. Работа единого миграционного информационно-правового пространства должна способствовать обеспечению национальной безопасности страны.

В настоящее время наблюдается ужесточение миграционной политики в отношении лиц, получивших гражданство не по рождению и имеющих двойное и множественное гражданство. В отношении граждан-правонарушителей применяется и такая мера, как лишение российского гражданства. Лишить полученного ранее гражданства Российской Федерации в 2024 году могут за широкий спектр деяний. К ним относятся публичные призывы к террору, реализация запрещенных веществ и другие уголовные преступления. Перечень преступлений, ведущих к прекращению гражданства, за 2023 год вырос в 4 раза – с 18 до 64 статей УК РФ). Таким образом, потерять гражданство могут те, кто его получил по своей инициативе. Усиление репрессивных мер направлено на защиту национальной безопасности страны.

В ст. 6 Конституции Российской Федерации говорится, что гражданин РФ «не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Там же сказано, что «гражданство является единым и равным независимо от оснований приобретения». В то же время лишить гражданства могут, при наличии приговора суда по ст. 206 УК РФ за захват заложников, организацию вооруженного формирования по статье 208 УК РФ и захват власти (ст. 277, 278 УК РФ). А еще российское гражданство прекращают за нападение на организации и граждан, находящихся под международной защитой, по ст. 360 УК РФ, за мятеж – ст. 279 УК РФ и диверсию – ст. 281–281.1 УК РФ. В связи с этим наблюдается противоречие между конституционной нормой и уголовной.

Лишение гражданства чаще всего возможно в связи с совершением лицом преступлений, действий, угрожающих национальной безопасности страны, а также если оно было приобретено на основании ложных данных либо поддельных документов. В большинстве случаев данные причины для аннулирования статуса актуальны в отношении тех, кто получил его по запросу. Лишение гражданства в связи с совершением уголовного преступления касается только тех, кто приобрел его.

С одной стороны, лишение гражданства лиц, совершивших преступления и имеющих второе, третье и т.д. гражданство, не превращает их в апатридов, а с другой стороны, это противоречит конституционным нормам. В связи с этим на конституционном уровне необходимо закрепление оснований и пределов такого способа прекращения гражданства.

Конституционный Суд РФ в Определении от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» обозначил правовую позицию, согласно которой «запрет на лишение гражданства или права изменить его задают пределы усмотрения законодателя при определении преступных деяний, совершение которых лицом, ранее приобретшим российское гражданство, может приравниваться к установлению судом факта сообщения при приобретении гражданства заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство». То есть представляет собой конституционно допустимую меру, при том что решение уполномоченного органа об отмене решения о приеме в гражданство не носит произвольный характер.

В связи с этим в настоящее время необходимо на конституционном уровне закрепить право государства на прекращение гражданства лиц, наносящим вред национальным интересам страны своими противоправными действиями. Официальное конституционное закрепление лишения гражданства в виде санкции за противоправные действия, угрожающие национальной безопасности государства, будут способствовать формированию у гражданина правовой ответственности за свои действия.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье анализируются современные семейные ценности. Автором определены основные аспекты трансформации института семьи, их предполагаемые причины, а также пути повышения престижа российских семейных ценностей в системе духовно-нравственных ценностей в связи с изменяющимися внешними условиями.

Ключевые слова: традиционные ценности, трансформация, семья, семейные ценности, брак, дети, молодежь, духовно-нравственные ценности.

FAMILY VALUES IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Kotareva O.V.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article analyzes modern family values. The author identifies the main aspects of the transformation of the institution of the family, their alleged causes, as well as ways to increase the prestige of Russian family values in the system of spiritual and moral values in connection with changing external conditions

Keywords: traditional values, transformation, family, family values, marriage, children, youth, spiritual and moral values.

Семейные ценности были и остаются залогом благополучного развития общества и продолжения жизни на земле. В юридической литературе традиционным ценностям посвящено немало научных работ. Традиционно их рассматривают как базовые конституционные основы российского законодательства, правовая охрана которых обеспечивается государством [1].

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии мно-

гонационального народа России [2]. Традиционные ценности определяют мотивацию человека и выражают его сознательное отношение к окружающей действительности.

Ежегодно Президент Российской Федерации в преддверье Нового года (или его начале), выделяя наиболее актуальное направление деятельности государства, определяет тематику будущего года и постановляет осуществить организацию его проведения Правительству или Аппарату Президента Российской Федерации. В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей 2024 год был объявлен Указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 [3] Годом семьи во второй раз. Первый раз год семьи в России проводился шестнадцать лет назад в 2008 году [4]. Таким образом, глава государства указывает на наиболее значимую сферу общественной жизни современного общества, нуждающуюся в пристальном внимании и социальной поддержке со стороны государства.

«Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности», – отметил Владимир Путин на заседании Всемирного русского народного собора. Он также заявил, что деятельность всех общественных объединений, традиционных религий необходима именно для укрепления семьи. В целях сохранения и защиты семейных ценностей, выступая 29 февраля 2024 году с посланием Федеральному собранию, Владимир Путин сообщил о запуске новых национальных проектов – «Семья», «Молодежь России». Нацпроект «Семья» включает в себя пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», его реализация начинается с 2025 года.

Институт семьи достаточно динамичен и изменчив, имеет специфические ценностные ориентиры в различные исторические периоды становления и развития нашего государства. Мировоззрение современного общества переживает кардинальные изменения в связи с колоссальными социально-экономическими и политическими изменениями, которые невероятным образом преобразуют различные сферы общественной жизни. Многовековые традиционные ценности семьи не поддерживаются современной молодежью, находящейся «в плену» информационного воздействия. Им на смену приходят новые семейные ориентиры, способствуя трансформации института семьи.

Изучению трансформации института семьи посвящено огромное количество исследований не только в России, но и за ее пределами [5].

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении среди молодежи ценности семьи, с другой – о значительной трансформации института семьи.

Трансформация семейных ценностей современной молодежи наблюдается в их отношении к браку и детям. Зарегистрированный брак был и пока еще остается идеальной терминальной основой семьи по мнению молодежи.

Трансформация российской семьи в настоящее время развивается по европейскому сценарию 1980–1990-х годов и характеризуется снижением возраста вступления в брак, уменьшением количества зарегистрированных браков и снижением рождаемости. Одной из причин нового семейного уклада следует назвать феминизацию занятости. По данным Росстата численность занятых женщин в 2024 году составляет 36,5 млн. Удельный вес женщин в численности занятого населения сегодня составляет 49% [6]. Некоторые отрасли экономики Российской Федерации имеют исключительно «женское лицо». Около 70% государственных служащих в нашей стране – это женщины, на муниципальном уровне этот показатель еще выше – 78%. Женщины занимают более 40% должностей в центральных аппаратах ведомств, отнесенных к категории руководителей.

Вместе с тем, предпочитая семье карьеру, женщины по-прежнему несут основную ответственность за выполнение бытовых обязанностей и воспитание детей. Таким образом, собственное профессиональное становление и финансовое благополучие становится препятствием на пути вступления в зарегистрированный брачный союз, не способствуют раннему материнству и ограничивается рождением одного ребенка.

По данным Росстата в России за 10 лет увеличился средний возраст людей, которые вступают в первый брак. Средний возраст женщин, которые вступали в первый брак, в 2012 году был на уровне 21,9 года. Аналогичное исследование в 2022 году показало, что этот возраст сдвинулся до 23,2 года. Средний возраст мужчин, вступающих в первый брак, в 2012 году составлял 24,2 года. В 2022 году он вырос до 25,4 [7].

Представляется, что повысить престиж семейных ценностей в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей способно исключительно государство посредством последовательной, целенаправленной, долгосрочной государственной политики с обязательным постоянным информационным воздействием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: проблема догматического соотношения // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 11. – С. 20 – 24.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

3. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 48. – Ст. 8560.

4. Указ Президента Российской Федерации от 14.06.2007 № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 25. – Ст. 3009.

5. Котарева О.В. Трансформация семейных ценностей современной российской молодежи / X Путилинские чтения: сборник материалов Всероссийского круглого стола, 25–26 апреля 2024 г. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – С. 63-67.

6. Федеральная служба государственной статистики «Росстат» [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.10.2024).

7. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ И СВЯЗЬ ЕЕ УСТАНОВОК С ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Кузнецов А.В.,

кандидат философских наук, доцент;

Римский А.В.,

доктор философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена вопросам основания идеологии и ее взаимосвязи с духовно-нравственными установками, обусловленными внеэмпирическим содержанием концептуальных форм знания. Ценностные ориентации могут иметь форму идеологических пристрастий, а формирование или «складывание» целого, то есть ценностей, должно быть обусловлено таким «общим» знаменателем, которое неизбежно приведет к трансформации «числителей» коллективного бессознательного в таких общественных сферах, как материальное бытие; сфера неосознанного (личные переживания индивидуума), определяющая отношение к себе и к миру.

Ключевые слова: антропологический опыт, благо, благоденствие, государственность, идея, идеология, интерес, мораль, норма, общество, смысл, социализация, социальный дух, цель, ценность.

THE FOUNDATIONS OF IDEOLOGY AND THE CONNECTION OF ITS ATTITUDES WITH SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Kuznetsov A.V.,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor;

Rimsky A.V.,

Doctor of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the issues of the foundation of ideology and its relationship with spiritual and moral attitudes due to the non-empirical content of conceptual forms of knowledge. Value orientations can take the form of ideological biases, and the formation or «folding» of the whole, that is, values, should be conditioned by such a «common» denominator, which will inevitably lead to the transformation of the "numerators" of the collective unconscious in such social spheres as material existence; the sphere of the unconscious (personal experiences of an individual), which determines the attitude towards oneself and to the world.

Keywords: anthropological experience, welfare, well-being, statehood, doctrine, idea, ideology, interest, morality, norm, society, meaning, socialization, social spirit, purpose, value.

Мы живем в мире различных мировоззрений, взглядов, идей. Насколько они состоятельны и непротиворечивы в обыденной жизни, каждый решает в соответствии с опытом в личной истории. Но согласованность коллективного понимания обуславливается особыми установками, составляющими основание идеологии. В этом смысле идеология не просто нужна государству, но и населению. Академический дискурс определяет идеологию как «составную часть культурного, духовного производства» [3], – пишет член-корреспондент РАН В.Н. Иванов, – как «разновидность теоретического знания», как «инструмент защиты ценностей, целей и установок» при социально-политическом взаимодействии акторов. Поэтому идеология в качестве основания имеет, по нашему мнению, внеэмпирическое содержание концептуальных форм знания. Иными словами, идеология, буквально как учение об идеях (эйдосах), этимологически восходит к древнегреческой традиции, согласно которой эйдос (др.-греч. εἶδος – вид, облик, образ) обозначает «видимое», то есть «то, что видно».

В соответствии с принципами искусства образов и подобий «видимое» как «вещественная данность в мышлении» находится в прямой зависимости от «установки» видения. Перефразируя Лапласа, скажем, что то, что мы видим – ограничено, а то, чего мы не видим, бесконечно. А потому и экспликация познавательного образа концептуализирована в различных формах явленности. В данном ключе образы идеологического основания становятся результатом идеализирования, превращаясь в идеологический концепт как продукт структурирования антропологического опыта, обусловленный единством сознания. В свою очередь, концепт раскрывается в идеологии как теоретическом конст-

рукте, – целостной, отделяемой от других, сущности реального мира. Таким образом, описание собственного антропологического опыта дается с позиции концепта, а редукция чужого опыта применительно к его личностной истории представляется нам в конструктах.

Говоря о внеэмпирическом содержании идеологического концепта, мы указываем на то основание, которое для осмысления общих глубоких связей между феноменальными областями включает допущения, то есть принципы и постулаты, природа которых и связанная с ними проблематика обусловлена нашим мышлением. То есть речь идет, прежде всего, о развитии такого мышления, которое во взаимосвязи с интуицией и воображением «образно» интернализирует доктринируемую социокультурную реальность в собственном существе. Иными словами, это своего рода некоторый признак сверхчувственного присваивания чужой культурной ситуации в опыте личностной истории, который обуславливает созидательный смысл.

Одним из типов присваивания внешних культурных ситуаций, в результате которых они становятся внутренними регуляторами антропологического опыта является интернализация, формирующая привычки и убеждения. Интернализация как подпроцесс социализации подразумевает внедрение норм общественной морали в акты сознания, но такие правила, обусловленные внешними императивами, в процессе сверхчувственного присваивания обладают чувственными обертонами образов будущего (мечты), из которых личность субъекта интенционально конструирует/образует себя в настоящем. Поэтому допущения, сопряженные с внеэмпирическим интуитивно добываемым содержанием, позволяют осуществлять такое осмысление явлений, которое выходит за рамки определяемого, несет на себе отпечаток экзистенциального, антропологического опыта субъекта, обусловленного дихотомией возможного и действительного. Отпечаток экзистенциального опыта формирует установку, в соответствии с которой изнанка бытия [то, что из нас усматривается] проецируется в образ будущего и составляет с ним целостность прошлого и настоящего, рекурсивно заставляя нас переосмысливать и переоценивать прошлое в пике катарсического нравственного возвышения. Именно это выступает мотивацией подвижничества народа, то есть одухотворением его воли на титанические свершения добродетели, направленной на справедливое изменение действительности, в результате чего определенным ценностям придается (посредством ритуалов) статус святынь.

Итогом подобного разворота в обществе становятся уже не интересы, а понимание того, что интересы являются дериватами ценностей (от слова целый), определяющих целесообразность (цель также от слова целый). Таким образом, благоденствие сопряжено со стяжательством, а именно с идеей подвижничества или служения. В либеральном обществе, служение как таковое становится не просто «не модным», но и эксплицируется в обыденность афористической мыслью: «каждый имеет не то, что заслуживает, а то, на что договаривается». Но отменяя значимость заслуг, мы тем самым, отменяем идею служения обществу. При этом происходит не только нивелирование этических кодексов, формирующих как состав мыслей, так и определяющих состав действий, но и,

как следствие, отменяются неотчуждаемые общественные блага (социальные институты, льготы и т.д.), характеризующие, в том числе, и зрелость правового государства.

Ценностные ориентации могут иметь форму идеологических пристрастий, морального релятивизма и партикуляризма, которые неизбежно обращены к многозначности или негативу оценок субъектов, поведения, политики. Иными словами, формирование или «складывание» целого, то есть ценностей, должно быть обусловлено таким «общим» знаменателем, которое неизбежно приведет к трансформации «числителей» коллективного бессознательного в таких общественных сферах, как материальное бытие; сфера неосознанного (личные переживания индивидуума), определяющая отношение к себе и к миру.

Социальный дух является вместилищем смыслов в том контексте духа, предметно ощущаемого нами как единое целое на уровне идеала, формирующего смысл как индивидуальную сопричастность мысли и образующего духовное единение людей [единомышленников], образующих полюс социальной активности. Подобное воздействие на социальный дух осуществляется поэтапно/очередно и потому пролонгировано во времени. Метафорически говоря, Время становится средой Духа, а Дух Времени наполняет содержание социальной деятельности смыслом, эксплицируемым в ценностях, нормах, обычаях, верованиях и обрядах, знаниях и умениях, технике и технологии, способах мышления, то есть в совокупности того, что мы обычно понимаем под культурой. Человек, формируя культуру, неизбежно и формирует самого себя в культуре, то есть культура становится средой воспроизводства человеческого в человеке, обуславливающей присваивание надындивидуальных, то есть социальных качеств. Ведь «социальное конструирование реальности» [1] человеком через призму институциональной структуры общества, является, по сути, пролонгированным во времени творением самого себя.

Вместе с тем сфера осознанного/осознаваемого в рамках смысловой целостности, выраженной в форме ценности, определяет наиболее общие процедуры или алгоритмы поведения, которые по обыкновению мы понимаем как привычки или обычаи. Критерием теоретической трансформации и аккумуляции социального знания выступает этика как то, что определяет императивы поведения в соответствии с основными целями идеи, то есть определяет для нас то, что должно. Выбранная регламентация формирует представления о хорошем и дурном; предъявляет требование (внешний императив) к осознанности социального действия (поступкам) на основе оценивания в рамках нравственных понятий, облакая действие в моральную форму (ключ – делай); устанавливает табу, запрет, в общем, границы дозволенного в форме внутреннего императива: не убий, не укради и т.д. (ключ – не делай). Таким образом, говоря естественным языком, определяет нам то, что можно и то, что нельзя.

Опять же, слом этических императивов и подмена таковых проходит через эстетизацию форм/норм, законодательно закрепляя норму и распространяя, таким образом, на нее правоохранительную функцию. Так как закон по сути лишь охраняет ценности, но не утверждает их, то любая поддержанная законотворческая инициатива формирует не только новую норму, но и функциональ-

но обретает ореол ценности, то есть закон «сам становится своеобразной идеологией, призванной формировать социальное единство» [2]. Поэтому ограничительной мерой эстетизации перверсивных инициатив является критерий человеческого достоинства. Иными словами, область оснований ценностей выстраивается на принципах (Princ/Pio – то, что лежит в основе, установка), или установках, характеризующих иерархию ценностей с позиции человеческого достоинства, позволяющего характеризовать человека со стороны его внутренних ценностей.

Вместе с тем противостояние на идеологическом уровне вследствие различий оснований конкретных идеологий (распределение Блага) может проявляться в антагонизмах состава ценностей. В частности, основной причиной изменения поведения человека является изменение его сознания в части нивелирования в нем действующих алгоритмов самостоятельной идентификации к «общности», «отключения» его от наиндивидуального коллективного опыта, с его установками и императивами, критериями различения истины и лжи как основы воспитания ребенка (что такое хорошо и что такое плохо). Воздействие на массовое сознание в таком ключе противостояния, как мы можем наблюдать в некоторых странах коллективного Запада, сопровождается, в частности, отключением культурных каналов, обеспечивающих взаимосвязь индивидуально и общественного сознаний с перспективой отрицания индивидуальности как таковой, и, как следствие, размыванием ее привязки к традиционным ценностям, национальному патриотизму и религиозным догмам, то есть всего того, что определяет в обществе границы нормативности. По сути, это является частью механизма ломки моральных принципов с подменой альтернативной человеческой морали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.
2. Власть: Очерки современной политической философии Запада / В.В. Мшвениерадзе, И.И. Кравченко, Е.В. Осипова [и др.]; АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1989. – 325 с.
3. Иванов В.Н. Идеология как теоретический конструкт // Идеология: pro et contra. – Москва: У Никитских ворот, 2021.
4. Малахов А.Г., Римская О.Н., Римский В. Парадоксы интерпретации перехода от русского традиционализма к цивилизационному модерну // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – № 3(43). – С. 36–45.
5. Малахов А.Г. Онтологические смыслы экстремизма в перспективе категоризации // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – № 2(42). – С. 232–238.

ПРАВО КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Липич Т.И.,

доктор философских наук, профессор;

Липич Д.В.,

аспирант

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о том, как должно развиваться общество, какие ценностные смыслы должны лежать в его основании, каким должно быть справедливое, правовое государство. Акцент делается на том, какую роль во всех этих процессах должно играть право. Уточняются принципы взаимодействия права и традиционных ценностей, к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Правовые ценности выступают важнейшим элементом юридического воздействия общества на все механизмы регулирования как в экономической, так и в социальной сфере в виде правового регулирования. Свободное развитие личности является приоритетом действующего права и будет способствовать дальнейшему развитию демократического правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, право, ценности, свобода, личность, нравственный идеал

LAW AS A FUNDAMENTAL VALUE OF HUMAN CULTURE

Lipich T.I.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

Lipich D.V.,

Postgraduate Student

(Belgorod State National Research University)

Abstract: the article examines the question of how society should develop, what value meanings should underlie it, and what a fair, rule-of-law state should be. The emphasis is on the role that law should play in all these processes. The principles of interaction between law and traditional values, which include life, dignity, human rights and freedoms, patriotism, service to the Fatherland, high moral ideals, historical memory and continuity of generations, and the unity of the peoples of Russia, are being clarified. Legal values are an essential element of the legal impact of society on all regulatory mechanisms, both in the economic and social spheres in the form of legal regulation. The free development of the individual is a priority of the current law and will contribute to the further development of a democratic State governed by the rule of law.

Keywords: rule of law, law, values, freedom, personality, moral ideal.

В 2022 году Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Этот документ является одним из важнейших направлений в государственной политике нашего государства. В нем четко сформулированы смыслы традиционных ценностей и конкретно названы эти самые ценности:

«Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [2].

Бесспорен тот факт, что в ценностях воплощается идеал представлений о том, как должно развиваться общество, какие ценностные смыслы должны лежать в его основании, каким должно быть справедливое, правовое государство. Важно понимать, какую роль во всех этих процессах должно играть право. Исследуя аксиологические характеристики права, мы обращаемся к анализу права как явления общественной жизни. В этом смысле важно иметь в виду различные концепции правоприменения, где рассматриваются источники права, взаимодействие с государством, выяснение вопроса о соотношении права и закона. Тем важнее в фокусе такого анализа иметь в виду взаимодействие права и традиционных ценностей, к которым мы относим жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, историческую память и преемственность поколений, единство народов России.

Исходя из такого понимания традиционных ценностей, в Указе четко сформулированы цели по сохранению этих ценностей в виде укрепления преемственности от поколения к поколению, формирования образа России как хранителя и защитника традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Не менее важным является сохранение семейных ценностей, воспитания и образования, поддержка религиозных организаций, действий, направленных на укрепление роли русского языка как основного языка общения в нашей стране. Как видно, во всех этих процессах немаловажную роль играет право. Поэтому мы вполне можем перенести размышления в плоскость не просто анализа духовно-нравственных ценностей, а соотношения права и нравственности.

Сегодня ряд исследователей обращается к этой проблематике, но не всегда преобразования в правовой системе связывают с нравственными аспектами. Но есть и те, кто прямо пишет о такой связи.

Например, профессор Костин Ю.В. отмечает: «Изучение различных научных подходов к определению понятия права свидетельствует о том, что право – особая система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, официальный, цивилизованный и наиболее эффективный регулятор общественных отношений, важнейшая социальная, культурная и нравственная ценность, обеспечивающая справедливое разре-

ние возникающих в обществе конфликтов, развитие прав и свобод человека и поддержание надлежащего правопорядка, отвечающего интересам большинства членов общества»[7, с. 5].

Известно, что в жизни каждого человека и общества в целом вопросы права и нравственности вызывают обоснованный интерес. Поэтому важнейшей задачей государства выступает формирование основанных на взаимном уважении отношений между человеком и человеком, между государством и человеком, а также соблюдение международных норм права, основанных на принципах морали. В Конституции Российской Федерации в качестве главной обязанности государства и его ценности провозглашается человек и соблюдение его прав и свобод.

Государство должно неустанно трудиться над созданием такой правовой системы, которая бы способствовала сохранению национальной культуры, традиционных ценностей нашего народа.

Поэтому мы считаем, что право наряду с другими ценностями выступает как фундаментальная ценность человеческой культуры, обусловленная самой природой этого явления, его ролью и местом в системе общественных отношений.

Не менее важным является и признание правовых ценностей в обществе, т.к. они обуславливают выбор поведения людей и возможность юридически оценить те события, которые происходят в обществе. Поэтому правовые ценности выступают важнейшим элементом юридического воздействия общества на все механизмы регулирования как в экономической, так и в социальной сфере в виде правового регулирования.

Исследователи выделяют три формы права: право как свобода, право как справедливость, право как равенство.

Все эти сопряженные с правом категории выступают нравственными ценностями, к которым можно отнести и те духовно-нравственные ценности, которые отмечаются Президентом Российской Федерации В.В. Путиным как наиважнейшие смысложизненные понятия, которыми мы должны руководствоваться.

В жизни человека и общества право является неотъемлемой их частью, оно помогает человеку адаптироваться, взаимодействовать с другими людьми. Жизнь человека, его благополучие в обществе выступает в виде ценности. Поэтому произвольно распоряжаться своей жизнью человек не может. В Конституции Российской Федерации закреплено право на жизнь каждого отдельного человека. В связи с этим на законодательном уровне закреплено право и обязанность государства по сохранению жизни отдельного человека, например статьи 105–108 УК РФ. Но здесь в первую очередь имеется в виду биологическая жизнь человека, особенно не затрагивается социальная составляющая жизни человека. Здесь мы должны учитывать такие аспекты социальной политики государства, как демография (повышение рождаемости, роли семьи), здравоохранение, социальная защита граждан. Исходя из таких установок, важным является создание достойных условий жизни пенсионерам, другим незащищенным слоям населения. Необходимо создавать правовые условия для традиционной ценности жизни.

Далее рассмотрим более подробно ситуации, которые прямо влияют на качество жизни. Например, демографические процессы, которые рассматриваются в контексте трех категорий: «рождаемость», «смертность», «семья, брак, миграция». Проблема роста или сокращения народонаселения напрямую связывается с национальной безопасностью. Президентом страны В.В. Путиным была подписана Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Рассмотрим на примере Белгородской области. Ситуация с рождаемостью в России остается сложной. В модели российской рождаемости преобладают однодетные или даже бездетные семьи, о чем настойчиво предупреждают алармисты (алармистом называют того, кто преувеличивает опасность и ждет катастрофы), но также минимальны шансы надеяться на всеобщую многодетность.

Приведем пример.

Наш выдающийся русский хирург Николай Иванович Пирогов, например, был тринадцатым ребенком в семье, великий химик Дмитрий Иванович Менделеев – семнадцатым, а знаменитый оружейник Михаил Тимофеевич Калашников, столетие которого недавно торжественно отмечали соотечественники, провел свое детство среди восемнадцати братьев и сестер! Патриарх Кирилл назвал снижение рождаемости угрозой национальной безопасности страны.

Исходя из данных Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), показатели естественного прироста/убыли населения в Белгородской области на октябрь 2024 года, составляли:

родилось, чел.: 7 767;
прирост/снижение (г/г): – 620;
умерло, чел.: 17 655;
прирост/снижение (г/г): 882;
естественный прирост/убыль: – 9 888 [9].

В области здравоохранения важными являются вопросы оказания первой медицинской помощи, ограничение аборт, доступное медицинское обслуживание, ответственность за оставление в опасности, вопросы эвтаназии и т.д. Что касается миграции, то здесь ситуация следующая. По данным Росстата в 2023 году на территории области была зафиксирована миграционная убыль. Она составила 3 649 человек. Отметим, что это на 7 467 человек меньше, чем годом ранее. Подписан закон об усилении государственного контроля (надзора) в сфере миграции Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

В частности, вводится новое правовое понятие «режим высылки», применяемый в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся в Российской Федерации, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации (далее – контролируемое лицо). Указ Президента Российской Федерации связан с ужесточением мер по получению Российского гражданства, вступления в брак. Даже при рождении детей должно пройти не менее 3 лет.

Другая традиционная ценность – право как свобода. Содержание данной ценности связано с пониманием права, основывающегося на общепризнанных и общеобязательных нормах отношений между людьми, у которых есть как права, так и обязанности. Здесь право выступает как измерение личной и общественной жизни. Субъектом права выступает личность, наделенная свободой и ответственностью, имеющая возможность выносить ценностные суждения, исключая личностный произвол. И. Кант в одной из своих работ писал: «...всякое право заключается только в ограничении свободы всякого другого тем условием, что она совместима по некоторому общему закону с моей свободой...» [6, с. 291].

Права, свобода и ответственность в рамках существующей правовой системы четко зафиксированы в Конституции Российской Федерации в Главе 1 (представление о России как о правовом государстве; признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, тогда как признание, соблюдение и защиты прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства и др.) до собственно конкретных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Главе 2, включая не только материальные, но и процессуальные права, а также гарантии, в том числе государственной защиты прав и свобод человека и гражданина [1]. Права и свободы подробно рассматриваются на всех уровнях правовой системы. Но их рассмотрение связано напрямую с другими духовно-нравственными ценностями. Нельзя говорить о правах и свободах человека, если нарушаются базовые принципы права, если создаются условия для проведения самосуда, произвола, злоупотребления полномочиями и др., способствующие повышению социальной напряженности, а также механического правоприменения в виде всевозможных запретов (сказка А.С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»).

Еще одна духовно-нравственная ценность – право как справедливость, которая основана на понимании справедливости с учетом реальных фактов действительности, с возможностью сглаживания социальных, финансовых противоречий, с учетом фактического состояния социальных отношений, возможности и необходимости следованию правовым установкам. Если нарушаются законы, то в обществе есть понимание справедливого и адекватного наказания. Если в обществе проявляется дискриминация в оплате труда, появляются препятствия для поощрения и продвижения способных работников. Если осуществляется непропорциональное наказание за нарушение законодательства и т.д., то такая традиционно-нравственная ценность не работает в обществе, не обеспечивает социальную справедливость в обществе. Рублев А.Г. пишет в своей статье: «Справедливость – это добродетельный порядок человеческих отношений как функция признания и институционального обращения с поведением лица или нескольких лиц, безусловно, в соответствии с законом или вопреки закону. Для отправления правосудия должны быть действующими конституционные принципы правосудия и судебная структура, которая переводит предписания закона в последующее судебное действие. Представляется, что принцип справедливости обязывает каждого отдельного человека придерживаться себе подобным в обычных ситуациях или экстраординарных, использовать критерии суждения и последующее поведение, соответствующее справедливости в смыс-

ле честности, порядочности и не причинения вреда другим. Именно в этом смысле справедливость становится нравственной добродетелью, имеющей огромное аксиологическое значение, на основе которой соблюдаются правила поведения, касающиеся себя и других в обязанностях и ожиданиях» [8, с. 275–287].

Одной из важнейших ценностей является рассмотрение права как равенства, равенства перед законом независимо от пола, национальности, гражданства. В Российской Федерации законодательно закреплено равенство перед законом и судом, когда обеспечивается равное правосудие, когда гарантируется, что ни у одной из сторон не будет привилегий. Это положение также закреплено в Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 17; ч. 1 и 2 ст. 19; ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) [1].

Основа права как равенства – на этой базовой ценности строится справедливое общество и государство. Для обеспечения равенства в обществе необходимо учитывать как внешние, так и внутренние факторы и условия, что порой трудновыполнимо, особенно, если приходится учитывать субъективные факторы в общественных отношениях. В сегодняшней правоприменительной практике важно учитывать не только равенство граждан перед законом, но и закона перед гражданами. Идея равенства является сущностью правового государства, основой свободного волеизъявления граждан и гарантией справедливости. Но, к сожалению, не всегда принцип равенства перед законом и судом срабатывает в реальности, например, в виде несправедливого явления процессуального превосходства в судопроизводстве в пользу некоторых групп людей. Хотя необходимо отметить, принцип равенства в современном обществе частично трансформировался и необходимое соблюдение этого принципа связано напрямую с принципом справедливого судопроизводства, где преобладает формальное равенство сторон. Важно отметить положение Конституции Российской Федерации о том, что все равны перед судом и законом, невзирая на наличие гражданства, или его отсутствие. Надо признать, последние события, связанные с мигрантами, подтверждают, что соблюдение этой статьи Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 19) необходимо. Поэтому суды не должны отдавать предпочтение субъектам по признакам их государственной, национальной, половой, религиозной принадлежности, что и отражено в ст. 7 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3].

Таким образом, можно утверждать, Конституция Российской Федерации гарантирует равноправное применение закона. Поэтому ценность права как равенства представляет собой основу в функционировании правовой системы современного Российского государства, все структуры которого обеспечивают права, свободы, ответственность граждан, их интересы. Такой подход, когда свободное развитие личности является приоритетом действующего права, будет способствовать дальнейшему развитию демократического правового государства, опирающегося на национальные традиционные ценности [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Гарант».
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Зубова Я.В. Право как основа развития правовой культуры // Science Time. – 2016. – № 1. – С. 178–183.
6. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. – Москва: КАМИ, 1993. – 584 с.
7. Костин Ю.В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 3–12.
8. Смертность и рождаемость в Белгородской области. Данные Росстата <https://31.rosstat.gov.ru/>.
9. Рублев А.Г Вклад конституционного принципа равенства в формирование системной и непротиворечивой правоприменительной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 275–287.

ПОЧЕМУ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ АКТУАЛЬНЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности процесса взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. Автором выделены базовые принципы организации и деятельности органов внутренних дел являющиеся фундаментальной основой взаимодействия полиции с институтами с гражданского общества. Особое внимание уделено формам взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, органы внутренних дел, принципы, формы, открытость, публичность, взаимодействие, сотрудничество.

THE RELEVANCE OF TRADITIONAL VALUES FOR MODERN RUSSIAN SOCIETY

Lysenko V.A.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the peculiarities of the process of interaction between the internal affairs bodies and the media. The author highlights the basic principles of the organization and activities of the internal affairs bodies, which are the fundamental basis for the interaction of the police with institutions of civil society. Special attention is paid to the forms of interaction between the internal affairs bodies and the media.

Keywords: mass media, internal affairs bodies, principles, forms, openness, publicity, interaction, cooperation.

Категория «ценности» является универсальной и многомерной, они охватывают все области и уровни социальной жизни общества, включая, конечно, и право как важнейший социальный институт.

Не секрет, что возникновение современного Российского государства в 1990-х годах прошлого века связано с победой либеральной идеологии. Самим ходом истории России была приуготовлена участь попасть в ловушку либерализма. Однако с середины 2000-х годов в государственной политике Российской Федерации произошли существенные изменения в сторону консервативной идеологии. И это не случайно, особенности нашей страны состоят в том, что несмотря на культурные, национальные, конфессиональные различия, граждане Российской Федерации, народы России, составляющие ее многонациональный народ, объединены схожими ценностными константами. Сила –

в единстве. И в этом смысле у нашей страны есть еще одно преимущество – многонациональность и многоконфессиональность. Такую мысль не раз высказывал Президент Российской Федерации Владимир Путин. Многонациональность России – это ее главное богатство и одновременно вызов. Важно уважать и признавать права каждой нации, чтобы сохранить мир и гармонию в обществе [3, с. 17]. Ценностной основой такой гражданской консолидации общества, конечно, является право. Соответственно, актуальными темами публичных дискурсов стали уже не «общечеловеческие ценности» (под которыми на самом деле понимались ценности западного мира), а традиционные. Старание влиться в «западный проект», предпринятый нашей политической элитой, привели к плачевным итогам и осознанию, что суверенитет государства сильно связан с культурным, национальным суверенитетом.

Несомненно, проблема укрепления традиционных ценностей обострилась в условиях начавшейся специальной военной операции. Еще до ее начала (24 февраля 2022 года) стало понятно, что надвигается угроза военного столкновения с силами НАТО.

Поэтому было жизненно необходимо трезво оценить не только имеющийся у страны военно-технический ресурс, но и ресурс духовный, в частности – уровень патриотизма российских граждан.

С первых дней украинская пропаганда начала внедрять «фейки» в качестве ключевого инструментария в информационной войне, например, о бомбежке Вооруженными Силами Российской Федерации роддома в Мариуполе, об убийствах мирных жителей в Буче, об объявлении Россией военного положения и полной мобилизации и др.

По нашему мнению, главной проблемой является не столько склонность к дезинформации и манипуляции, сколько низкий уровень правового мышления, правового сознания, правовой культуры, правопонимания и правовой, исторической и политической грамотности [1, с. 217].

Министерство культуры Российской Федерации в декабре 2021 года разместило для публичного обсуждения проект Указа Президента Российской Федерации об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Проект был поддержан членами Общественной палаты на заседании 7 февраля, однако 14 февраля обсуждение законопроекта было отложено в связи с необходимостью доработки. Таким образом, специальная военная операция началась без этого Указа. Тем не менее, 9 ноября 2022 г. Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» вступил в силу [2].

Понятно, что одними указами невозможно изменить сложившуюся государственно-правовую действительность. Однако в этом правовом документе наконец-то обозначена императивная категоричность, с которой государство готово поддерживать традиционные ценности. Не менее ясно проявляется и значимость этих ценностей для политической и цивилизационной жизни России, в том числе в важнейших сферах государственной и общественной жизни.

В условиях специальной военной операции актуально возвращение к традициям, ценностям, сформировавшим Россию как государство и цивилизацию, что проявляется в формировании российской идентичности на основе базовых национальных политических и правовых ценностей: соборности, солидарности, суверенности и др.

Необходимо продолжать консолидировать усилия, привлекать и поддерживать институты гражданского общества, транслирующие идеи, традиционные духовно-нравственные ценности и патриотические взгляды.

Поэтому в п. 14 вышеназванного Указа признано деструктивным все то, что представляет угрозу традиционным ценностям, а п. 13 – все те организации и страны, которые осуществляют эту деструктивную деятельность.

Настало время, когда важно умело пользоваться, оперативно и объективно проверять и «отделять зерна от плевел». Поэтому п. 5 Указа, содержит перечень тех традиционных ценностей, которые государство собирается поддерживать. К ним следует отнести: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России [2]. Теперь существует не только доктринально-дискуссионная трактовка традиционных ценностей, но и законодательная.

В этом контексте Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является очень решительным и своевременным манифестом возвращения нашей страны к своим цивилизационным истокам.

На современном этапе государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, представляет собой совокупность координированных мер, осуществляемых органами публичной власти при непосредственном участии институтов гражданского общества. Ее целями являются, в том числе, передача традиционных ценностей от поколения к поколению, формирование образа России как хранителя и защитника традиционных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лысенко В.А., Вородюхин С.Е. Историческая ретроспектива правового воспитания // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2023. – № 2. – С. 217–222.
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. Шамахаева С.Р. Россия – многонациональная страна // Образовательный альманах [Электронный ресурс]. – URL: <https://f.almanah.su/2024/77-2.pdf>.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Малахов А.Г.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена анализу угроз, связанных с экстремистской деятельностью, и их влиянию на национальную безопасность Российской Федерации. Рассматриваются механизмы противодействия экстремизму, включая меры правоприменения, информационную безопасность и защиту традиционных ценностей. Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе и роли государственных органов в профилактике и пресечении экстремистских проявлений.

Ключевые слова: экстремизм, национальная безопасность, традиционные ценности, законодательство, информационная безопасность, правоохранительные органы.

EXTREMISM AS A REAL THREAT TO NATIONAL SECURITY IN MODERN RUSSIA

Malakhov A.G.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the analysis of threats related to extremist activities and their impact on the national security of the Russian Federation. Mechanisms for countering extremism are considered, including law enforcement measures, information security, and the protection of traditional values. Special attention is paid to the legal framework and the role of state authorities in the prevention and suppression of extremist manifestations.

Keywords: extremism, national security, traditional values, legislation, information security, law enforcement agencies.

Экстремизм – это многослойное явление, которое представляет серьезную опасность как для общества, так и для государства в целом, затрагивая ключевые аспекты национальной безопасности. Его влияние выходит за рамки правовой сферы, охватывая политические, экономические, социальные и культурные аспекты общественной жизни. В условиях глобализации экстремизм принимает все более изощренные формы, усложняя противодействие и усиливая риски для устойчивого развития государства. Особенную тревогу вызывает угроза, которую экстремистская деятельность представляет для традиционных ценностей, составляющих фундамент национальной идентичности и культурного наследия. Подрыв этих устоев способен дестабилизировать социальные

институты, расколоть общество и подорвать доверие граждан к государственным структурам.

Современные вызовы, связанные с экстремизмом, требуют комплексного подхода. Эти угрозы проявляются в различных формах: от организации незаконных публичных мероприятий до ведения агрессивных информационных кампаний и использования цифровых технологий для вербовки своих сторонников. Экстремистская пропаганда все чаще находит свою аудиторию через социальные сети и мессенджеры, где доступ к пользователям практически не ограничен. В таких условиях защита информационного пространства становится ключевой задачей государственной политики. Однако важно учитывать, что последствия экстремистской деятельности не ограничиваются дестабилизацией государственной системы — они угрожают разрушению семейных устоев, исторической памяти и духовного наследия.

Государственная стратегия борьбы с экстремизмом направлена на предотвращение его распространения и минимизацию последствий. Для достижения этой цели требуется активное сотрудничество правоохранительных органов, образовательных учреждений, IT-специалистов и гражданского общества. Одним из приоритетов является выявление и блокировка интернет-ресурсов, распространяющих экстремистские идеи. В последние годы такие меры демонстрируют свою эффективность, что подтверждается ростом числа заблокированных сайтов. Наиболее активную роль в этом процессе играет прокуратура Российской Федерации. Помимо осуществления надзора за соблюдением законодательства прокуратура инициирует правоприменительные действия, проводит анализ причин экстремистской деятельности и разрабатывает меры профилактики.

Министерство внутренних дел Российской Федерации также играет ключевую роль в противодействии экстремизму. Среди основных функций МВД России — проведение оперативно-разыскной деятельности, направленной на выявление экстремистских группировок, пресечение их деятельности и привлечение к ответственности виновных лиц. МВД России активно взаимодействует с цифровыми платформами и интернет-роувайдерами для блокировки противоправного контента. Эта деятельность важна не только для предотвращения радикализации, но и для сохранения культурных и семейных ценностей, которые часто становятся мишенью экстремистской пропаганды.

Нормативно-правовая база Российской Федерации включает ряд ключевых актов, направленных на борьбу с экстремизмом. Конституция Российской Федерации закрепляет основные права и свободы граждан, создавая правовые рамки для противодействия экстремистским проявлениям [1]. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 144-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает определения, направления политики в этой области и меры ответственности, включая запрет на деятельность экстремистских организаций и уголовное преследование [2, с. 3031]. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» подчеркивает необходимость превентивных мер, направленных на снижение рисков, связанных с экстремизмом [3, с. 2]. Также значимыми являются положения Федерального закона от 6 марта 2006 г.

№ 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который регулирует вопросы трансграничной координации и финансирования экстремистской деятельности [4, с. 2102].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) играет ключевую роль в правоприменении. Так, например, статьи 280, 282, 282.1 и 282.3 УК РФ предусматривают ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти или вражды, создание экстремистских сообществ и их финансирование [5, с. 2954]. Эти нормы позволяют не только пресекать противоправные действия, но и предупреждать их, создавая правовой барьер для распространения экстремистских идей. Помимо вышеперечисленной нормативно-правовой базы, Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» наделяет правоохранительные органы полномочиями для раннего выявления и предупреждения угроз экстремистского характера [6, с. 3349].

Особую роль в борьбе с экстремизмом играет регулирование информационного пространства. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает основы контроля за интернет-ресурсами, распространяющими экстремистские материалы. Мониторинг социальных сетей и мессенджеров позволяет оперативно выявлять и блокировать такие ресурсы, минимизируя их влияние на аудиторию. В условиях цифровизации эти меры приобретают все большее значение, обеспечивая защиту граждан от манипулятивного воздействия [7, с. 2248].

Комплексный подход к борьбе с экстремизмом невозможен без вовлечения общества. Общественные инициативы, волонтерские движения и просветительские проекты должны играть важную роль в формировании устойчивого неприятия экстремистских идей. Акцент на сохранении традиционных ценностей, таких как уважение к старшим поколениям, роль семьи и культурное наследие, способствует укреплению национальной идентичности и снижению уровня радикализации.

Таким образом, экстремизм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для национальной безопасности России, требуя комплексного и системного подхода. Превентивные меры, правоприменительные механизмы и защита информационного пространства являются важными элементами стратегии противодействия этому явлению. Кроме того, защита традиционных ценностей играет ключевую роль в укреплении социальной сплоченности и сохранении культурного наследия. Только объединенные усилия государства, правоохранительных органов и гражданского общества способны обеспечить стабильность и безопасность, необходимые для долгосрочного и успешного развития страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, действующих на 2024 год) // Российская газета. 1993, 25 декабря.

2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
4. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 01.01.2024) // Российская газета. 2006, 10 марта.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 01.01.2024) // Российская газета. 2006, 29 июля.
8. Постановление Правительства РФ от 26.04.2019 № 504 «Об утверждении порядка блокировки интернет-ресурсов с экстремистскими материалами» (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 18. – Ст. 2211.
9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.
10. Малахов А.Г., Римский А.В. Культурно-исторические практики экстремизма // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2023. – Т. 48. – № 1. – С. 137–146.
11. Чистюхина М.В. Иностранцы граждане на военной службе России: статусные особенности / Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы второго круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 28–29 февраля 2020 года. – Шахты: Конверт, 2020. – С. 64–66.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЮРИДИЧЕСКИХ И МОРАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мельникова С.В.

(Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в статье рассматривается важная тема взаимодействия правовых норм и моральных предписаний в контексте снижения уровня преступности. Автор исследует, как эти два элемента – правовые и моральные стандарты – взаимодействуют между собой и как они могут использоваться в качестве инструмента для профилактики правонарушений. Обсуждаются случаи, когда соблюдение моральных норм может приводить к добровольному исполнению юридических обязательств, а также примеры, когда юридическая безнравственность ведет к росту преступности. Статья подчеркивает необходимость интеграции этических аспектов в правоприменительную практику для создания более справедливого и эффективного механизма предупреждения преступлений, акцентируя внимание на важности формирования юридической культуры, основанной на высоких моральных ценностях.

Ключевые слова: этика, право, мораль, стандарты, предотвращение преступлений и взаимосвязь.

ETHICAL ASPECTS OF LAW: THE RELATIONSHIP BETWEEN LEGAL AND MORAL STANDARDS IN THE CRIME PREVENTION MECHANISM

Melnikova S.V.

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: this article addresses the important topic of the interaction between legal standards and moral precepts in the context of crime reduction. The author explores how these two elements – legal and moral standards – interact and how they can be used as a tool for the prevention of offences. Cases where adherence to moral standards can lead to the voluntary fulfillment of legal obligations are discussed, as well as examples where legal immorality leads to an increase in crime. The article emphasizes the need to integrate ethical considerations into law enforcement practice in order to create a fairer and more effective crime prevention mechanism, highlighting the importance of developing a legal culture based on high moral values.

Keywords: ethics, law, morality, standards, crime prevention and interrelationships.

Основные нравственные ценности, такие как свобода, справедливость и гуманизм играют ключевую роль в формировании правового пространства и общества в целом. Однако в условиях быстро меняющегося мира их значение и

применение требуют глубокого осмысления каждым членом нашего общества. Часто эти слова звучат как некий лозунг, однако их истинная суть и ценность в практическом контексте остаются не до конца понятными и осознанными. В условиях, когда Россия переживает сложные социальные и политические процессы, необходимость в анализе и переосмыслении таких основополагающих понятий становится особенно актуальной.

Нравственные ценности, закрепленные в праве, должны не только декларироваться, но и активно воплощаться в повседневной жизни. В противном случае они рискуют превратиться в пустую риторику, не имеющую никакого отношения к реальным жизням людей. Каждый из нас несет ответственность за осознание этих ценностей и их активное применение в своем окружении, что в конечном итоге способствует формированию более справедливого общества.

Как отмечают Большаков Е., а также Назаров И.: «несовпадение моральных и правовых норм как средств общественной регуляции приводит к разрушению социальных институтов, призванных защищать права и свободы граждан, реализовывать в повседневности принципы социального равенства и социальной справедливости. Следствиями дезорганизации функционирования социальных институтов нередко становятся бесправие личности и аморальное поведение индивидуумов и социальных групп. В силу этого исследование проблемы взаимодействия морали и права имеет как научно-теоретическое, так и практико-политическое значение» [1, с. 60].

Прежде всего следует указать на то, что этика права, изучающая связанные с юридической сферой моральные вопросы, исторически была частью философии или теории права. В контексте современных реалий этика права интерпретируется как разновидность прикладной или профессиональной этики, что подчеркивает ее практическое значение и необходимость применения моральных стандартов в юридической сфере [2, с. 35].

С переходом к практике юридическая этика стала важным аспектом подготовки специалистов, обеспечивая их не только знаниями о законах, но и глубоким пониманием этических норм, которые должны сопровождать юридическую практику. Важность этики права возрастает в условиях глобализации и многообразия правовых систем, когда юристы сталкиваются с различиями в моральных и культурных ценностях. Таким образом, этика права выступает не только как теоретическая база, но и как практическое руководство, направленное на формирование ответственного и этичного поведения в юридической сфере.

Как верно указывают Е.В. Держивицкий, И.Ю. Ларионов, В.Ю. Перов: «общество определяет, для чего и как должен действовать профессионал: юрист-правовед, полицейский, адвокат или судья, прокурор и следователь и т.п.» [2, с. 35].

Профессиональная этика права, или юридическая этика, представляет собой важный аспект функционирования правовой системы и общественных институтов. В России существует несколько ключевых документов, таких как Кодекс судейской этики, Кодекс профессиональной этики адвоката, и Профессио-

нальный кодекс нотариусов Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Эти кодексы служат не только сводом правил и стандартов поведения, но и отражают высокие моральные ожидания, возлагаемые на представителей юридической профессии. Нравственная составляющая юридической деятельности является критически важной, так как юристы (в том числе и сотрудники органов внутренних дел), адвокаты и судьи часто оказываются в ситуациях, где их решения могут существенно повлиять на жизнь людей. Профессиональная этика требует от них не только соблюдения закона, но и высоких моральных стандартов, что делает их действия предсказуемыми и справедливыми в глазах общества. Специализация и характер правовой деятельности обуславливают необходимость наличия четких моральных и этических ориентиров, способствующих восстановлению справедливости и обеспечению правопорядка.

Взаимосвязь юридических и моральных стандартов в механизме предупреждения преступлений представляет собой ключевой аспект функционирования правовой системы и общества в целом. Юридические нормы создаются для обеспечения порядка и защиты прав граждан, однако их эффективность во многом зависит от моральных ориентиров, которые существуют в обществе.

Петровский А.В. полагает, что «для того чтобы предупреждение преступлений было эффективным, нужна «коммуникация» между юридическими и иными социальными нормами, которая бы избирательно поддерживала криминалрезистентные проявления традиционной культуры и посредством традиций, моральных ценностей, религиозных установок устраняла либо нейтрализовала криминогенные детерминанты» [3, с. 134].

Криминология предлагает различные теоретические подходы, которые подчеркивают важность влияния общественных институтов на структуру и динамику преступности. Когда в обществе формируется устойчивый антагонизм к определенным формам поведения, эффективность этих норм становится очевидной – снижение уровня преступности становится результатом более широкой социальной информированности и изменения общественного мнения. Этот механизм можно наблюдать и в российском контексте: когда в обществе возникает антагонизм к конкретным формам поведения, это в свою очередь приводит к снижению числа аналогичных правонарушений.

Наличие четких социальных норм и протест против девиантного поведения, сформированные через диалог и общественное обсуждение, способны существенно изменять криминальную ситуацию. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к профилактике преступности, который должен учитывать не только юридические меры, но и социальные, культурные аспекты, влияющие на поведение людей.

Поведение индивидов в одной и той же социальной или этнической группе может восприниматься диаметрально противоположно в зависимости от контекста и установленных в этой группе моральных норм. То, что одни члены сообщества считают опасным и неподобающим, для других может быть проявлением смелости и даже положительного вклада в жизнь группы. Например, в некоторых культурах выражение недовольства в форме протеста может рас-

сматриваться как преступное поведение, угрожающее общественному порядку, тогда как в других это может быть воспринято как важный шаг на пути к социальным переменам и улучшению жизни.

Петровский А.В. в своей статье приводит в пример: «случаи с приобретением матерями больных детей сильнодействующих лекарств за рубежом и получением их по почте, что расценивалось правоохранительными органами как деяния, предусмотренные ст. 229.1 УК РФ «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» [4]. Следственным комитетом Российской Федерации возбуждались уголовные дела, но под давлением общественности, по ходатайству Генеральной Прокуратуры они прекращались» [3, с. 135].

Другой пример: движение «чайлдфри», возникшее в западной культуре как выбор отдельных индивидуумов, отказывающихся от рождения детей, действительно может восприниматься как вызов традиционным семейным ценностям. В России, где институт семьи традиционно рассматривается как устойчивая основа общества, отказ от деторождения становится не просто личным решением, а вопросом, способным повлиять на демографическую ситуацию и структуру будущего общества.

Точно так же можно рассмотреть и проблему прав ЛГБТ. Этот вопрос был возведен на политический пьедестал как инструмент давления на российскую власть со стороны западных стран, особенно Европейского Союза. В то время как Запад активно продвигает идеи равенства и свободы для всех граждан, в России такие инициативы натываются на сопротивление, что приводит к дальнейшему углублению культурного разрыва.

Таким образом, ощущения нормальности и допустимости поведения тесно связаны с общепринятыми ценностями, которые могут как способствовать укреплению сплоченности группы, так и вызывать внутренние конфликты. В социальном контексте даже действия, которые на первый взгляд могут показаться агрессивными или нарушающими закон, могут восприниматься как необходимые для защиты интересов группы или сохранения ее идентичности. Соответственно, ключевую роль в оценке этого поведения играют не только конкретные действия, но и культурные, исторические и социальные обстоятельства, в которых оно происходит.

Научный подход к данной проблеме позволяет глубже осознать, как правовая система может интегрировать моральные принципы для достижения большего общественного благосостояния и уменьшения конфликтов.

Гармонизация морали и права представляет собой важный аспект в создании социально справедливого общества.

Как отмечают Галиева Р.Д. и Кирюшин И.И.: «Право – категория этическая, нет и не может быть права, к которому не были бы приложимы моральные оценки, прежде всего с позиций добра и зла, честного и бесчестного и др. Мо-

раль осуждает все виды правонарушений и особенно преступления. В оценке таких деяний мораль и право едины. Всякое противоправное действие является одновременно противонравственным» [5, с. 8].

Когда правовые системы синхронизируются с моральными принципами, законы становятся более понятными и приемлемыми для граждан, что, в свою очередь, увеличивает уровень доверия к правосудию.

Представляется необходимым отметить тот факт, что многие нормы уголовно-правовых взаимоотношений не могут быть поняты без учета моральных ценностей.

Моральные нормы не просто дополняют правовые, но и проникают в саму их суть, задавая критерии для оценки действий как правомерных или неправомерных. Например, не только само деяние, но и его последствия для личности и общества зачастую являются результатом нравственной оценки, специфичной для данной культурной среды.

В этом контексте показательно имевшее место быть происшествие, нашедшее отражение на просторах интернет-пространства под информационным заголовком «Жизнь за три пачки масла»: «видеорепортаж повествует о ситуации в Петербурге, когда сотрудники одного из продуктовых магазинов заподозрили пожилую покупательницу в краже трех пачек сливочного масла – при том, что масло не было спрятано ни в сумке, ни в кармане. Пачки лежали в продуктовой корзине. После недолгих выяснений администрация отказалась уладить конфликт на месте и вызвала полицию. 80-летняя женщина, пережившая блокаду, перенести такой позор и унижение не смогла – не выдержало сердце, она умерла в отделении полиции» [6].

В связи с чем хотелось бы отметить, что уголовное право становится не только инструментом наказания за неправомерные действия, но и средством отражения ценностей и принципов, характерных для конкретного общества.

С точки зрения уголовной политики, именно наличие глубоких моральных основ позволяет правовым нормам быть более адекватными и эффективными в разрешении социальных проблем. Этические аспекты права играют ключевую роль в формировании эффективной системы предупреждения преступлений, так как они определяют взаимосвязь между юридическими и моральными стандартами.

Такие неформальные санкции, как стыд и раскаяние, а также ostracism, способны эффективно действовать в качестве сдерживающих факторов для потенциальных правонарушителей.

Когда моральные ценности общества высоки, граждане, обладая пониманием того, что определенные действия являются недопустимыми, чаще всего отказываются от совершения противоправных поступков не из-за страха последствий, а вследствие собственных моральных соображений. Это подчеркивает важность воспитания в обществе высоких моральных стандартов, которые должны гармонично сочетаться с действующим законодательством, создавая таким образом более безопасную и устойчивую социальную среду.

Эффективное предупреждение преступлений требует гармоничного сосуществования юридических и моральных стандартов. Законодательство должно быть основано на этических принципах, которые отражают культурные и исторические ценности общества. Когда правовые нормы поддерживают моральные устои, они становятся более авторитетными и воспринимаемыми людьми как справедливые. В таком контексте взаимодействие юридических и моральных стандартов является ключевым фактором, способствующим формированию правопорядка, где каждый гражданин чувствует ответственность за свои действия и стремится действовать в интересах общего блага.

Взаимодополнение правовых и морально-этических норм не только способствует улучшению общественного порядка, но и формирует устойчивую социальную структуру, в которой ценности и законы взаимно усиливают друг друга. Это создает более глубокую связь между индивидом и обществом, где каждый способен осознавать последствия своих поступков, действуя в соответствии с моральными установками, а не только руководствуясь страхом наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большаков Е., Назаров И. Моральность правовой реальности // Духовно-нравственное воспитание. – 2021. – № 3. – С. 59–68.
2. Держивицкий Е.В. К вопросу об этике права / Е.В. Держивицкий, И.Ю. Ларионов, В.Ю. Перов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 33–45.
3. Петровский А.В. Моральные ценности и традиционные (обычные) нормы в институциональной системе предупреждения преступлений // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5 (181). – С. 133–136.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.10.2024).
5. Галиева Р.Д. Мораль в жизни общества: Электронный практикум по курсу «Профессиональная этика» / Р.Д. Галиева, И.А. Поликарпов, И.И. Кирюшин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. – 133 с.
6. В Следственном комитете проводят проверку по факту смерти пенсионерки в отделении полиции Кронштадта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/> (дата обращения: 10.10.2024).

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБЩИНА

Набиев Р.Ф.,

доктор исторических наук;

Набиева З.Р.,

адъюнкт

(Казанский юридический институт МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается проблема утраты традиционных ценностей как одна из глобальных угроз человечеству, а также возможность возрождения территориальной общины в качестве средства комплексного решения всей совокупности нарастающих угроз и проблем. Актуальность борьбы с разрушением основ человеческого общества признается во всем мире. Авторы не видят возможности решения задачи сохранения традиционных ценностей лишь юридическими средствами и финансовыми вливаниями. Предполагается теоретическое разрешение данной задачи на основе данных этнографии, истории права, философии (этики) и юриспруденции. Комплексный подход к рассмотрению проблемы является особенностью данной работы. Стремительное разрушение традиционных ценностей и приоритетов российского (советского) общества многократно усиливается действиями наших глобальных «партнеров», прилагающих существенные усилия для размывания критериев человека, общества и норм общежития. Активная деятельность человечества становится все более разнообразной, но вместе с тем растет и перечень деяний, представляющих опасность для личности, общества и природы. При этом направленность норм морали и норм государственного законодательства в ряде случаев не сходятся, а порой и противоречат друг другу.

Ключевые слова: община, коммуна, глобальные вызовы, морально-нравственные устои, государство, общество, юриспруденция, обычное право.

MORAL VALUES AND THE TERRITORIAL COMMUNITY

Nabiev R.F.,

Doctor of Historical Sciences;

Nabieva Z.R.,

Adjunct

(Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian)

Abstract: the article examines the problem of the loss of traditional values as one of the global threats to Humanity, as well as the possibility of reviving the territorial community as a means of comprehensively solving the entire set of growing threats and problems. The urgency of the fight against the destruction of the foundations of human society is recognized throughout the world. The authors do not see the possibility of solving the problem of preserving traditional values only by legal means and financial injections. The rapid destruction of traditional values and priori-

ties of Russian (Soviet) society is greatly aggravated by the actions of our global "partners" who are making significant efforts to erode the criteria of man, society and norms of community life. The active activity of Mankind is becoming increasingly diverse, but at the same time the list of acts dangerous to the individual, society and nature is growing. At the same time, the direction of moral norms and norms of state legislation in a number of cases do not converge, and sometimes even contradict each other.

Keywords: community, commune, global challenges, moral and ethical principles, state, society, jurisprudence, customary law.

Проблема утраты традиционных ценностей как общегуманитарных, так и семейных является насущной и актуальной для всех европейских народов, подвергшихся массовой агрессии политики трансгуманизма, осуществляемой Римским клубом уже полвека. Осуществляя свои долговременные планы, глобалисты постепенно меняют систему законов и правил, уводя общество от традиционных ценностей и ориентиров.

Между тем длительное время даже европейское законодательство не расходилось с нормами морали и нравственностью.

Наверное, многие удивлялись, впервые узнавая в школе, что один из основных принципов государственного права гласит: «незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушение». Для того чтобы этот принцип соответствовал реалиям развития общества, сами законы должны быть простыми и проистекать из логики самой жизни.

Этот принцип отчасти объясняется на почве древних сообществ, формировавшихся на принципе господства кровнородственной элиты. Сообщество знатных (больших) людей руководствовалось преимущественно своими традициями, а свободные подданные – обязаны были выполнять еще и навязанные им государством нормы поведения.

В этих условиях, действительно, морально-нравственные постулаты, обращавшиеся в среде высшей знати, имели приоритет над законами и, порой, над государственными институтами.

Попытки распространения норм государственного права на все слои общества периодически приводили к временному успеху, но только при активном участии религиозных структур и жестком контроле над чиновничеством. Так, например, периодически бывало в Китае, в котором чиновничество формировалось в рамках идеологии конфуцианства. И потому считалось, что константы морали выше законов, действие которых временно и конъюнктурно.

Так, в свое время нас удивило решение императорского суда, нашедшего отражение в одном из их исторических сборников. Решением императора был освобожден от наказания юноша, убивший губернатора из мотива мести за незаконно погубленных родителей. Разгадка на самом деле была довольно проста: долг человека перед родителями согласно представлениям конфуцианства (и обычного права ряда народов) обладает приоритетом по отношению ко всем иным ценностям и критериям. Представляется, что описанный эпизод – это

идеал конфуцианской морали. По сути, мы понимаем, что такое решение даже в те времена должно было исходить из социального статуса участников процесса. Думается, что никакой пощады не ожидало бы чужака, простолюдина и даже знатного человека, не имеющего отношения к правящей династии. Но тем не менее мы видим, что во многих странах длительное время действовало утверждение, что нравственное поведение не может быть преступным.

Развитие экономики и культуры всегда сопровождалось расширением и укреплением государственных институтов. Также во всех цивилизациях этот процесс приводил к росту влияния государственного аппарата и чиновничества, которое постепенно освобождалось от повседневного контроля, поражалось коррупцией и приводило к параличу государственной власти. «Буква закона» все далее расходилась с «духом закона».

Неуклонный рост предпринимательского успеха, как правило, требует постоянного преодоления законодательных ограничений. Желание экономического процветания и технологического прогресса породило новый постулат: «нет преступления, не описанного в законе». Он заставлял капиталиста постоянно обходить ограничения в пространстве, времени и юридической теории.

«Перестройка» и обновление в древнем мире происходили чаще всего путем разрушения прежней структуры пришельцами-варварами, которые вновь устанавливали справедливые законы..., и все повторялось снова.

Мудрецы древности, конечно, заметили эту закономерность и пытались бороться с этой тенденцией. Именно в этом аспекте следует воспринимать законы Ликурга и Гортины, введение института скопцов на Востоке, табель о рангах и экзамены в Китае. Все это давало результаты, но временные. По мере упадка внутренних ограничений и роста коррупции могучие империи слабели. Затем варвары (как правило, с территории нашей страны) вновь и вновь захватывали развращенные южные цивилизации и устанавливали новые династии, которые через три поколения уже не отличались по своей природе от предшествующих.

Весьма актуальными для нашего времени являются вопросы: возможно ли длительное совпадение требований законов и морально-нравственных ценностей? Возможно ли сохранение последних в условиях необходимости развития свободы личности и ускоренного технологического развития? Возможен ли контроль за развитием технологий с позиции традиционных общечеловеческих ценностей?

Наше ознакомление с опытом разных стран мира свидетельствует о том, что комплекс проблем, стоящих перед человечеством в современных условиях, может быть разрешен, но для части общества и на локальных территориях.

Дело в том, что идея о равном действии законов для всех людей в реальности не работает. И, по всей видимости, это объективно просто потому, что все люди разные и создают разные сообщества (например, военное, маргинальные группировки или общество глухонемых), где цивилизные законы имеют ограниченное обращение. За рубежом есть «чайна тауны», резервации, религиозные общины, где нормы права эффективно замещены корпоративными системами права. В России/СССР также существовали кварталы с ограниченным

действием государственного права. В разных городах они назывались по-разному (*Яма, Шанхай, Марьино роцка* и др.). Локальные зоны и кварталы некогда образовывались в городах по национальному признаку (*Татарка, Грузинская улица, Армянская слобода, Жидовский квартал* и т.д.). Отметим, что расселение преступных и злочных мест в благоустроенные новостройки не привело к желаемому результату – перевоспитанию падших сограждан советским обществом. Напротив, споры преступной этики поразили здоровые слои населения, которые уже не ориентировались, как прежде, на стандарты потомственной интеллигенции и дворянства.

Наиболее интересным для государства в целом является проблема территориальной общины как сельской, так и городской. «Прогрессивные» реформы западного типа практически уничтожили в нашей стране традиционную сельскую общину и жалкие остатки городской. Именно с этой тенденцией авторы связывают крушение системы традиционных ценностей. Отдельный человек попросту не в состоянии противодействовать комплексу деструктивных идей и угроз, учитывая, что наше современное общество, по существу, представляет собой совокупность отдельных индивидуумов. Попытки государства разрешить наиболее острые проблемы путем реализацией национальных проектов редко приводят к успеху, так как они направлены на борьбу с симптомами, а не с причинами болезни. Примером может послужить борьба с поджигателями путем тушения пожара.

Авторы не видят возможности решения задачи сохранения традиционных ценностей лишь юридическими средствами и финансовыми вливаниями. Решение данной задачи возможно при учете данных этнографии, истории права, философии и юриспруденции – то есть только при комплексном подходе.

Система позитивных ценностей не может существовать вне реально взаимодействующей среды. Таковым мы считаем не общество в государственном масштабе, которое часто воспринимается индивидом как абстрактное образование. Будучи существом социальным, человек объективно стремится к созданию реальных сообществ с более активными и обязующими связями.

Именно это обстоятельство придает в наше время столь большую значимость муниципальному праву и системе местного самоуправления. Однако при этом упускается из виду то обстоятельство, что эти институты работают там, где сохранились общинные традиции и активность населения, либо они культивируются целенаправленно государством.

Опыт целого ряда стран свидетельствует о том, что возможно сочетание успешного технологического развития и сохранения большинства традиционных гуманистических и семейных ценностей. Существуют страны, где сочетаются высокие темпы роста экономики и рождаемости. Это те страны, в которых система права включает государственное римское, религиозное и обычное право.

Самым близким примером является Республика Узбекистан (далее – РУз). У нас на бытовом уровне традиционно господствует пренебрежительное отношение к Средней Азии, между тем РУз не испытала упадка после развала СССР и среднегодовой прирост валового внутреннего продукта все эти годы составлял в среднем 5–6% [2]. РУз является региональной державой и оказыва-

ет существенное влияние на все окружающие государства. При этом ежегодный прирост населения составляет около 800 тыс. чел. и пока обгоняет прирост экономики. РУз – одно из наиболее успешных государств современного мира, которое успешно решает комплекс проблем, не имея значительных ресурсов.

Одной из главных причин устойчивости государственной структуры и сохранения базовых ценностей является не только продуманная религиозная политика, но и *государственная политика развития территориальной общины* – махали. Отдельным государственным законом закреплён статус общины: махалля является первичным муниципальным уровнем, базовым для районной администрации. Именно махалля, руководимая советом старейшин, решает значительную часть проблем своих жителей, формирует нравственное отношение к соседям и государству. У этого древнего консервативного института есть недостатки, но современное законодательство позволяет недовольным членам общины беспрепятственно выйти из ее состава. В мире существует несколько вариантов территориальной общины. Они разнообразны. Так, различаются кибуцы Израиля, коммуны Франции и Италии [3].

По нашему мнению, в Российской Федерации настало время для создания долгосрочной государственной программы по созданию территориальных общин, технические, финансовые, юридические и организационные вопросы, возникающие при создании и функционировании территориальных общин, вполне решаемы в рамках существующего законодательства. Главное условие при их создании – добровольность принятия ограничений ее членами [3].

Именно территориальная община может гармонично сочетать три основных уровня правовых норм и решать совокупность проблем комплексно. Подобный подход позволяет формировать здоровые во всех отношениях ячейки общества и надежных граждан без слома существующего строя и коренной смены «элиты». Опыт стран с самыми разными культурами свидетельствует о том, что воссоздание территориальных общин является существенным резервом для успешного развития российского общества в условиях глобальных вызовов современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Девятков о будущем и ценностях [Электронный ресурс]. – URL: <http://dzen.ru/video/watch/> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Производство валового внутреннего продукта Республики Узбекистан за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.docs.yandex.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Набиева З.Р. Современная община как социальный инструмент преобразования общества // Сибирский социум/Siberian-socium. – 2020. – № 1. – С. 59–68.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ТЕМОРАЛЬНОСТЬ БРИКС+

Олещенко Е.О.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье представлена авторская аналитика культурно-цивилизационного и государственно-политического плюрализма стран-участниц БРИКС+, связанная с многообразием этнополитических и пространственно-временных характеристик как внутри этих государств, так и в глобальном взаимодействии. БРИКС+ задает культурно-цивилизационные модели много полюсного устройства глобального человечества.

Ключевые слова: культурно-цивилизационные системы, национальные государства, государства-цивилизации, культурный хронотоп, БРИКС+.

CULTURAL AND CIVILIZATIONAL TEMPOALITY OF BRICS+

Oleshchenko E.O.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article presents the author's analysis of the cultural, civilizational and state-political pluralism of the BRICS+ member countries, related to the diversity of ethnopolitical and spatiotemporal characteristics both within these states and in global interaction. BRICS+ sets cultural and civilizational models for the multipolar structure of global humanity.

Keywords: cultural and civilizational systems, nation-states, civilizational states, cultural chronotope, BRICS+ countries.

Условно «классическое ядро» БРИКС составили пять государств – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, а было провозглашено содружество первой четверкой без ЮАР в 2006 году (БРИК). Инициатором (триггером) создания этого нового «геополитического сообщества», несомненно, стала Россия, вернее, Президент Российской Федерации В.В. Путин. Почему последнее именно так? Потому, что в Мюнхенской речи 2007 года, произнесенной Президентом Российской Федерации, были впервые громогласно провозглашены установки на необходимость преодоления гегемонистской глобализации и утверждения мирового государственно-политического многообразия без доминирования одной «силы» – США в окружении западно-ориентированных сателлитов.

Затем было много межгосударственных встреч, переговоров, открытых и закрытых, и через два года 16 июня 2009 года было провозглашено это глобальное сообщество в составе четверки (пятерка была институализирована в апреле 2011 г. принятием ЮАР), изначально основанное на принципах от-

крытости в сетевом, горизонтальном управлении и в диалоге со всеми странами мира, в том числе и западными. На данный момент в первичную пятерку основательно входят еще Египет, Индонезия, Иран, ОАЭ и Эфиопия; пока воздержалась Саудовская Аравия и отказалась Аргентина, а также в Казани в октябре 2024 года утвердили 12 стран-партнеров. Так, собственно, и появился в сообществе знак «плюс».

Многие критики БРИКС+ делают акцент на то, что этому сообществу присущи внутренние противоречия между странами-участниками и странами-партнерами (например, противоречия между Китаем и Индией, конфликт Египта и Эфиопии и пр.), связанные с тем, что главным в сообществе стала не только геоэкономика, но и геополитика. Но главным источником противоречий является внутренняя политика стран-участниц и стран-партнеров, когда неустойчивая (демократическая) смена лидеров может приводить (и приводит) к геополитическим переориентациям. Экономика также играет немалую роль, особенно санкционное давление «западных партнеров» по бизнесу (фактически, экономические войны).

Можно ли преодолеть определенную аморфность и внутреннюю противоречивость и конфликтность данного геополитического и геоэкономического сообщества? Думаем, что можно. Прежде всего, это возможно на почве культурно-цивилизационной.

Даже беглый взгляд позволяет утверждать, что перед нами не просто страны-участники или даже «государства-цивилизации», но и множественные культурно-цивилизационные системы, «культурно-цивилизационное сообщество», определяющее реальное настоящее и грядущее прочное мировое многообразие.

Почему «культурно-цивилизационные системы», а не «государства-цивилизации», модный термин без должного понятийного оформления? Понятия «культурно-цивилизационный подход» и «культурно-цивилизационные системы» впервые были выдвинуты и обоснованы в работах Ростовской философско-культурологической школы (В.Е. Давидович, Г.В. Драч, Ю.А. Жданов, М.К. Петров, А.В. Потемкин и др.). Московские авторы, в частности, занимающиеся глобалистикой, обратили внимание в 2000-е годы на эти понятия, когда познакомились с работами в рамках Белгородской философско-культурологической школы, продолжившей традиции ростовчан.

В этой связи необходимо отметить, что мы подразумеваем под понятием «культурно-цивилизационная система». В.П. Римский так ее определял еще в 1998 году: «При таком подходе возможно категориальное различие «цивилизации» и «культуры»: цивилизация как социокультурная целостность выступает *всеобщим базисом* культуры, *культурообразующим основанием* неповторимых, целостных культурных миров-космосов, обладающих многообразными пространственно-временными и этнонациональными характеристиками. И если цивилизация характеризуется абстрактно-всеобщими свойствами и определениями, культура – конкретно-индивидуальными, то *культурно-цивилизационная система* представляет конкретно-всеобщую, исторически развивающуюся и органически расчлененную внутри себя, формообразованную

целостность» [1, с. 30; 2, с. 48]. Используя это определение, автор уже тогда не только предложил собственную культурно-историческую типологию, но и дал понимание культурно-цивилизационного многообразия в истории и современности человечества. Исходя из этого, необходимо прежде всего разобраться с «этно-национальными характеристиками», которые всегда связаны с государственным, политико-властным устройством культурно-цивилизационных систем.

Белгородские авторы одними из первых стали употреблять и понятие «государство-цивилизация», часто тождественное с понятием «империя» (империум – власть) как способом существования цивилизаций, критикуя понятие «нация-государство», связанное с исторически ограниченными формами государственности. «Национальные государства» – это политическое устройство некоторых европейских государств периода раннего модерна, очень быстро сменившееся колониальными империями (Англия и Франция, вдогонку Германия и США). Но «колониальная империя» периода капитализма – это превращенная форма государства-цивилизации (или классической империи древности и средневековья). Россия очень рано, после преодоления монгольского государственно-цивилизационного сетевого симбиоза, оформилась при Иване III и Иване Великом (Грозном) в империю-цивилизацию (государство-цивилизацию). Многие постсоветские страны до сих пор не достигли и статуса нации-государства, не имея даже ограниченного исторического опыта государственности и находясь ранее в составе империй, как политической формы крупных культурно-цивилизационных систем (Казахстан, Киргизия, Украина).

Понятие «нация-государство» ввела Х. Арендт и критиковала саму эту ограниченную форму государственного устройства, которое и привело в конечном счете в XX веке к тоталитаризму. Она видела выход демократического устройства в федеративных государствах.

Применительно к БРИКС+ мы можем говорить о том, что в этом сообществе мы наблюдаем как прежде всего древние «государства-цивилизации» – Китай, Индия, Россия, так и современные «демократические федерации» – опять же Индия и Россия, Бразилия и ЮАР (демократические – придерживаются выборной системы формирования власти, как и «унитарная» Китайская Народная Республика). При этом все страны-участники характеризуются полиэтничным и многонациональным составом в структуре населения.

Например, в ЮАР мы наблюдаем этнические группы, сохранившие племенную идентичность и культуру, в симбиозе с социально-демографическими этническими группами разного уровня развития «модерна» и индустриализма (это и наследники «белых колонизаторов», и представители коренных этносов). В Бразилии мы наблюдаем доминирование различных этнических и расовых групп, часто смешанных, которые в религиозном (католичество) и языковом (португальский язык) плане достаточно идентичны, как «бразильская нация», но и они дополнены многими старыми этническими образованиями, уходящими своей культурой в первобытность или средневековье. Формально безрелигиозный Китай с доминированием коммунистической идеологии и основной этно-демографической группы «хань» (91% населения страны) на бытовом уровне сохраняет ритуальную религиозность архаики, культивируемую в слож-

ном этнокультурном многообразии. Еще более сложный этноконфессиональный и этнокультурный цивилизационный организм представляет Индия, столь же молодая «федерация» времени модернити, как и китайская «унитарная республика» (да и российская федеративная республика). И все они так или иначе в основаниях содержат собственные древние традиционные культурные миры, трансформированные в условиях капитализма и революций, индустриализаций и рыночных преобразований и т.п.

Все они так или иначе содержат в себе не только традиционное культурное наследие, но и прошли сквозь горнило «модернизации». Сам «модерн» внутри себя содержит *множественность культурных проектов* (архетипов, парадигм) и до сих пор постоянно производит «*несовременные*», «*современные*», «*постсовременные*» и «*несвоевременные*» временные и ментальные структуры, коды, образы и образцы-архетипы, присваивает их в качестве собственности и культурного капитала. И сам «модерн», даже и классический европейский, создает собственные *традиции модерна*, которые достаточно органично сращены и с традициями первобытности, архаики и средневековья. Уже здесь мы видим такие сложные, многообразные *культурные хротопы*, которые задают разнонаправленность ментальных и жизненных устремлений внутри стран-участниц этно-демографических и социальных групп, что они будто бы совмещают в себе целые культурно-исторические эпохи и миры – от первобытности до развитого индустриализма и постиндустриализма (развитая информационная и цифровая индустрия).

И если эти культурно-типологические организмы характеризуют геополитические и геоэкономические реалии, чреватые противоречиями и даже конфликтами внутри стран-участниц и с другими глобальными сообществами, особенно с западными, то в контексте культурно-цивилизационного подхода эти противоречия во многом снимаются, так как служат примером возможности мирного сопряжения многих демографических, социальных, этнокультурных и этноконфессиональных хротопов.

Так как все они, так или иначе, представляют собой именно культурно-цивилизационные системы, более или менее органичные, часто пересекающиеся с другими, себе подобными. Фактически все они в себе содержат *специфические модели полицентричности* и достаточно гармоничного сосуществования всех стран и народов мира. Поэтому будет правомерным говорить о культурно-цивилизационном многообразии БРИКС+, задающим модель глобального культурно-цивилизационного и политико-государственного плюрализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород: БелГУ, 1998. – 126 с.
2. Римский В.П. Тотальность культуры и свобода человека. – Белгород: БГИИК, 2022. – 215 с.

ЦЕННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Омелина О.С.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье рассматриваются различные подходы к пониманию категории ценность, так как на бытовом и научном уровнях указанная категория понимается по-разному. Также в статье рассмотрены основные ценностные направленности административного права в соответствии со сферами, в которых оно регулирует общественные отношения.

Ключевые слова: административное право, ценности, ценностные направленности, регулирование.

VALUES IN ADMINISTRATIVE LAW AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE STATE

Omelina O.S.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article considers various approaches to understanding the value category, since at the household and scientific levels this category is understood differently. The article also discusses the main value orientations of administrative law in accordance with the areas in which it regulates public relations.

Keywords: administrative law, value orientations, values, regulation.

В повседневной жизни мы часто сталкиваемся со словом ценность. Каждый человек в процессе своей жизнедеятельности формирует свои ценностные ориентиры, которые помогают ему принимать решение в различных ситуациях. Обыденное представление о ценностях подразумевает значимое, важное, приоритетное, то чему поведение человека не должно противоречить.

Подходя к вопросу о ценностях с научной точки зрения, необходимо отметить, что данному вопросу уделено целое направление философии – аксиология. Для философа ценность – это всегда «точка зрения условий сохранения, возвышения, что касается сложных образований с относительной длительностью жизни в пределах становления» [1, с. 62]. Философы не определяют идеал, как что-то, к чему человек стремится, а скорее представляют точкой зрения, которая может изменяться в зависимости от субъекта.

Исходя из выше приведенного определения, необходимо выделить два условия существования ценностей: сохранение и возвышение. Если с условием сохранения ценности все наиболее понятно, то под условием возвышения подразумевается ее развитие. При наличии условия сохранения и отсутствии условия развития ценности возникнет ситуация, при которой ценность может быть переосмыслена и отвергнута.

На сегодняшний день аксиологические вопросы исследуются в контексте изучения отдельных отраслей права. В рамках проводимого исследования хотелось бы определить ценности административного права. Это позволит повысить уровень правосознания и правовой культуры граждан в области административно-правового регулирования, а также раскрыть социальное значение административного права в обществе.

В научной литературе сформировался единый подход к пониманию классификации ценности административного права. Выделяют три направления в их систематизации: общественные целевые ценности и идеалы, предметно-воплощенные ценности, личностные (экзистенциальные) ценности [2, с. 113].

Общественные целевые ценности административного права формируются общественным и правовым сознанием. В процессе развития в рамках общественного и правового сознания возникают некоторые требования, которым и должно соответствовать административное право. В обратном случае может возникнуть вопрос, способно ли административное право эффективно регулировать современные общественные отношения, если оно не соответствует требованиям общественного и правового сознания.

Г.Д. Гурвич называет «... семь существенных признаков социального права»: 1) общая функция – объективная интеграция некой тотальности посредством устроения единства общения его членов; 2) основа его принудительной силы: социальное право непосредственно порождается той самой тотальностью, которую оно интегрирует; объект: регламентация внутренней жизни данной тотальности; 4) внутренняя структура соответствующего правоотношения: непосредственное участие в правоотношении не разобщенной на элементы тотальности; 5) внешнее проявление: «социальная власть», как правило, не связанная с безусловным принуждением; 6) осуществление примата организованного права по отношению к организованному; 7) субъект, к которому обращено организованное социальное право: сложная коллективная личность [3, с. 55].

Безусловно ценность административного права наиболее ярко выражена для тех субъектов, которые участвуют в общественных отношениях, урегулированных нормами административного права. Административное право как отрасль права регулирует достаточно разнообразный и обширный круг общественных отношений, что обуславливает наличие различных подходов к ценностной направленности административного права [4, с. 39].

В качестве первой и базовой ценностной направленности необходимо выделить возможность регулировать в различных сферах жизни общества возникающие споры и противоречия. Второй ценностной направленностью выступает возможность устранения препятствий для осуществления субъективных и административных прав. Третий вид – создание новых возможностей саморазвития субъекта административных правоотношений.

Таким образом, в настоящее время особое значение в системе административного права занимает социальная ценность. Социальная ценность подразумевает эффективное регулирование и правильное использование методов государственного управления. Необходимо также признание социальной ценности административного права обществом, в обратном случае оно не будет осозна-

вать, что посредством реализации норм административного права происходит эффективное, социально ориентированное государственное управление.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пономарева Е.В. Право как ценность в современном обществе // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 5. – С. 62–68.
2. Мельникова Н.А., Потылицына С.В. Ценностные основы административного права // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2021. – № 1. – С. 112–116.
3. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения. – Санкт-Петербург, 2004. – 848 с.
4. Юсупов В.А. Социальная и управленческая ценность административного права // Журнал административного судопроизводства. – 2022. – № 2. – С. 39–48.
5. Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 4. – С. 131–140.

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗМА

Полозова И.В.,

доктор философских наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в настоящей статье правовые ценности рассматриваются с точки зрения взаимодействия традиционного и модернистского подходов. В качестве основания правовых ценностей полагается традиция, исходящая из религиозных представлений, лежащих в основе той или иной цивилизации. Модернизм видится исторически как период в развитии западного общества, связанный с секуляризацией, отменой религиозного измерения, сциентизмом, что в отношении подхода к праву оборачивается позитивизмом, отменой метафизической составляющей. Модернизм задает правовые ценности, вырастающие из естественно-правовой и позитивистской установок, опирающихся, соответственно, на идею автономности и самодостаточности человека и фактическое положение дел.

Ключевые слова: традиция, традиционное общество, модернизм, традиционные ценности, правовые ценности.

LEGAL VALUES FROM THE PERSPECTIVE OF TRADITION AND MODERNISM

Polozova I.V.,

Doctor of Philosophical Sciences

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: in this article legal values are considered from the point of view of the interaction of traditional and modernist approaches. The basis of legal values is a tradition based on religious beliefs underlying a particular civilization. Modernism is seen historically as a period in the development of Western society associated with secularization, the abolition of the religious dimension, and scientism, which in relation to the approach to law turns into positivism, the abolition of the metaphysical component. Modernism sets legal values that grow out of natural law and positivist attitudes, based, respectively, on the idea of human autonomy and self-sufficiency and the actual state of affairs.

Keywords: tradition, traditional society, modernism, traditional values, legal values.

Проблема правовых ценностей является основополагающей в философском осмыслении права. Право, не являясь материальным предметом, в значительной мере конституируется и создается на основе ценностей, осмысление и определение которых является ключом к его пониманию. Право, которое современная философия пытается трактовать преимущественно с позиций правового позитивизма, не вмещается в прокрустово ложе существующего законодательства, что вынуждены признать и сами апологеты данной трактовки, понимающие, что невозможно создать законы, учитывающие все возможные правовые случаи [5, с. 18]. Более того, обращаясь к истории человеческих обществ, мы встречаемся с областью неписанного права, которое лишь впоследствии приобретает привычную форму действующего законодательства.

Право с неизбежностью имеет «метафизическую» составляющую, которая предшествует всякому законодательному оформлению и определяет его. В значительной мере метафизическую основу права составляют именно ценности, в первую очередь, такие как справедливость и благо, диспозиция которых призвана образовывать требования, имеющие характер законов, принимаемых в качестве таковых человеческим сообществом.

В этом смысле метафизика сближается с аксиологией, рассматривающей место ценностей в структуре бытия, исследующей их онтологический статус и соподчиненность. Объективное существование ценностного мира утверждается в ряде классических аксиологических теорий XIX – начала XX вв. восходящих к идеальному миру Платона, например, учениях немецких мыслителей М. Шелера и Н. Гартмана. Данные теории исходят из реального существования мира ценностей и, следуя Платону, придают духовным ценностям более высокий ранг по отношению к ценностям практического и тем более гедонистического характера.

Влияние Платона видится в последовательном утверждении онтологического статуса ценностей в учении русского философа Н.О. Лосского, полагающего, что ценности, являющиеся сами по себе идеальными и объективными, могут существовать лишь в том случае, если идеальными и духовными являются сами основы бытия, в противном случае их существование остается совершенно необъяснимым [4, с. 285]. Еще в большей степени понимание природы ценностей у Н.О. Лосского основывается на религиозной христианской традиции, так как со стороны своего онтологического статуса ценность определяется им по отношению к Божественному бытию. «Положительная ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и к Божественной полноте бытия» [4, с. 298].

Учитывая ситуацию, что современная философия в значительной мере утратила свою метафизичность и тем более опору на религиозное мировоззрение, мы оставим за скобками нашего рассмотрения указание на подлинный онтологический статус ценности и укажем на традицию в качестве основного носителя имеющихся в обществе ценностей. Понятие традиции, таким образом, приобретает для нас ключевое значение и становится основным в последующем осмыслении характера и природы правовых ценностей.

В этой связи принципиальное значение приобретает определение самого понятия традиции, которую мы будем рассматривать в качестве проводника духовного начала в социальном мире. Можно полагать, что именно традиция способна соединять мир ценностей и социальный мир, что возможно благодаря ее возникновению на заре человеческих обществ, когда мировоззрение строилось либо на основе мифологического синкретизма, либо на религиях Откровения. В любом случае, именно традиция содержала знание высшего порядка по отношению к человеку, в том числе знание о космическом или Божественном порядке.

Собственно слово «традиция» предполагает передачу в обществе знаний от поколения к поколению. В этой связи следует полагать, что передаче подлежали преимущественно наиболее важные знания, от которых зависело существование общества, в их числе правовые, регулирующие отношения между людьми в целях общего блага. Отголосок подобной традиции присутствует в некоторых правовых системах, например, в китайской, согласно которой преступления и наказания должны быть сбалансированы в целях установления некоторой «космической гармонии» [6, с. 99]. Убийство с неизбежностью должно караться смертной казнью, иначе нарушается космическая гармония, что может привести к гибели общества и даже мира в целом.

В еще большей степени присутствуют в праве установления мировых религий, где ценности, данные свыше, в результате Откровения, например закон Моисея для иудеев и шариат в исламе, составляют основу права религиозных сообществ и целых цивилизаций. Религии, таким образом, выступают в качестве глубинных оснований для цивилизационных правовых ценностей. Укажем в данной связи на слова русского мыслителя и правоведа Б.П. Вышеславцева, утверждающего, что ценности могут создаваться только в рамках религии, иного альтернативного источника ценностей не существует [3, с. 295]. В глубине

каждой цивилизации, поэтому, лежат традиционные ценности, выработанные в результате ее духовной жизни на протяжении ряда тысячелетий. Большинство цивилизаций основано на раскрытии ценностного ядра той или иной религии.

Традиция, таким образом, соединяет религиозные и правовые ценности, сообщает праву значение высшего порядка. Собственно человеческое начало в праве связано лишь с возможностью различных трактовок данных свыше законов. Последующее изменение традиционных правовых систем может быть связано с влиянием множества социальных факторов: появления различных интерпретаций, влияния общин, появления национальных государств, колонизации, секуляризации и др. [6, с. 29].

Для нас особенно важное значение имеют ценности христианской цивилизации, в особенности восточного, православного христианства. Исследователи отмечают, что формирование права на Руси изначально происходило под влиянием обычного права и христианских ценностей [2, с. 133].

С появлением государства и принятием христианства на Руси естественный закон родовых сообществ заменяется государственным и христианским, сохраняя и умножая такую правовую ценность, как справедливость. Постепенно уходит родовая месть, некоторым образом отражающая принцип симметрии и ограниченно понимаемую идею справедливости, образующих естественный закон, соответствующий Моисееву «око за око...», и основным субъектом в правовых вопросах становится государство. Сама государственная власть, вершащая суд, начинает пониматься в свете правовых ценностей, трактоваться как справедливая, а значит, некоторым образом, сакральная.

В качестве высшей правовой ценности незримо выступало общее благо, регулирующее соотношение прав и обязанностей, которому было подчинено все государственное и правовое устройство общества. В этой связи важным элементом организации общества и, соответственно, правовой ценностью выступала иерархичность, идея которой была освящена свыше и развернута в Артепагитиках, трактующих порядок земной иерархии как отражение небесной.

Таким образом, именно традиция служила основным источником правовых ценностей на протяжении раннего периода существования Русского государства, что мы отчетливо видим в допетровские времена. Впоследствии в отечественном праве происходит последовательная рецепция западных правовых принципов. В целом же отечественное право на протяжении истории своего формирования основывалось как на традиционных ценностях, так и, позднее, на идеях и принципах европейской правовой мысли.

В настоящий период в государственной политике и в обществе в целом происходит заметное внимание к традиционным ценностям. Основные традиционные ценности обозначены в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие,

справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [1].

Можно увидеть, что практически все обозначенные традиционные ценности являются, так или иначе, ценностями права, подразумевая, что закон закрепляет и оберегает данные ценности. В определенном смысле данные ценности являются также и правовыми, в том смысле, что именно они структурируют поле права, которое образуется наличием и конфигурацией данных ценностей. И если правовые ценности традиционного допетровского общества могут быть представлены в виде конфигурации: «Благо – иерархия – справедливость», то в современном российском обществе в силу исторических причин соотношение правовых ценностей является гораздо более сложным и многомерным.

Начиная с эпохи Петра, в государственно-правовое устройство и впоследствии в культуру и ментальность российского общества стали проникать европейские правовые ценности. Их отличие от традиционных ценностей обусловлено тем, что религиозные основы западной цивилизации были в значительной степени подорваны в Новое время, и на смену им пришли принципы индивидуализма и либеральной идеологии, основанной на свободе «падшего индивида», ведущей к отказу от ограничивающих данную свободу высших ценностей.

Современное западное общество живет под влиянием модернистской установки, противоположной по своему духу традиции и традиционным ценностям. Влияние данной установки прослеживается и по отношению к ценностям права. Правовые ценности в юридической науке сегодня понимаются чаще всего, исходя из доминирующей в юридическом сообществе естественно-правовой или позитивистской парадигмы. Данные парадигмы, в свою очередь, также ценностно ангажированы, то есть исходят из неких ценностных принципов, принадлежащей определивших их существование мировоззренческой установке.

Так, естественно-правовая установка, сформировавшаяся в Европе в Новое время, явилась следствием процесса секуляризации, отделения культуры от определяющего влияния религиозных ценностей. В ее основе лежит принцип антропоцентризма и вытекающая из него идея изначальных прав человека, якобы принадлежащих ему от рождения. Данная идея является результатом смены мировоззренческих установок в европейском обществе Нового времени, где идея Бога постепенно упраздняется, и человек изначально «сам по себе» становится носителем своих прав. Данная установка является результатом смещения основополагающей ценностной вершины традиционной культуры и постепенной заменой ее вершиной новой эпохи – человеком. Ограниченность и исторический характер данного принципа понимается даже ее апологетами, о чем свидетельствует, например, монография Л. Ханта «Изобретение прав человека», где признается, что утверждение врожденных и неотъемлемых прав человека признавалось далеко не за всеми людьми [7, с. 85].

В естественно-правовой установке, кроме того, нашел отражение принцип рационализма, под влиянием которого право начинает трактоваться с позиций формального равенства, выступающего как его сущностный признак и принцип. Данный подход представляет собой перенесение в сферу права тео-

рии абстракций Локка, предполагающей отвлечение от всех признаков, кроме формального равенства с позиций абстрактно понимаемой свободы.

Позитивистский подход к праву, доминирующий в современном правоведении в новейшую эпоху, является, вопреки заверениям, также далеко не ценностно нейтральным, но служит выражением ценностных установок более поздней эпохи – середины XIX века, когда, собственно, возникает философское течение позитивизма. К ценностям позитивизма можно отнести сциентизм, приверженность эмпирическим данным, опору на факты, индуктивный метод, которые в значительной мере являются продолжением установок эмпиризма Нового времени.

Распространение позитивистского метода и применение позитивистских ценностей к сфере права является продолжением логики основоположника позитивистского подхода О. Конта, утвердившего перенос основополагающих принципов естественнонаучного метода к изучению общества. В связи с этим осуществляется также и трансляция в правовую сферу присущих науке ценностей, например, нейтральности и объективности. Позитивистская установка приводит к трактовке и оценке права с точки зрения его данности, наличности, фактичности, но не способна вместить в себя «невидимое» право, его метафизическую основу. В этом состоит проявление антиметафизической установки позитивизма. Ведь такие правовые ценности, как завершенность, определенность, формализация, предсказуемость по отношению к системе права выступают как продолжение и реализация позитивистской установки.

Следует отметить, что применительно к отечественной правовой традиции не является традиционной ни позитивистская, ни естественно-правовая установка. Несмотря на то что право на Руси, начиная с самых ранних времен было направлено на то, чтобы защищать и оберегать права своих сограждан на жизнь и имущество, сама идея права никогда не рассматривалась в отрыве от обязанностей человека и всегда понималась в соотношении с ними, таким образом, представления о правах и обязанностях было сбалансировано. Большими правами в обществе обладала категория людей, имеющих наибольшие общественные обязанности. Точно также имеются принципиальные отличия в понимании самой идеи свободы. В русской правовой традиции речь всегда шла не о свободе индивида от общества, но о соединении личной пользы с общественным благом [8, с. 310].

Как известно, русская философия всегда рассматривала право в широком контексте, например, с точки зрения общественного идеала и его воплощения и не сводила его в соответствии с западной установкой правового позитивизма к существующему законодательству. Более того, отечественные мыслители видели ограниченность подобного понимания. Так, например, русский правовед и философ Б.П. Вышеславцев утверждал, что право нельзя свести к существующему закону, так как никакой писанный и самый совершенный закон не отменяет зла и преступления [3, с. 39].

Таким образом, правовые ценности в значительной мере являются выражением цивилизационных основ и мировоззренческих установок. Они являются воплощением в правовом поле традиционных ценностей и в конечном счете

исходят из религиозных представлений, лежащих в основе определенной цивилизации. Вместе с тем современная философия права, артикулирующая современные правовые ценности, сформировалась во многом вследствие модернистской установки Нового времени, означающей секуляризацию, отмену религиозного измерения, сциентизм, что в отношении права оборачивается позитивизмом, отменой метафизической составляющей, опорой на фактическое положение дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 309 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – Москва: Родная страна, 2018. – 920 с.
3. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – Москва: Республика, 1994. – 368 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – Москва: Республика, 1994. – 431 с.
5. Мерфи Д., Коулман Д. Философия права: Введение в юриспруденцию. – Москва: Канон, 2024. – 304 с.
6. Фридман Дэвид Д. Правовые системы, сильно непохожие на нашу. – Москва: Социум, 2024. – 464 с.
7. Хант Л. Изобретение прав человека: История. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 272 с.
8. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Идеология и процессы социальной модернизации. – Москва: Academia, 2013. – С. 303–314.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Правкина И.Н.,

кандидат юридических наук, доцент

(Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева)

Аннотация: в статье рассматриваются фундаментальные правовые ценности, определяющие параметры функционирования современного общества. Особое внимание уделяется проблеме поддержания и защиты основополагающих правовых ценностей, выступающих основаниями правовой политики современного государства и критериями эффективности действующего права.

Ключевые слова: правовые ценности, современное общество, правовое развитие, правовая политика.

THE FUNDAMENTAL LEGAL VALUES OF MODERN SOCIETY

Pravkina I.N.,

Candidate of Law, Associate Professor

(Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee)

Abstract: the article examines the fundamental legal values that determine the parameters of the functioning of modern society. Special attention is paid to the problem of maintaining and protecting fundamental legal values, which are the foundations of the legal policy of the modern state and the criteria for the effectiveness of the current law.

Keywords: legal values, modern society, legal development, legal policy.

Осуществление правовой политики современным государством может быть успешным только в условиях верно выбранного вектора стратегического развития государства и права. Одним из таких ориентиров выступают правовые ценности, проблема сохранения и преемственности которых в условиях глобальных вызовов и угроз представляет собой чрезвычайную значимость.

По своей природе «ценность» является философской категорией и выступает в качестве предмета изучения аксиологии. Ценность в общем смысле можно рассматривать в качестве определенной значимости тех или иных объектов, при этом значимость может быть как в положительной, так и в отрицательной коннотациях. На сегодняшний день в философско-правовом дискурсе становится возможным вести речь о ценностях не только как о смыслообразующих константах человеческого бытия, но и как об узловых элементах общественного сознания, которые позволяют сформировать идеальную модель справедливости, добра, правильного, гуманного. Наряду с нравственной, религиозной, эстетической, экономической и политической формами общественной жизни

ценности стали органичным компонентом правовой жизни современного общества, определяющие ее параметры и воплощающиеся в сознании индивидов, образующие систему ориентаций, влияющих на восприятие окружающей действительности.

Ю.Ю. Ветютнев [1, с. 101] считает, что в ценности выражен так называемый меновой аспект, который позволяет субъектам должным образом взаимодействовать в современном мире, устанавливать и поддерживать правопорядок. Таким образом, ценность – есть значимость каких-либо объектов, которая измеряется в определенном аспекте и выступает отправной точкой для установления правопорядка и иерархии.

В свою очередь, правовые ценности, по мнению Ю.А. Гавриловой [2, с. 36] – это, с одной стороны, определенные внешние объекты, с другой стороны – внутренние состояния субъектов, в которых закрепляется соответствующее значение конкретного объекта. Иными словами, когда для субъекта тот или иной объект представляет значимость, формируется соответствующая правовая ценность.

А.И. Клименко [3, с. 167–168] рассматривает правовые ценности в качестве конвенциональных «синтетических» ценностей, ввиду того, что они есть результат договоренности между разными социальными акторами в правовом дискурсе.

Таким образом, правовые ценности – это определенные категории и феномены, обладающие значимостью как в ракурсе индивидуального правового сознания, так и коллективного, а также тесно связанные с правопорядком в социуме.

Т.Н. Сергеева [6, с. 52–60] рассматривает правовую ценность в качестве результата или продукта интеллектуально-практической волевой деятельности субъектов, который обладает значением как для государства, так и для общества в целом. Причем такой результат, как правило, закрепляется на нормативном, законодательном уровне.

Итак, обозначенные выше подходы позволяют выделить следующие основные признаки правовых ценностей:

- правовые ценности являются, с одной стороны, результатом стихийной правовой практики, а с другой, – интеллектуально-волевой деятельности уполномоченных субъектов;
- сущность и содержание правовых ценностей определяются историческими условиями формирования и развития государственности, культурно-нравственными устоями, а также архетипами правовой культуры общества;
- в условиях доминирования государственного права находят свою объективацию в нормативных правовых актах;
- обладают нормативным и регулирующим значением;
- носят фундаментальный характер и служат основанием стратегических ориентиров правовой политики государства, направленной на упорядочение общественных потребностей и интересов;
- являются индикаторами эффективности действия современного права.

Ценности права, таким образом, во-первых, выступают тем самым базисом, на котором зиждется правовая культура и правовое сознание, а также пра-

вопорядок в целом, а, во-вторых, обеспечивают социальную справедливость и снятие противоречия между должным и сущим. Наконец, правовые ценности закрепляют определенные поведенческие паттерны и, конечно, подлежат охране – причем как со стороны социума, так и со стороны государства.

По верному замечанию Т.В. Петрова [5, с. 131–142], на сегодняшний день возникают определенные трудности при попытке классифицировать правовые ценности. Связано это прежде всего с тем, что в настоящий момент наблюдаются сложные трансформационные процессы, причем не только в российском обществе, но также и в мировом сообществе. При этом все равно существуют базовые, универсальные правовые ценности, на которых основывается общество и Российское государство.

Если опираться на универсальные классификационные критерии, то можно сказать, что в качестве основополагающих правовых ценностей для Российского государства и общества выступают: духовные и традиционные ценности, а также общечеловеческие. Причем духовные правовые ценности можно рассматривать в противовес материальным и бездуховным ценностям, а традиционные – в противовес всем псевдоценностям. При этом необходимо отметить, что в данном случае слово «традиционный» необходимо рассматривать несколько шире его привычной интерпретации. Речь идет не об архаичных, а о базовых ценностях, которые защищаются и обеспечиваются акторами социально-правовой практики и являются идейными средствами построения правового государства и гражданского общества.

Сегодня особое значение приобретают в правовом поле традиционные ценности. К традиционным правовым ценностям относятся: жизнь и достоинство, а также права и свободы личности; патриотизм; духовность, гуманизм; ориентир на семейные ценности, защиту семьи и созидательный труд, на развитие нравственности; милосердие; доверие и уважение права [4, с. 161–164]; преемственность и историческая память; единство, взаимопомощь.

Кроме того, базовые правовые ценности можно распределить и по основным сферам. Так, например, в социальной сфере преобладают такие ценности и ориентиры, как: образование и организация должного досуга, правовое воспитание и развитие правовой культуры; защита моральных и нравственных ценностей, установок, социальное обеспечение и защита. Для политической сферы традиционно-свойственным является независимость, национальная идентичность и самоопределение, многополярный мир, равноправное сотрудничество и партнерство. В экономической сфере ведущими выступают такие правовые ценности, как свобода труда и экономического пространства, поддержание здоровой конкуренции и пр.

При этом необходимо отметить, что на формирование и развитие правовых ценностей влияют следующие основные факторы: внутривнутриполитическая и внешнеполитическая обстановка; тенденции, связанные с цифровой трансформацией; изменение информационного пространства; специфика преемственности между поколениями.

На сегодняшний день российское общество находится в непростых условиях: негативное влияние оказывает полномасштабная информационная война,

развернувшаяся в интернет-пространстве, а также использование манипулятивных технологий современными средствами массовой коммуникации, которые посредством внедрения в массовое сознание могут привести к девальвации ценностных ориентиров, в том числе среди молодежи. В связи с этим сохранение, укрепление и защита правовых ценностей является ключевым инструментом обеспечения национальной безопасности, межнационального и межконфессионального согласия, развития правовой государственности и гражданственности.

Таким образом, к основополагающим правовым ценностям можно отнести:

- жизнь и права, свободы личности;
- суверенитет и право на самоопределение, на защиту и поддержание национальной идентичности;
- безопасность и правопорядок как в физическом, так и в материальном аспектах;
- социальная справедливость и всеобщее равенство;
- равноправное партнерство и многополярный мир;
- традиционные ценности – приоритет духовного и защита института семьи, патриотизм, единство и взаимная помощь, гуманизм, православие, историческая память.

В целях поддержания и защиты основополагающих правовых ценностей, целесообразно действовать по следующим основным направлениям:

- совершенствование органами государственной власти системы нормативного регулирования в области защиты правовых ценностей;
- совершенствование системы правового воспитания с учетом достижений современной науки и техники;
- организация в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, с учетом трансформационных процессов в формировании новой реальности права, особой среды, в которой позиционируются и транслируются соответствующие ценности.

Таким образом, правовые ценности, во-первых, выступают основополагающим инструментом правового регулирования в обществе, во-вторых, являются индикатором осуществления эффективной правовой политики, в-третьих, определяют векторы правового развития современного общества и государства, в-четвертых, носят узловую, системообразующий характер и являются отражением уровня развития правовой культуры и правосознания общества, и, в-пятых, в своем содержательном и сущностном наполнении являются отражением воздействия исторических, социально-экономических, духовно-нравственных факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ветютнев Ю.Ю. Аксиологические основания правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории / под общ. ред. М.А. Беляева, В.В. Денисенко, А.И. Клименко. – Москва, 2020. – 208 с.

2. Гаврилова Ю.А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3 (4). – С. 35–39.
3. Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 167–168.
4. Напольских И.М. Доверие как правовая ценность // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – № 4. – С. 161–164.
5. Петрова Т.В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 4. – С. 131–142.
6. Сергеева Т.Н. Учение о правовых ценностях и их генезис // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 52–60.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

Ракша Н.С.,

кандидат юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет)

Аннотация: в статье раскрывается понятие общественного порядка и общественной безопасности в условиях современной правовой политики. Выделены основные аспекты общественного порядка и общественной безопасности: преступность и правопорядок, терроризм, киберугрозы, нелегальная миграция, социальные факторы, правовые условия, технологические аспекты. Отмечено, что в административно-правовом определении общественной безопасности ведущая роль принадлежит государству, осуществляющему функции обеспечения общественной безопасности через органы законодательной, исполнительной и судебной власти на государственном и местном уровнях. Общественный порядок рассмотрен в узком и широком смысле. В последнем он представляет собой совокупность всех общественных отношений, складывающихся в государстве на том или ином этапе его развития. Общественный порядок является необходимой формой совместного существования людей, благодаря чему они могут реализовывать свои личные права и свободы. Резюмируется, что эффективное обеспечение общественного порядка невозможно без сотрудничества с гражданами. Это должно включать: разработку программ общественной безопасности, налаживание эффективной обратной связи от населения о состоянии безопасности, образовательные инициативы по правовым вопросам. Общественный порядок и общественная безопасность представлены как важные аспекты, обеспечиваю-

щие соответствующий правопорядок в государстве, а также стабильность развития всего общества и эффективную защиту прав человека и гражданина.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, угрозы, терроризм, киберугрозы, чрезвычайные ситуации, нелегальная миграция, обеспечение.

PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY IN MODERN LEGAL REALITIES

Raksha N.S.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Southwestern State University)

Abstract: the article reveals the concept of public order and public safety in the context of modern legal policy. The main aspects of public order and public security are highlighted: crime and law and order, terrorism, cyber threats, illegal migration, social factors, legal conditions, technological aspects. It is noted that in the administrative and legal definition of public safety, the leading role belongs to the state, which performs the functions of ensuring public safety through legislative, executive and judicial authorities at the state and local levels. Public order is considered in a narrow and broad sense. In the latter, it represents the totality of all social relations that develop in the state at one stage or another of its development. Public order is a necessary form of people's co-existence, so that they can exercise their personal rights and freedoms. It is summarized that effective maintenance of public order is impossible without cooperation with citizens. This should include: the development of public safety programs; the establishment of effective feedback from the public on the state of security; educational initiatives on legal issues. Public order and public safety are presented as important aspects that ensure the appropriate rule of law in the State, as well as the stability of the development of the whole society and the effective protection of human and civil rights.

Keywords: public order, public safety, threats, terrorism, cyber threats, emergencies, illegal migration, security.

Общественный порядок и общественная безопасность в современных условиях являются важными аспектами, обеспечивающими соответствующий правопорядок в государстве, а также стабильность развития всего общества и эффективную защиту прав человека и гражданина.

Рассматривая основные компоненты и вызовы, с которыми сталкивается в рассматриваемой области Российская Федерация, прежде всего отметим, что общественный порядок представляет собой систему норм и правил, регулирующих поведение граждан в обществе, направленную на поддержание спокойствия, безопасности и нормального функционирования всех социальных институтов.

Следует подчеркнуть, что в административно-правовом определении общественной безопасности ведущая роль принадлежит государству, осуществляющему функции обеспечения общественной безопасности через органы законодательной, исполнительной и судебной власти на государственном и местном уровнях.

Рассматривая социально-политическое определение общественной безопасности сквозь призму составляющих понятий, это понятие можно трактовать также как динамически устойчивое состояние применительно к неблагоприятным воздействиям, постоянно контролируемым деятельностью специальных государственных органов, которые должны создавать условия для развития навыков и реализации социально значимых потребностей человека, его законных прав и свобод, обеспечивая развитие и сохранение материальных и духовных ценностей общества, а также территориальную целостность, суверенитет и конституционное устройство государства.

В указанном определении учтены все возможные элементы: объект (человек, общество, государство), субъект (сформированные для этого органы), обстоятельства угрозы (неблагоприятные воздействия), способы обеспечения (деятельность, направленная на поддержание динамически устойчивого состояния).

Общественная безопасность как обширный самостоятельный институт требует проведения сравнительного анализа со смежной категорией, такой как общественный порядок. Такое направление оправдано, во-первых, тем, что в деятельности государственных органов задачи по обеспечению общественной безопасности и охраны общественного порядка находятся в компетенции иногда одних и тех же аппаратов и должностных лиц; во-вторых, это позволяет определить границы компетенции в смежных отраслях общественной жизни и их соотношение.

Следует отметить, что понятие общественной безопасности, как одного из видов безопасности, имеет важное значение, поскольку достояние научной концепции безопасности вызваны, прежде всего, потребностями практики, что доказывает необходимость усовершенствования деятельности различных органов государственного управления, на которые возложена функция обеспечения общественной безопасности и повышения эффективности ее правовой охраны [1, с. 256–259].

На общественный порядок как историческую категорию влияло множество факторов общественной жизни, а именно: духовные, экономические, политические, социально-психологические и др. Вместе с тем его содержание составляют волевые отношения людей, проявляющиеся в их поведении и действиях, как результат их сознательной деятельности. В XVIII веке француз Деламар рассматривал общественный порядок как «важнейшую отрасль компетенции государств, призванную охранять порядок в общественных местах и уничтожать элементы «кулачного права», основанного на насилии сильного над более слабым [2, с. 331].

Используя набор таких категорий, как «благочиние», «благоустройство», «благополучие» и др., ученые XVIII – первой половины XIX века продолжили разработку категории общественного порядка и акцентировали необходимость его регламентации юридическими нормами. По их мнению, любое государство

обязано с помощью системы специальных органов защищать население от преступлений, эпидемий и природных катаклизмов [3, с. 93].

Основоположники марксизма-ленинизма использовали понятие «общественный порядок» в значении, идентичном государственному устройству государства определенного типа или определенной исторической эпохи со всей совокупностью характерных для них отношений.

Конституция 1936 года закрепила понятия «общественный порядок» и «государственный порядок», подчеркнув их особую актуальность, и создала основу для их законодательного применения и научного исследования. Понятие «общественный порядок» приобретает широкое применение в 1950-1960-х годах в ряде законодательных актов, среди которых необходимо выделить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство», в котором указанное понятие обозначено достаточно отчетливо, также определены его отдельные элементы [4].

Общественный порядок в широком смысле представляет собой совокупность всех общественных отношений, складывающихся в государстве на том или ином этапе его развития. Порядок является необходимой формой совместного существования людей, благодаря чему они могут реализовывать свои личные права и свободы.

В середине XX века категория «общественный порядок» действительно стала важной темой в трудах ученых, занимающихся вопросами социологии, права и политологии. Общественный порядок рассматривался как комплексная система, включающая в себя не только правовые нормы, но и социальные, культурные и экономические аспекты жизни общества.

Слаженную структурную систему правовых общественных отношений, возникающих как в общественных местах, так и вне их, предложили для определения общественного порядка М. Еропкин, Л. Попов [5, с. 11]. Но даже это толкование сферы общественных отношений, составляющих содержание общественного порядка, далеко не полное. В указанном аспекте общественный порядок трудно отличить от других социальных категорий, которые также являются регулируемыми нормами права и другими социальными нормами и выполняют такие же функции, т.е. в этом случае общественный порядок следует считать не только юридической, но и социальной категорией.

Некоторые авторы считают, что «общественный порядок образуется под влиянием не только правовых, но и иных, не юридических правил поведения (норм морали, обычаев), а следовательно является системой общественных отношений, которая основывается на социалистическом способе производства и складывается вследствие влияния на процессы общественной жизни всех принятых в обществе социальных норм и принципов» [6, с. 379].

Рассматривая категорию общественной безопасности, следует указать, что это состояние защищенности граждан, общества и государства от различных угроз, включая преступность, терроризм, природные и техногенные катастрофы, а также другие факторы, способные нарушить общественный порядок и безопасность. Это понятие охватывает широкий спектр вопросов, связанных с защитой прав и свобод граждан, обеспечением правопорядка и стабильности в обществе.

Среди основных аспектов общественной безопасности прежде всего следует выделить:

Преступность и правопорядок. Общественная безопасность включает в себя борьбу с преступностью, профилактику правонарушений и обеспечение правопорядка; участие в этих процессах правоохранительных органов, играющих ключевую роль в поддержании общественной безопасности: патрулирование и мониторинг общественных мест; проведение расследований преступлений; обучение сотрудников по вопросам прав человека; взаимодействие с гражданами и органами местной власти и др.

Терроризм и экстремизм. Террористические преступления, порождая широкий общественный резонанс, становятся предметом конфликтного социального противостояния и вражды [7]. Причиной такого положения дел следует назвать недостаточный уровень подготовленности субъектов противодействия указанным феноменам и неадекватность мер противодействия характеру противоправной угрозы.

Ситуацию усугубляет постоянная трансформация, расширение географии, разновидностей и форм экстремистской и террористической деятельности, которые на сегодняшний день большинством государств отнесены к числу основных угроз национальной безопасности. В частности, для существования российского государства особую опасность представляет деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение безопасного функционирования объектов жизнедеятельности и критической информационной структуры, завладение оружием массового уничтожения, совершение актов ядерного терроризма.

Киберугрозы. Увеличение числа кибератак ставит под угрозу не только личные данные граждан, но и национальную безопасность государства.

Чрезвычайные ситуации. Природные катаклизмы (землетрясения, наводнения), техногенные катастрофы (аварии на предприятиях, утечки химических веществ) требуют системного подхода к обеспечению общественной безопасности. Создание эффективных систем предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации является важной частью обеспечения безопасности.

Нелегальная миграция. В современных условиях, в мире стремительной глобализации миграционные процессы приобретают невиданные ранее масштабы и динамику. Перемещение людей через границы государств, континентов, культурных пространств – это уже не просто статистический факт, а многогранное явление, оказывающее влияние на все сферы жизни: экономику, политику, культуру, демографию.

В последние годы интенсивность миграции в России приводит к социально-экономическим и политическим изменениям. Отсутствие должного контроля за миграционными потоками вызывает дисбаланс в социальной сфере, провоцирующий проявление конфликтов в различных областях жизнедеятельности общества, обострение криминогенной обстановки. Все это требует пересмотра миграционной политики Российской Федерации, как считаем, в сторону ужесточения. Миграционная политика должна отвечать прежде всего интересам граждан России.

Социальные факторы. Уровень общественной безопасности также зависит от социальных условий, таких как уровень жизни, образование, доступ к медицинским услугам и социальная справедливость. Социальная напряженность может привести к росту преступности и угрозам общественной безопасности.

Правовые аспекты. Общественная безопасность регулируется различными законами и нормативными актами, которые определяют права и обязанности граждан, а также полномочия государственных органов. Важным аспектом является соблюдение прав человека при обеспечении безопасности. Деятельность правовой системы должна основываться на оследующих принципах: защита прав человека, законность, прозрачность и подотчетность правоохранительных органов, гуманизм и др.

Технологические аспекты. Современные технологии, например такие, как видеонаблюдение, анализ данных и системы реагирования на инциденты, помогают правоохранительным органам более эффективно выполнять свои функции [8, с. 6], т.е. внедрение новых технологий и цифровизация полицейской деятельности становятся необходимым шагом для современных правоохранительных органов в условиях быстро меняющегося общества и технологий.

Общественное сознание. Осведомленность и активное участие граждан в вопросах безопасности также играют важную роль. Образование и информирование населения о рисках и мерах предосторожности могут значительно повысить уровень общественной безопасности. Эффективное обеспечение общественного порядка и безопасности невозможно без сотрудничества с гражданами. Это должно включать: разработку программ общественной безопасности, налаживание эффективной обратной связи от населения о состоянии безопасности, образовательные инициативы по правовым вопросам.

Категории «общественный порядок» и «общественная безопасность» – это динамично составляющие аспекты социальной жизни, которые обеспечивают стабильность и защиту общества, обеспечивают права человека и гражданина, требуют постоянного обновления подходов и методов работы правоохранительных органов с учетом меняющихся правовых реалий. Только в комплексе правовых, социальных, экономических и культурных мер можно достигнуть эффективности в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лихачёв С.В. Общественный порядок и общественная безопасность в науке административного права / Юго-западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. – Курск, 2021. – С. 256–259.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1893. – 856 с.
3. Гаген В.А. Учебник административного права. – Ростов, 1919. – 231 с.

4. Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 27.10.2024).

5. Еропкин М.И., Попов Л.Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. – Ленинград, 1973. – 277 с.

6. Теория государства и права: учебник / под ред. А.М. Васильева. – 2-е изд. – Москва: Юрид. лит., 1983. – 430 с.

7. Ракша Н.С., Милич И. Сарадња Републике Србије и Руске Федерације у борби против тероризма / Зборник сажељака «Право између заштите и злоупотребе» Collection of Abstracts «Law Between Protection and Abuse». – Сарајево: Правни факултет, 2024. – С. 229–230.

8. Гиммельрейх О.В. Республиканская система мониторинга общественной безопасности в системе организационных средств охраны общественного порядка и безопасности // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1 (39). – С. 5–11.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ (ОПЫТ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ)

Редкоус В.М.,

доктор юридических наук, профессор

(Институт государства и права РАН, Академии управления МВД России)

Аннотация: в статье на основе анализа положений Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Республики Казахстан на 2023–2029 годы, утвержденных постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269, проанализированы вопросы развития инновационных систем, что может быть использовано при подготовке документов стратегического планирования в Российской Федерации и иных государствах – участниках СНГ.

Ключевые слова: государственное управление, административное право, инновационная деятельность, цифровая экономика, цифровая инфраструктура, цифровая зрелость, государства – участники СНГ.

ISSUES OF DEVELOPMENT OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS IN STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS (EXPERIENCE OF THE CIS MEMBER STATES)

Redkous V.M.,

Doctor of Law, Professor

(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (RAS),
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: based on the analysis of the provisions of the Concept of Digital Transformation, development of the information and communication technologies and cyber security industry of the Republic of Kazakhstan for 2023–2029, approved by the Government of the Republic of Kazakhstan. By Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 28, 2023 №. 269, the issues of the development of innovative systems are analyzed, which can be used in the preparation of strategic planning documents in the Russian Federation and other CIS member states.

Keywords: public administration, administrative law, innovation, digital economy, digital infrastructure, digital maturity, CIS member States.

В настоящее время одним из приоритетных направлений научных исследований вопросов государственного управления является правовое обеспечение его реформирования [1, с. 5–15]. В силу важности данной задачи для развития государства и общества вопросы реформирования государственного управления закрепляются в документах стратегического планирования, которые принимаются как в России, так и в иных государствах – участниках Содружества Независимых Государств [2, с. 190–193]. Данное реформирование должно происходить только на конституционной основе [3], быть научным, системным, учитывать многофакторность государственного управления и определять реальные, а не «утопические» перспективы его развития [4, с. 83–88].

Рассмотрим одну из технологий современного административного реформирования, связанную с формированием эффективной всесторонней национальной инновационной системы, которая достаточно последовательно раскрыта в Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Республики Казахстан на 2023–2029 годы (далее – Концепция), утвержденной постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [5].

Так, для формирования эффективной всесторонней национальной инновационной системы, выхода на высокотехнологичную экономическую структуру, способную создавать наукоемкие продукты, необходимо развитие инноваций на комплексной и системной основе всеми заинтересованными стейкхолдерами (отраслевые государственные органы, бизнес-сообщество, научное сообщество и прочие) с обеспечением фокуса имеющихся ресурсов и усилением межведомственной координации для повышения конкурентоспособности, а также с учетом поддержки государственных (социальных) инноваций.

Для построения полноценной цифровой экономики необходимо комплексное развитие цифровой инфраструктуры, сокращение неравенства в уровне цифровизации между государственными органами и регионами, формирование высокой добавленной стоимости в цифровой промышленности, а также цифровая трансформация государственного управления, отраслей экономик и направлений жизнедеятельности.

Принимая во внимание, что технологии и цифровая трансформация являются неотъемлемой частью конкурентоспособности предприятий и государства в глобальном масштабе, особое внимание необходимо уделить разработке подходов оценки цифровой зрелости, сказано в Концепции.

При этом цифровизация отраслей экономики тесно связана с развитием всех отраслей, в этой связи подходы к их реализации заложены в соответствующих концепциях. В свою очередь, особую роль в национальной инновационной системе важно отвести регионам страны. В данном контексте будет проработан и усилен региональный инновационный потенциал, в том числе с укреплением условий, среды и факторов, способствующих созданию и внедрению высокоэффективных инноваций.

Вышеуказанные подходы предстоит реализовать наряду с проектом по формированию «Единого окна национальной инновационной системы», которое будет аккумулировать в себе все возможные государственные и негосударственные меры поддержки инноваций, оцифровывать процессы взаимодействия между участниками национальной инновационной системы и обеспечивать качественные инструменты анализа и оценки проводимой государственной технологической политики, а также включать в себя иную соответствующую информацию.

Национальная инновационная система призвана создать условия для притяжения идей, технологий, цифровых решений и талантливых специалистов со всего мира, а также активного привлечения граждан страны, которые занимаются ИТ-проектами за границей.

В Концепции подчеркнуто, что важным последствием развития в стране инновационной системы станет увеличение доли передовых технологий национального происхождения. Приоритетами являются: увеличение на порядок количества технологических стартап-проектов, инициированных в стране, и их совокупной капитализации; наличие в государстве частной профессиональной отрасли венчурного капитала, обеспечивающей нужды быстрорастущей экосистемы; «Истории успеха» национальных стартапов на международной арене, в том числе выход на международный уровень; увеличение экспорта отечественных ИКТ-решений и инноваций; развитие корпоративных инноваций; создание условий для развития региональных инновационных экосистем; создание платформы с единым окном и базой данных по инвестиционным возможностям; поддержка и продвижение отечественных инновационных компаний в рамках международных торговых договоров.

В более долгосрочной перспективе целями являются создание условий для появления в стране крупных и менее крупных компаний с высокой капитализацией, а также формирование культуры технологического предпринимательства.

Инновационная экосистема создается как на основе существующих технопарков, венчурных фондов, научно-исследовательских институтов и организаций высшего и (или) послевузовского образования, так и на базе международного технопарка «Astana Hub».

Необходимо продолжать формировать и развивать региональную экосистему стартапов, базирующуюся в региональных «опорных» организациях высшего и (или) послевузовского образования (как дополнение к Международному технопарку IT-стартапов «Astana Hub»). К примеру, через создание площадки для нетворкинга, обучения и досуга креативных талантов, запуск платформы по переобучению технологическим навыкам для работы, усиление региональной политики по цифровизации экономики.

Задача привлечения иностранных специалистов и ученых требует, в первую очередь, обеспечения максимально благоприятных условий для их работы и проживания, безопасности и конкурентоспособной оплаты труда. В более долгосрочном плане таким специалистам будут предоставлены свидетельства реального использования их разработок, результативности их участия в создании цифровой экономики страны.

Параллельно с привлечением иностранного интеллектуального капитала будет обеспечен вывод на качественно другой уровень научно-исследовательской деятельности в стране. Для этого предполагается разработать механизмы стимулирования научно-исследовательской деятельности организаций страны, открыть школы предпринимательства, а также привлекать крупные международные IT компании для открытия своих исследовательских центров. Инновационная деятельность невозможна без фундаментальной и прикладной науки.

Для развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ предполагается наладить взаимодействие между стартапами и ведущими организациями высшего и (или) послевузовского образования страны. Для этого Правительство Российской Федерации определит задания под целевые научные гранты, которые могут получать стартап команды совместно с ведущими организациями высшего и (или) послевузовского образования.

Требуется внедрить опыт развитых стран, где обеспечивается усиление процесса передачи высоких технологий, стимулирование кооперации между научно-исследовательскими центрами, университетами, частными компаниями с целью формирования базы для научных изысканий и подготовки конкурентоспособных специалистов современной науки и производства.

Ключевыми направлениями развития отрасли информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) являются рост доли местного содержания в отрасли ИКТ и поддержка отечественных малых и средних предприятий в сфере ИКТ, повышение уровня информационной безопасности и стимулирование отечественных разработок путем импортозамещения, установления приоритетного порядка закупок конкурентоспособных казахстанских IT-разработок в государственном и квазигосударственном секторах.

В рамках увеличения экспорта отечественных ИКТ-решений должны быть предусмотрены меры оказания поддержки ИТ-компаниям при выходе на экспортные рынки, разработка новых инструментов продвижения экспорта, развитие ИТ-кадров, создание платформы офшорного программирования, стимулирование спроса и компетенции.

Для формирования конкурентоспособной отрасли ИКТ усилия государства предложено направить на создание благоприятной экосистемы предпринимательства в этой отрасли.

Таким образом, документы стратегического планирования, принимаемые в государствах – участниках СНГ, содержат много информации о реформировании государственного управления, о технологиях реформирования, что представляет определенный теоретический и практический интерес для российских правоведов и специалистов в области государственного управления, а также должно активно использоваться в совершенствовании деятельности органов внутренних дел [6, с. 357–363].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новеллы конституционного законодательства России: учебное пособие / В.А. Лысенко, А.А. Ерыгин, Д.В. Меняйло [и др.]. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2022. – 96 с.
2. Редкоус В.М. Основные направления административной реформы в Республике Узбекистан // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 190–193.
3. Виноградова Е.В. Российский конституционализм: элементы системы: монография. – Москва: Институт государства и права РАН, 2022. – 266 с.
4. Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного и финансового права» («Лазаревские чтения – 2021») / М.Н. Кобзарь-Фролова, А.А. Гришковец, Е.Л. Васянина // Административное право и процесс. – 2021. – № 8. – С. 83–88.
5. Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Республики Казахстан на 2023–2029 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Кирюхин В. В. Цифровая полиция для цифрового общества / Цифровая трансформация системы МВД России: сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х ч. Москва, 20 октября 2022 г. / под ред. И.Г. Чистобородова. Часть 1. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – С. 357–363.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В РОССИИ И СССР: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС

Синютин А.А.

(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова)

Аннотация: в статье анализируется сущность и основные проблемы формирования патриотизма как духовной основы национальной безопасности современной России, отмечается, что патриотическое воспитание должно включать в качестве неотъемлемого компонента пропаганду традиционных духовно-нравственных ценностей, которые сформировались в течение длительного периода историко-культурного развития нашей страны и в настоящее время составляют духовную основу ее национальной безопасности. Автор опирается на принцип историзма, на основе которого генезис патриотических ценностей и факторы, определяющие их становление и развитие в социокультурном пространстве общества, рассматриваются в конкретных исторических условиях, а также на принцип системности, позволивший анализировать патриотические ценности как совокупность различных элементов и составляющих. Патриотические ценности представляют собой своеобразные духовные образы или представления, которые определяют характер мировоззрения людей на конкретном этапе общественного развития, содержание духовной культуры общества. Основное содержание патриотических ценностей образуют соответствующие патриотические чувства человека, испытываемые им в отношении Родины или Отечества, проявляющиеся в любви и уважении к историческому прошлому своей страны, социокультурным нормам и традициям, личностной идентификации с обществом. Высокая социальная значимость патриотических ценностей обусловлена тем обстоятельством, что устойчивые ценности патриотизма могут служить прочным духовным основанием личностного мировоззрения, а также важной предпосылкой для общественной консолидации и общегражданской идентичности. В соответствии с выводом, сделанным автором, система воспитания патриотизма в условиях трансформирующегося российского общества представляет собой многокомпонентную и динамично развивающуюся сферу, эффективное функционирование которой требует скоординированной работы всех субъектов воспитательного процесса.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое мировоззрение, воспитание патриотизма, трансформация.

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF THE PATRIOTIC WORLDVIEW IN RUSSIA AND THE USSR: A CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Sinyutin A.A.

(M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI))

Abstract: the article analyzes the essence and main problems of the formation of patriotism as the spiritual basis of national security in modern Russia, it is noted that patriotic education should include as an integral component the promotion of traditional spiritual and moral values that have been formed over a long period of historical and cultural development of our country and currently form the spiritual basis of its national security. The author relies on the principle of historicism, on the basis of which the genesis of patriotic values and the factors determining their formation and development in the socio-cultural space of society are considered in specific historical conditions, as well as on the principle of consistency, which made it possible to analyze patriotic values as a set of various elements and components. Patriotic values are peculiar spiritual images or representations that determine the nature of people's worldview at a particular stage of social development, the content of the spiritual culture of society. The main content of patriotic values is formed by the corresponding patriotic feelings of a person, experienced by him in relation to the Motherland or Fatherland, manifested in love and respect for the historical past of his country, socio-cultural norms and traditions, personal identification with society. The high social significance of patriotic values is because the stable values of patriotism can serve as a solid spiritual foundation of a personal worldview, as well as an important prerequisite for social consolidation and civil identity. In accordance with the conclusion made by the author, the system of education of patriotism in the conditions of a transforming Russian society is a multicomponent and dynamically developing sphere, the effective functioning of which requires coordinated work of all subjects of the educational process.

Keywords: patriotism, patriotic worldview, education of patriotism, transformation.

В философском дискурсе тема патриотизма является важной для анализа духовной и материальной связей, обнаруживаемых между человеком и страной, городом, сельской местностью и государством, где ему суждено было родиться, вырасти и приобрести характерные социокультурные особенности. При этом исторические требования к патриотизму могли изменяться в связи с политическим устройством той или иной страны, народа и государства. К тому же патриотизм по-разному понимался в зависимости от того, к какой социальной страте принадлежал человек. Но в целом патриотизм может рассматриваться как чувство благодарности и проистекающие из него эмоции в отношении собственного Отечества.

На территории позднесредневековой Руси мы имеем дело с народным патриотизмом, выражаемым в форме прославлений родной земли, который даже выглядит более «современным», по крайней мере в сравнении его с западной монархической версией патриотизма. В данной связи из записок Афанасия Никитина, купца и путешественника, родом из Твери, становится ясно, что их автор отлично отличает власть, которой, конечно, должно повиноваться, от страны (земли), которую следует любить всем сердцем. Так, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин говорит о своей отчизне, в возвышенных тонах, что: «А Русскую землю Бог да сохранит! Боже, храни ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости» [5, с. 53]. Интересно, что под отчизной он воспринимает не только свою малую родину – тверскую землю, управляемую удельным князем, а мыслит под ней пространство всей известной на тот период исторической Руси (России).

В определенном смысле патриотизм может рассматриваться как гордость за свою страну и народ и как дружественная предрасположенность к «своим людям», «близким», во многом обусловленная естественной привычкой. Однако патриотизм выходит за границы родовой жизни, то есть это не просто верность собственному роду, а скорее добродетель, направленная на отстаивание интересов государства, которые и вовсе могут не совпадать с чаяниями родовой общины. Речь в данной связи, как правило, заходит о долге, то есть о мере того, насколько человек обязан своим соседям или соотечественникам за оказанные или напротив не оказанные ему блага, и способствует решению, как ему поступать в кризисных ситуациях для всего отечества. Патриотизм, таким образом, рассматривается как этическое (нравственное) требование, предъявляемое в первую очередь к свободному гражданину полиса. Защита Отечества предстает в качестве политической добродетели, способной явить подлинную сущность каждого гражданина.

Прощание с эпохой абсолютизма выразилось главным образом в противопоставлении народа и власти, с одной стороны, и родной земли (отчизны, страны) и феодальных владений, с другой. Следовательно, теперь патриот мог открыто подозревать власть в том, что она отнюдь не действует в интересах народа и страны в целом. При этом ясно, что объектом патриотических чувств могли выступать государь, народ и земля (зачастую дискурс «крови» мог вполне противостоять дискурсу «почвы»). Так, например, русский философ, а отчасти и революционер А.Н. Радищев в своих работах, в частности в наиболее известном широкой публике произведении «Путешествие из Петербурга в Москву», активно противопоставлял любовь к отчизне и преданность монарху, иллюстрируя тем самым диалектический момент, обнаруживаемый в патриотическом сознании индивида. От лица одного из героев своего произведения он писал: «Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отомстит порабощение человека» [2, с. 25]. Несомненно, что в философии А.Н. Радищева патриотизм не отождествляется с монархизмом, а открыто про-

тивопоставляется ему, причем, как полагает автор, не в интересах отдельной территории, а скорее простого народа, с которым патриот считает верным разделить свою судьбу.

Отдельного внимания в качестве самобытного феномена культуры заслуживает советский патриотизм, который существовал на базе интернационализма, что уже само по себе свидетельствует о крайне противоречивом характере данного явления. Ведь патриотизм, как правило, представляет собой интегральное явление, позволяющее наиболее эффективно консолидировать элиты страны с основной массой населения. Именно такой активный патриотизм проявился в период Отечественной войны 1812 г., когда высшая аристократия империи объединилась с крепостными крестьянами в борьбе против коалиции иностранных интервентов.

Вместе с тем коммунистическая идеология предполагает своего рода «классовый патриотизм», в рамках которого интересы угнетенных капиталистами классов ставятся намного выше любых национальных интересов. Так, предполагалось, что даже на фоне ведения мировых войн рабочие (шире – трудящиеся) должны быть солидарны в борьбе, которую они ставят выше национальных и государственных интересов. Более того, оказывалось, что действия подобного рода интернационалистов, особенно во время войны, могли легко подпадать под статью о государственной измене. Поэтому скорее можно предполагать, что именно интернационализм более гармонично сочетается собственн с космополитическим мировоззрением, чем с патриотизмом. Другое дело, что в период сталинизма, как бы к нему не относиться, многие космополитические тенденции, характерные для коммунистической идеологии, фактически блокировались властью «мудрого Отца всех народов».

Великая Отечественная война, явив чудеса мужества советского народа и продемонстрировав патриотизм народа русского и других народов Советского Союза, особенно в самом начале военной компании, показала и слабые места «советского патриотизма». К тому же простым советским людям не совсем был понятен пафос того, каким образом может произойти действительно объединение трудящихся, если все рычаги управления сосредоточены в руках не рабочих и крестьян (как это утверждала пропаганда), а в узком (избранном) кругу единственно правящей партии. В данной связи современные отечественные исследователи обращают внимание на то, что если мы желаем «оценить численность военных и гражданских лиц, пошедших на службу к оккупантам, то она окажется ничтожной по сравнению с количеством людей, сражавшихся в рядах Красной Армии и работавших на оборонных предприятиях страны. Однако в досоветскую эпоху ни одна война России с внешним врагом не выявляла такого большого количества изменников. К примеру, во время Первой мировой войны или Отечественной войны 1812 г. захватчикам не удалось сформировать ни одного подразделения из военнопленных-коллаборационистов. Следовательно, политика СССР в 1920–1930-е гг. нанесла по патриотизму народов России такой удар, что последствия стали заметны всем» [3, с. 173]. Таким образом, можно предполагать, что национальная политика, проводившаяся в период 1920-1930-х гг. прошлого столетия, во многих аспектах была направлена на

разъединение советских народов (в том числе посредством политики так называемой «коренизации» [1, 4]), чем на их реальную консолидацию, несмотря на всю декларируемую официальную риторику о том, что, например, формирующиеся социалистические («классово верно структурированные») нации и их представители якобы не могут сами быть ярыми националистами.

Если в период Великой Отечественной войны все-таки удалось сформировать патриотический дискурс советского народа, то уже на этапе строительства «развитого социализма» так называемый «советский патриотизм» оказался в глубоком кризисе. Поэтому исследователи отмечают: «Непоследовательность советской культурной политики создала также новый тип патриотизма, которого не было в Российской империи: привязанность к наличному государству за те преференции, которое оно может дать своим верным функционерам. Поэтому в 1960–1980-е гг. советский патриотизм превратился в показную лояльность “генеральной партийной линии” при условии, что членство в КПСС обеспечит гражданину какие-то материальные выгоды» [3, с. 174]. Вместе с тем внутри советского патриотизма, особенно в период «перестройки», формировались альтернативные патриотические повестки, ставившие в центр переживания свои республики.

Таким образом, советский патриотизм, в особенности после окончания Великой отечественной войны, носил явно партийный характер, поэтому кризис и крушение коммунистической партии СССР автоматически привело к деструкции данного типа патриотической риторики. В дальнейшем элементы советского патриотизма, который как это не удивительно сопровождался «сталинистской», «имперской» и «русско-националистической» эклектичной риторикой, были частично возрождены в оппозиционной «державнической» идеологии российских коммунистов, противостоящих в 1990-е гг. действующему («прозападному демократическому») правительству.

В отличие от абстрактных рассуждений о любви к всеобщему человечеству патриотизм организует человека действовать. В данной связи стоит отметить, что патриотизм может быть использован в политических идеологиях как важный компонент, способствующий мобилизации социума, в том числе в условиях войны и конфликтов. Патриотизм тесно связан с традицией и консервативными установками в культуре и базируется на уважительном отношении и почитании «заветов отцов», распространяющихся на сферы религии и политики. Таким образом, ясно, что патриотические установки во многом формируются с ориентацией на близких людей, родных и товарищей, с которыми проходила ранняя социализация. Но с другой стороны, патриотизм может и должен рассматриваться как результат направленной культурной деятельности по воспитанию человека в духе уважения и любви к собственной культурной традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – Москва: Российская политическая энциклопедия (Росспэн): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 855 с.
2. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – Санкт-Петербург: Художественная литература, 1992. – 670 с.
3. Сулимов С.И., Черниговских И.В. Советский патриотизм как явление культуры // Этнодиалоги. – 2024. – № 1(72). – С. 166–177.
4. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 472 с.
5. Хожделение за три моря Афанасия Никитина. – Ленинград: Наука, 1986. – 230 с.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Скандаков И.П.,

кандидат философских наук

(ОМПО УРЛС УМВД России по Белгородской области);

Киданова Н.Л.,

кандидат экономических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: колоссальными темпами развиваются технологии и инновации, которые способствуют увеличению эффективности производственных и бизнес-процессов, этому способствует применение широкого спектра цифровых платформ в государстве, в образовании и организациях. В современных условиях активного применения цифровых технологий возрастают риски мошенничеств, с которыми сталкиваются граждане, юридические лица, государство. Обеспечение финансовой и цифровой безопасности является сегодня важнейшей задачей государства-мегарегулятора, а также участников программных мероприятий по повышению финансовой и цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: экономика, цифровизация, экономическая безопасность.

THE DIGITAL ECONOMY AND ITS IMPACT ON MODERN SOCIETY

Skandakov I.P.,

Candidate of Philosophical Sciences
(OMPO URLS of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Kidanova N.L.,

Candidate of Economic Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: technologies and innovations are developing at a tremendous pace, which contribute to increasing the efficiency of production and business processes, this is facilitated by the use of a wide range of digital platforms in the state, in education and organizations. In modern conditions of active use of digital technologies, the risks of fraud faced by citizens, legal entities, and the state are increasing. Today ensuring financial and digital security is the most important task of the megaregulator state, as well as participants in program activities to improve financial and digital literacy of the population.

Keywords: economics, digitalization, economic security.

Россия, еще не достигнувшая передовых экономических рубежей в мировой конкурентной борьбе, тем не менее должна ставить перед собой цель занятия достойного места в зарождающейся цифровой экономике.

Новые бизнес-модели развития, основанные на информационно-цифровых технологиях, позволят быстрее достичь оптимизации любой организации, решить задачу минимума, максимизировать прибыль и минимизировать затраты компании, при этом достигнув равновесия и в производстве, и в потреблении при обеспечении оптимальности в экономике в целом. Цифровая трансформация предполагает информатизацию как горизонтальных, так и вертикальных бизнес-процессов, что будет способствовать созданию новой конкурентной среды, в которой фактор времени будет играть одну из важнейших ролей.

Основными группами функций системы управления являются: принятия решений, преобразования содержания информации, функции обмена информацией, которые выражаются в создании новой информации в ходе планирования, анализа и оперативного управления.

Эта группа функций является главной, поскольку обеспечивает выработку информационных воздействий по удержанию системы в соответствующем положении или переводу системы в новое состояние. Следует отметить, что организации предпринимательского сектора не являются пока лидерами в применении информационно-коммуникационных технологий, что является негативным моментом для формирования цифровой экономики в стране. Однако можно назвать факторы, обеспечивающие возможность быстрого формирования цифровой экономики в России.

К факторам предложения экономического роста, кроме количества и качество трудовых, природных и инвестиционных ресурсов, относятся уровень

технологий, объем и качество информации. Факторы предложения обеспечивают потенциальную возможность экономического роста. Если первые три типа ресурсов главенствовали в условиях первых трех типов революций в экономике, то четвертый тип индустриальной революции, кроме первых типов ресурсов, непременно предполагает наличие эффективных технологических ресурсов, в том числе и информационных. Передовые страны уже поставили перед собой задачу формирования новой цифровой экономики, что предполагает цифровую трансформацию предприятий. Российский бизнес также должен готовиться к внедрению новых цифровых бизнес-моделей, к адаптации в новой конкурентной цифровой среде. Факторы, дающие потенциальную возможность для формирования цифровой экономики в России, существуют, однако вопрос об их эффективной реализации остается открытым, то есть факторы спроса и распределения, а также институциональные факторы являются главными «болевыми точками» в экономике России. Следует отметить, что комплексный подход с инновационной деятельности, осуществление различных видов инноваций просто необходим в динамических условиях существования экономических систем управления.

Построение цифровой экономики, цифровая трансформация на рынке, применение новых цифровых бизнес-моделей невозможно без системного подхода к инновационной деятельности организаций во всех сферах деятельности. Разнообразие окружения вызывает такой базовый ориентир, как свобода действия организации на рынке, которой способствуют маркетинговые инновации.

Вариативность окружения соответствует такому базовому ориентиру, как безопасность, достижение которой будут способствовать организационные инновации. Организационные инновации подразумевают реализацию новых бизнес-моделей, в том числе и цифровых, современных методов организации деятельности и внешних корпоративных связей, новых форм сотрудничества и разработку новых способов взаимоотношения с внешней средой.

Трансформация цифровой экономики в России способствует быстрому внедрению новых бизнес-моделей развития, основанных на информационно-цифровых технологиях. Успешность цифровой трансформации будет в большей степени зависеть от кадрового потенциала предприятия, на повестку дня выходит проблема подготовки современных кадров для цифровой экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Раимов А.А. Опыт России в области цифровизации финансового сектора // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 240–245.
2. Ханахмедова Л.В., Семенов В.В. Отдельные аспекты законодательной регламентации цифровых финансовых активов и цифровой валюты: международно-правовой опыт и отечественные реалии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 4 (103). – С. 44–50.
3. Цифровое будущее или экономика счастья?: монография / А.В. Черновалов, З. Цекановский, З. Шиманьский [и др.]. – 5-е изд., стер. – Москва: Дашков и К°, 2023. – 218 с.

4. Цифровые права в современном российском праве: правовое регулирование, ответственность: учебное пособие / Р.Х. Галиуллина, Н.Ю. Комлев, Л.К. Фазлиева, и др. – Казань: КЮИ МВД России, 2023. – 74 с.

5. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. – Москва: Норма: ИГиСП, 2023. – 376 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ

Соболева М.М.,

кандидат юридических наук;

Трифонов В.А.

(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Аннотация: в статье рассмотрены отдельные аспекты взаимодействия полиции и гражданского общества в контексте реализации прав и свобод личности. Эффективная реализация прав и свобод личности неразрывно связана с повышением имиджа сотрудников полиции и их репутации. Одновременно с этим необходима обратная связь между институтами гражданского общества и органами полиции в деле обеспечения прав и свобод личности. Повышение социально-правовой активности населения при взаимодействии с органами полиции позволит обеспечить эффективную реализацию прав и свобод личности.

Ключевые слова: полиция, гражданское общество, права и свободы.

THE REALIZATION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND THE POLICE

Soboleva M.M.,

Candidate of Law, Associate Professor;

Trifonov V.A.

(Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines certain aspects of interaction between the police and civil society in the context of the realization of individual rights and freedoms. The effective exercise of individual rights and freedoms is inextricably linked to improving the image of police officers and their reputation. At the same time, feedback is needed between civil society institutions and police authorities in ensuring individual rights and freedoms. Increasing the social and legal activity of the population in

cooperation with the police will ensure the effective implementation of individual rights and freedoms.

Keywords: police, civil society, rights and freedoms.

Одним из важнейших аспектов деятельности государственных органов выступает создание необходимых условий для эффективной реализации прав и свобод личности. В числе государственных органов, обеспечивающих права и свободы личности, особое место занимают органы правоохранительной направленности. Среди них и органы полиции, выступающие структурным звеном органов внутренних дел.

Последние годы существования правоохранительной системы нашей страны ознаменованы существенными изменениями в функциях органов правоохранительной направленности: появление института полиции в 2011 г., прекращение существования Федеральной миграционной службы, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков в 2016 г. Данные обстоятельства предопределили расширение полномочий полиции. Это не могло не сказаться на вопросах взаимодействия полицейских структур с институтами гражданского общества.

Кроме того, некоторая правовая неопределенность возникла после 1 января 2016 г. после исключения из Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» такого вида государственной службы как, «правоохранительная служба» и появление такого вида государственной службы как «государственная служба иных видов». В связи с этим стоит согласиться с мнением В.А. Козбаненко, который вполне справедливо отмечает, что вместо трехвидовой системы государственной службы появилась система государственной службы, состоящая из неопределенного числа видов государственной службы [5, с. 93, 94].

В публично-правовой юридической науке значительное внимание уделяется проблемам реализации прав и свобод личности в контексте взаимодействия органов полиции и гражданского общества [2, 7, 8, 9, 10].

Правовую основу взаимодействия полиции и гражданского общества при реализации прав и свобод личности составляет Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции» (далее – Закон о полиции). Основной закон Российской Федерации в ст. 2 содержит императив относительно защиты прав и свобод личности со стороны государства. В полной мере это относится и к государственным служащим в органах внутренних дел (сотрудникам полиции). В ст. 10 Закона о полиции закреплены правовые нормы о взаимодействии и сотрудничестве полиции с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, гражданами.

Взаимодействие полиции и гражданского общества осуществляется посредством следующих форм: совместная деятельность (проведение совместных мероприятий); обмен информацией в процессе совместных мероприятий (конференций, семинаров, форумов); общественный контроль; профилактические

мероприятия; благотворительные акции. При этом в рамках данных форм осуществляются такие действия, как: сообщение о совершенных или готовящихся противоправных деяниях гражданами в органы правоохранительной направленности (органы полиции); выступление в СМИ о фактах, содержащих признаки противоправных деяний; выявление свидетелей, потерпевших в рамках уголовных дел, административных правонарушений с помощью граждан [6, с. 58].

С появлением в нашей стране института полиции начинает формироваться партнерская модель взаимоотношений полиции и общества. Как отмечал Ю.Е. Аврутин, данная модель связана с конституционализацией правового регулирования деятельности российской полиции [1].

Партнерская модель предполагает взаимный контроль и сотрудничество между органами полиции и гражданским обществом. В этом же контексте, по словам Н.С. Нижник, следует рассматривать и ребрендинг сотрудников государственных органов правоохранительной направленности и формирование нового имиджа российского полицейского [6, с. 57].

Вместе с тем, несмотря на позитивные тенденции в сфере взаимодействия общества и органов полиции, сохраняется пассивность населения в защите своих прав. По мнению некоторых исследователей, это связано с моделью гражданственности, существующей в нашем государстве, предполагающей отсутствие у населения стремления к участию в общественной и государственной жизни страны [4, с. 99].

Реализация прав и свобод личности в большей степени осуществляется в процессе общественного контроля. К числу основных задач общественного контроля относят: вовлечение граждан в процесс оценки деятельности полиции; позитивное влияние на деятельность полиции с целью улучшения качества ее деятельности; повышение уровня доверия населения к деятельности органов полиции [3, с. 151–154].

На основе изложенного хотелось бы сделать обобщающие теоретические выводы и высказать практические рекомендации относительно механизма совершенствования взаимодействия органов полиции и институтов гражданского общества в деле реализации прав и свобод личности. Важным элементом механизма обозначенного взаимодействия выступает формирование партнерской модели взаимоотношений полиции и гражданского общества на основе конституционализации правового регулирования деятельности российской полиции. Кроме того, эффективная реализация прав и свобод личности неразрывно связана с повышением имиджа сотрудников, улучшением репутации полицейских. Одновременно с этим необходима обратная связь между институтами гражданского общества и органами полиции в деле обеспечения прав и свобод личности; повышение социально-правовой активности населения при реализации своих прав и свобод.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврутин Ю.Е. Конституционализация правового регулирования деятельности российской полиции: аксиологические и формально-юридические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (54). – С. 123–139.
2. Андрейцо С.Ю., Соболева М.М. Защита личных прав и свобод человека в рамках взаимодействия институтов гражданского общества и полиции в России // Журнал правовых и экономических исследований – 2023. – № 1. – С. 56–60.
3. Бучакова М.А., Дизер О.А. Общественный контроль за деятельностью полиции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27-28 апреля 2017 г. / под ред. Н.С. Нижник. В 2 т. Т. II. – Санкт-Петербург: СПб университет МВД России, 2017. С. 151–154.
4. Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 97–106.
5. Козбаненко В.А. Иные виды государственной службы – правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 93–94.
6. Нижник Н.С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. – 2018. – № 5. – С. 52–66.
7. Працко Г.С., Мелихов А.И., Деревягин Е.В., Никитина Г.А. Взаимодействие участкового уполномоченного полиции с институтами гражданского общества и общественными формированиями по охране общественного порядка и охране общественной безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 24–29.
8. Сергеева Ю.В. О некоторых вопросах взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества в сфере противодействия молодежному экстремизму // Административное право и процесс. – 2016. – № 9. – С. 55–60.
9. Соболева М.М., Сухарева Е.В. Направления совершенствования взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества в современной России // Закон. Право. Государство. – 2022. – № 2 (34). – С. 113–116.
10. Соколов А.Н., Сердобинцев К.С. Гражданское общество, правовое государство, органы внутренних дел (полиция): проблемы и задачи взаимодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011 – № 4 (26). – С. 15–19.

СООТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сорокопуд М.С.,

кандидат философских наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье исследуется влияние цифровизации на правовые системы и гражданские свободы, акцентируя внимание на изменении моделей взаимодействия между государством и обществом. Автор анализирует вызовы, связанные с кибербезопасностью, защитой данных и цифровым неравенством, а также рассматривает реализацию конституционных прав граждан в условиях виртуальной реальности. Сосредоточившись на новых цифровых (информационных) правах, работа предлагает оценку существующего законодательства и подзаконных актов, выявляя перспективы правового регулирования цифровых правоотношений.

Ключевые слова: виртуальная реальность, информационные и цифровые технологии, искусственный интеллект, цифровая революция, цифровые (информационные) права.

THE RELATIONSHIP BETWEEN POWER AND CIVIL LIBERTIES IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Sorokopud M.S.,

Candidate of Philosophical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the impact of digitalization on legal systems and civil liberties, focusing on changing models of interaction between the state and society. The author analyzes the challenges associated with cybersecurity, data protection and digital inequality, and also considers the implementation of constitutional rights of citizens in the context of virtual reality. Focusing on new digital (information) rights, the work offers an assessment of existing legislation and by-laws, identifying prospects for legal regulation of digital legal relations.

Keywords: virtual reality, information and digital technologies, artificial intelligence, digital revolution, digital (information) rights.

Цифровизация приводит к появлению новых форм взаимодействия между государством и гражданами, что, безусловно, требует адаптации правовых норм. Использование передовых информационных технологий (блокчейн, искусственный интеллект и большие данные) не только открывает новые горизонты, но и ставит перед правовой системой ряд сложных задач. Например, внедрение алгоритмов в правоприменения может привести к неравному отно-

шению к различным группам граждан, подрывая принцип равенства перед законом. В тоже время цифровизация значительно упрощает доступ к информации и услугам, что позитивно сказывается на взаимодействии граждан с государственными органами.

В современном правовом дискурсе важнейшим элементом «общественного договора» выступает обеспечение государством не только безопасности человека и гражданина, но и полноценной реализации их прав и свобод в условиях цифровизации. Согласно данному концепту, правовое государство обязано создать благоприятные условия для защиты и развития личности в информационной среде. Этот аспект находит свое выражение в Конституции Российской Федерации и получил дальнейшее развитие в рамках конституционной реформы 2020 года.

Поправка к Конституции Российской Федерации, отраженная в пункте «м» статьи 71, возлагает на Российскую Федерацию ответственность за «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [1]. Данная норма указывает на особое значение информационной безопасности в контексте современного цифрового общества, где права и свободы граждан приобретают новые формы и смыслы.

В последние годы все больше внимания уделяется развитию концепции «цифровых прав», которая предполагает создание правовых механизмов для защиты и реализации прав человека в цифровом пространстве. Наибольшее внимание этой проблематике уделяется в области конституционного права, где ученые и практики стремятся к выработке универсальных принципов правоприменения в условиях цифровизации. Так, председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин подчеркивает, что цифровые права человека формируются через конкретизацию общепризнанных прав в цифровом и виртуальном пространстве как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменительной практики [3].

В контексте взаимодействия государства и граждан в условиях цифровизации можно выделить несколько ключевых категорий. Во-первых, это обеспечение информационной безопасности, во-вторых, защита частных данных, и, в-третьих, создание правовых условий для реализации цифровых прав.

С развитием цифровых технологий происходит изменение форм взаимодействия государства и граждан, которые на современном этапе можно классифицировать по нескольким ключевым категориям:

- электронные услуги и госуслуги. Органы государственной власти все чаще предоставляют услуги с помощью онлайн-платформ, что значительно облегчает доступ граждан к необходимой информации и услугам. Граждане могут подать заявление, оплатить налоги, заказать справки и т.д.;

- обратная связь и участие граждан. С помощью социальных сетей и онлайн-петиций органы госвласти формируют новые каналы для обсуждения проектов и инициатив, отзывов и предложений, учитывая мнения населения при принятии решений. Например, в рамках реализации Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» [4] благоустраиваются общест-

венные территории, парки, набережные, а также реализуются проекты Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды. Жители регионов страны в формате рейтингового голосования могут выбрать наиболее понравившийся проект для благоустройства;

- открытые данные. В целях повышения доверия, прозрачности и контроля за действиями властей на правительственных сайтах публикуются различные отчеты о деятельности структурных подразделений, позволяя гражданам анализировать их работу;

- электронное голосование и референдумы. Системы электронного голосования позволяют ускорить процесс подсчета голосов и упростить голосование людям с ограниченными возможностями. По словам эксперта, исследования показали, что дистанционное электронное голосование в России способствует расширению возможностей участия различных групп населения в избирательном процессе. По данным Минцифры, в 2022 году зафиксировано увеличение явки в регионах, где применяется ДЭГ, на 3–4% [5].

Например, в России дистанционное электронное голосование (ДЭГ) впервые применялось в ходе голосования на выборах в Госдуму России в сентябре 2021 года. Такой формат голосования не предполагает наличие бумажного бюллетеня, а происходит с использованием программного обеспечения на портале vybory.gov.ru (для жителей Москвы – на портале mos.ru);

- платформы для участия в законодательном процессе. Начиная с 1990-х годов прошлого века обязательным атрибутом государственного управления демократических стран мира стало общественное участие. Активное развитие цифровизации привело к созданию новых, электронных форм общественного участия. Использование электронных платформ и мобильных приложений помогло расширить возможности для участия граждан в государственном управлении. На сегодняшний день только в России существует более 40 различных электронных платформ общественного участия на разных уровнях государственного управления;

- программы повышения правовой грамотности населения. Высокий уровень правовой культуры населения способствует развитию цивилизованного государства. Вследствие этого одной из главных задач правительства является пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств;

- мониторинг и контроль со стороны граждан. С появлением мобильных приложений и платформ у граждан появилось больше возможностей эффективнее контролировать деятельность государственных органов.

Современные формы взаимодействия государства и граждан в условиях цифровизации подчеркивают критическую важность участия граждан в управлении и контроле за действиями государства, а также создает предпосылки для развития демократического общества, где информационная среда становится важным элементом гражданских прав и свобод. Однако ключевым вызовом ос-

тается поиск гармоничного соотношения между обеспечением контроля за соблюдением закона и защитой прав человека в цифровом обществе.

Интересным явлением стало введение в юридический оборот категории «цифровые права», которое оказалось неожиданным не только с точки зрения содержания, но и в плане различий с концепциями, разработанными конституционно-правовой наукой. Основной вопрос, вызывающий широкую дискуссию, касается того, каким образом называть и классифицировать группу прав, возникающих вследствие цифровизации. Эти права конкретизируют уже существующие права и свободы человека и гражданина в информационном, цифровом и виртуальном пространствах. Предстоящие дискуссии обещают выйти за пределы терминологических оборотов и охватить концептуальные и общетеоретические аспекты прав человека в цифровую эпоху.

В российском законодательстве, в отличие от научных обсуждений, законодатели чаще склоняются к использованию термина «информационные права», что отражает определенную осторожность в закреплении новой правовой категории. Тем не менее отсутствие четкого и всеобъемлющего перечня цифровых прав свидетельствует о сложности систематизации этих новых правовых реалий. Формирование такого перечня представляет собой сложную задачу, учитывая динамичное развитие технологий и изменений в правоприменительной практике.

Одним из главных аспектов цифровых прав, возникших в результате глобальной цифровой революции, является право на использование различных электронных устройств и средств связи, включая интернет-технологии. На текущий момент данные права остаются преимущественно в стадии теоретической разработки и не закреплены в российском законодательстве, что порождает значительные правовые риски. Уже сейчас можно выделить широкий круг субъектов, которые могут нарушить эти права – начиная от производителей и продавцов цифровых устройств, заканчивая государственными структурами и злоумышленниками.

Кроме того, важным аспектом цифровых прав является право на неприкосновенность частной информационной среды, которая подвержена угрозам в виде распространения нежелательной рекламы, спама, вирусных атак и других цифровых нарушений. Этот вопрос требует разработки эффективных правовых механизмов защиты и профилактики, особенно в условиях нарастающей зависимости общества от информационных технологий. Таким образом, защита цифровых прав представляет собой не только техническую, но и глубоко правовую проблему, которая должна быть решена через интеграцию универсальных прав человека в цифровое пространство.

Современное развитие цифровых технологий актуализировало проблему защиты цифровых интеллектуальных прав, особенно в контексте нарушений авторских прав в сети Интернет. Указанная проблема затрагивает как традиционные объекты авторского права произведения науки, литературы и искусства независимо от их достоинств и формы выражения, так и программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации. Нарушения авторских прав в циф-

ровой среде становятся одной из важнейших проблем, требующей системного подхода и активного правового регулирования.

Не менее важным аспектом в условиях цифровизации становится право на создание и публикацию цифровой информации, а также доступ к ней. Использование новейших технологий значительно расширяет возможности реализации данного права, обогащая его новыми формами обеспечения. В этом контексте право на информацию приобретает особую актуальность, поскольку доступ к ней становится основополагающим фактором развития цифрового общества.

Одной из главных проблем, возникающих в условиях цифровизации, является проблема соотношения «виртуального» и «реального» в праве. Значительная часть жизни современного общества протекает в виртуальной среде, что ставит под сомнение традиционные представления о собственности, труде и заработке. Положения Конституции Российской Федерации требуют переосмысления в свете новых реалий, в которых виртуальное имущество и виртуальных заработков становятся значимыми элементами экономической и социальной жизни. Например, регулирование виртуального имущества в контексте виртуальных игр, в которых пользователи вкладывают значительные ресурсы в развитие своих виртуальных аккаунтов. Аккаунты могут рассматриваться как форма виртуальной собственности, которая, несмотря на свою нематериальную природу, обладает реальной экономической ценностью. С ростом числа людей, зарабатывающих в виртуальном мире, указанная сфера требует правового регулирования в случае ситуаций, в которых они могут лишиться своих виртуальных активов вследствие внезапного исчезновения онлайн-игры или платформы.

Одной из актуальных задач современной науки является разработка концепций, связанных с возможностью наделения искусственного интеллекта (далее – ИИ) и робототехники элементами правосубъектности. Вопрос о том, может ли ИИ выступать субъектом права, пока остается на уровне теоретических дискуссий, однако уже сейчас очевидно, что в правовой сфере появляются отношения, в которых роботы, если не полноценные субъекты, то, по крайней мере, участники таких отношений. Как отмечают исследователи, «в сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то, как минимум, участником становится новая цифровая личность – робот» [6, 8], что подчеркивает необходимость разработки правовых механизмов, регулирующих участие ИИ в правоотношениях.

Первостепенной задачей на данном этапе является выработка концептуальных подходов, которые лягут в основу будущего федерального закона о робототехнике и связанных с ним изменений в отраслевом законодательстве.

Вопрос о правовом статусе ИИ может затронуть фундаментальные положения общей теории права, касающейся правоотношений, правоспособности и дееспособности субъектов и объектов, юридических фактов и их классификации. Пересмотр этих категорий в контексте цифровизации и автоматизации становится неизбежным, особенно учитывая растущую роль ИИ и роботов в социальной и экономической жизни. Например, необходимо будет определить, каким образом ИИ будет нести ответственность за свои действия и каковы будут последствия для их разработчиков и пользователей.

Не менее актуальными остаются вопросы кибербезопасности. В условиях растущей цифровизации общества и экономики защита информационных систем от киберугроз становится приоритетной задачей государства. Принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» стало важным шагом в обеспечении устойчивого функционирования различных информационно-управленческих систем. Закон вступил в силу с января 2018 года и направлен на решение задач по предотвращению компьютерных атак на критическую инфраструктуру страны.

Однако реализация данного закона требует решения сложных организационно-технических и правовых вопросов, которые касаются как создания технических механизмов защиты, так и разработки правовых норм, регламентирующих ответственность за нарушения. Существенное значение имеет защита баз данных объектов собственности, банков, налоговых служб, пенсионных фондов и других структур, уязвимых для утечек личной информации. Усиление защиты этих систем представляется не только юридической необходимостью, но и важной задачей для предотвращения рисков, связанных с утечкой личных данных, что становится особенно актуальным в условиях увеличения числа киберпреступлений.

Правовое регулирование вопросов, связанных с ИИ и кибербезопасностью, требует системного подхода и тесного взаимодействия между разработчиками технологий, законодателями и правоприменителями. Важно не только разработать адекватные нормы, регулирующие новые цифровые отношения, но и адаптировать существующее законодательство к меняющимся условиям, что станет основой для устойчивого правового регулирования в цифровую эпоху.

Завершая мысль, отметим, что цифровизация открывает возможности для улучшения обеспечения гражданских свобод, обеспечивая большую прозрачность действий властей, но при этом она служит инструментом мониторинга и контроля, что создает риски для личной свободы.

Стремительное развитие цифровых технологий требует гибкости и стремительной адаптации от правовой системы государства. Существующее законодательство зачастую не «успевает» реагировать на поступающие вызовы современности, и правовая адаптация становится необходимой. Ужесточение мер безопасности в ответ на угрозы киберпреступности может привести к чрезмерной регуляции, что ставит под сомнение защиту прав граждан.

В этом случае технологические решения могут значительно улучшить ситуацию. Использование платформ анонимного сообщения о нарушениях и мониторинга соблюдения прав человека будет способствовать более эффективному контролю.

Перед внедрением новых мер контроля необходимо проводить анализ их потенциального влияния на права человека, что позволит избежать нежелательных последствий и учесть интересы всех сторон. Регулярные диалоги и консультации между государственными органами и гражданским обществом могут помочь выработке совместных решений, учитывающих интересы безопасности и прав человека.

Такой подход позволит создать гармоничное взаимодействие между необходимостью контроля и защиты, обеспечивая устойчивость демократических институтов в условиях современных вызовов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. 04.10.2022 № 8-ФКЗ (послед. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.06.2024).
3. Право в цифровом мире. Выступление Валерия Зорькина на ПМЮФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> (дата обращения: 25.09.2024).
4. Национальный проект «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <https://31.gorodsreda.ru/documents> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Независимый общественный мониторинг «электронное голосование увеличивает явку избирателей» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <https://nom24.ru/info/events/> (дата обращения: 25.09.2024).
6. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 39–45.
7. Колесников Е.В. Развитие информационных прав граждан в Российской Федерации и Республике Казахстан: конституционный аспект // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 13–16.
8. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Таранова А.Е.,

кандидат социологических наук, доцент;

Агарков А.Ф.,

кандидат исторических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в статье обосновывается необходимость развития постнеклассической философско-правовой методологии через призму анализа исторической роли философии права для юридико-научного познания права. Обращено внимание на значение философии права для преодоления современной юридической наукой узко-позитивистского понимания права. В качестве одной из перспективных для возвращения философией права своего фундаментального методологического статуса в системе познания права рассматривается конструктивистская парадигма.

Ключевые слова: философия права, классика, постклассика, естественное право, позитивизм, междисциплинарность, конструктивизм.

CONSTRUCTIVIST PARADIGM IN PHILOSOPHY OF LAW

Taranova A.E.,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;

Agarkov A.F.,

Candidate of Historical Sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article substantiates the need for the development of post-nonclassical philosophical and legal methodology through the prism of the analysis of the historical role of the philosophy of law for the legal and scientific knowledge of law. Attention is drawn to the importance of the philosophy of law for overcoming the narrowly positivist understanding of law by modern legal science. The constructivist paradigm is considered as one of the promising ones for the return of the philosophy of law to its fundamental methodological status in the system of cognition of law.

Keywords: philosophy of law, classics, postclassics, natural law, positivism, interdisciplinarity, constructivism.

Изменение методологической парадигмы теоретического юридического мышления обуславливает изменение юридической практики. В свете этого определение методологических оснований современной философии права является проблемой, вектор разрешения которой сопряжен с онтологией права. В условиях постклассического типа научной рациональности социальность опреде-

ляется способами ее описания и представления, выступает как «конструкция», являющаяся продуктом коммуникации, происходящей в определенном контексте. Бытие «правового» также предполагает сконструированность, контекстуальность, конвенциональность, воспроизводимость через деятельность человека и общества. Такой «выход» на социальную, в частности правовую проблематику, обеспечивает конструктивистский подход, который представляет собой постклассическое междисциплинарное эпистемологическое направление. Конструктивистская парадигма социально-гуманитарного познания реализуется одновременно как онтология и методология (образ и понятие). В ней реальность (социальность) рассматривается как определяемая формирующими ее инструментами, способами описания, смыслами и ценностями.

Конструктивизм является сложной, синтетической методологией, в которой в качестве инструментов формирования социальной, в частности правовой, реальности представлены как позитивистские и феноменологические, так и культурно-антропологические и коммуникативно-лингвистические методологии. Его центральной проблемой является критика (от умеренной до радикальной) классических подходов, объективирующих социальность во всех ее проявлениях. Реальность (правовая реальность) – мир знаков, символов, значений, обладающий только видимостью объективной фактичности и кажущийся существующим независимо от исследователя (шире – субъекта). Она оказывается продуктом интерпретации – доктринальной и обыденной. Преодоление классического объективизма, универсализма, догматичности при понимании «правового» является задачей и юридической науки, что потребовало от нее переопределения предметности и нового методологического выбора.

В подобной ситуации юриспруденция за историю своего развития оказалась не в первый раз. Вплоть до рубежа XVIII–XIX веков теоретическое познание права и государства было тесно связано с философией – до Нового времени с религиозной философией и философией морали, с XVII века с классической философией права (философией естественного права). В XIX веке в условиях становления нового типа общества, глубоких социальных потрясений была осознана необходимость серьезных перемен в теоретическом познании права. Это выразилось в интенсивном развитии юридико-научного познания государства и права на основе позитивизма, ставшего в тот период концепцией философии науки. Формирующийся юридический позитивизм пытался вывести государственно-правовую теорию из «тупика», обусловленного умозрительностью и абстрактностью естественно-правовой парадигмы (философии естественного права), утверждая идею того, что юридическая наука самодостаточна и не нуждается в философском осмыслении (юридическая наука – сама себе философия). Эта установка углубляла не только «конфликт» естественно-правового и легистского типов правопонимания, но и «прерывала» связь правовой теории как части юридической науки с философией права.

В условиях постклассики наука уже не занимает того «привилегированного» положения, которое приписывалось ей английскими и французскими просветителями – преимущественно сенсуалистами и представителями классического позитивизма, – а также сциентическими концепциями науки XX века.

Большое влияние на этот процесс оказал «антропологический поворот», формируя принцип человекоцентризма как основу социально-практической и философско-методологической программ. Главное гносеологическое соотношение с субъект-объектного в социально-гуманитарном знании (в частности, юридической науке) сместилось на субъект-субъектное, включившее в себя субъект-объектное, а также обусловившее понимание некоторых срезов объективной реальности как «субъективно-объективных» (например, государственно-правовая реальность). Отсюда следует установка на перепонимание значимости междисциплинарно-интегративных областей знания для частных социально-гуманитарных наук, ищущих методологические ответы на вызовы постнеклассики. Недостаточность узко-позитивистского понимания права, сложившегося в юридической науке, обусловила ее обращение при переходе к неклассическому типу в XX веке к социологии. Социологический поворот юридико-научного правопонимания призван был уменьшить отрыв позитивистской методологии от социальной действительности. Этот «отрыв» проявлялся в постоянно увеличивающемся водоразделе между «реальным правом» и позитивистскими правовыми категориями, его пытался преодолеть с неопозитивистских позиций Г. Кельзен в своем нормативизме. Французский правовед Ж. Леклерк обозначил указанный процесс понятием «юридизм». Опора правовой теории на социально-научную парадигму, которая позволила реализовать ряд гносеологических задач на пути «размифологизации» учений о праве, но оказалась недостаточной.

На рубеже XX и XXI вв. проблемы в теории права показали на необходимость развития философии права и государства на основе концепций человека [3]. Право по своей сути «не математика, в которой можно абстрагироваться от конкретной реальности ... всякая правовая теория или философия права в основе своей содержит концепцию человека как творца, как субъекта права и как его объекта, не говоря уже о том, что право есть полное отражение самой природы человека как существа общественного и политического» [2, с. 19].

Вместе с тем вопрос взаимосвязи философии права и теории права является сегодня крупной методологической проблемой, которая усложняется неопределенностью дисциплинарного статуса самой философии права. Установка на включение ее в структуру юридического знания сохраняется в среде отечественных правоведов. Однозначно она была высказана и западными неопозитивистами. Так, по мнению И.Л. Честнова, «достаточно спорной представляется точка зрения на предмет философии права и ее взаимоотношение с юриспруденцией» [1, с. 203]. Если В.П. Малахов считает, что «философия права является органической частью юриспруденции как учения о праве», то И.Л. Честнов уточняет, что «философия права – это «верхний» уровень юриспруденции, призванный способствовать онтологическому и гносеологическому обоснованию права» [1, с. 209].

С иных позиций подходит к разрешению данного вопроса В.С. Нерсисянц. По его мнению, «философия права является междисциплинарной наукой, объединяющей начала юридической науки и философии. ... Однако вызывает возражение, во-первых, отнесение философии права в разряд нау-

ки, во-вторых, жесткое различие проблематики философии права с точки зрения собственно философии и юриспруденции» [1, с. 201–202].

Своеобразный спор о предметности и дисциплинарном статусе философии права имеет исторический характер. Его начало берется с периода (последняя треть XVIII в.), когда юриспруденция перехватывала ведущую роль в познании права и брала в свои руки инициативу по созданию установок для философии права. С особой наглядностью это проявилось в творчестве Г. Гуго, который объявил философию права структурным уровнем юриспруденции. Установке, сформулированной Г. Гуго, противопоставляется видение Г. Гегеля. Согласно пониманию Г. Гегеля, подлинное познание права может реализоваться только в философии, поэтому философия права является частью философского знания. Однако необходимо учитывать, что Г. Гуго рассуждал о философии права в контексте создания условий для рационализации юридического познания права, именуя ее философией позитивного права. Г. Гегель же интерпретировал философию естественного права, критикуя прежние установки естественно-правовых учений и позитивное право.

Попытки разработать философию права, игнорируя конкретно-исторические философские концепции, выливались в философствование без философии, так как рассуждение о праве требует инструментария, который определяется методологией и концептом, вырастающими на основе той или иной философско-правовой парадигмы. Представители различных областей современного отечественного социально-гуманитарного знания по-разному выстраивают отношение с философией, но их объединяет в этом процессе «необходимость модернизации тех элементов и областей знания, которые были связаны с философией. ... Но именно этого не происходит ... в области юридических наук. Философия права неожиданно исчезает из номенклатуры научных специальностей, количество публикаций в данной научной области хотя и не равно нулю, но все же является крайне незначительным. И все это в то время, когда в мировой научной литературе философско-правовая тематика стремительно расширяется, качественно изменяются проблематика, методологический арсенал, исследовательские стратегии» [3, с. 5].

В свете этого философия права должна вернуть статус фундаментальной дисциплины и обосновать свое положение как междисциплинарно-интегративная область исследований жизни человека и общества, дающая мировоззренческие и методологические основания юридической науке, в частности теории права. Главной «методолого-онтологической» задачей философии права в условиях постклассики становится не просто очередная смена подхода к пониманию природы права, его предельных оснований или преодоление границ ранее доминирующей парадигмы (например, марксизма и позитивизма), как это уже было в истории отечественного и западного социально-гуманитарного знания. Речь идет о формировании новой парадигмы, ломающей не только классические, но уже и неклассические методологические принципы.

Если борьба с классикой проявлялась через преодоление монизма (естественно-научных и естественно-правовых установок, позитивизма, марксизма) посредством плюрализации методологии познания права, то переход к постне-

классике мыслится как установление «методологического синтеза» методологий познания права, проницаемости границ частных теорий и методов познания права, взаимодействие между которыми может превосходить границы междисциплинарности, являющейся принципом неклассики. Это обусловлено тем, что «Появление коммуникативной теории общества, теории социального аутопоэзиса, междисциплинарной и трансдисциплинарной парадигм привело к внедрению сетевой, дискурсивно-аналитической и интерпретативно-критической моделей организации знания. Вот почему впервые за последние столетия появляется возможность исследовать право как социальный феномен ...» [3, с. 16]. Постнеклассические эпистемологические установки должны способствовать методологическому и мировоззренческому обогащению и развитию междисциплинарно-интегративных исследований (например, юридической антропологии, включающей антропологию права и антропологию государства) не только на метауровне юридического знания, но и преодолению догматичности отраслевых и прикладных юридических наук⁴. Отсюда следует установка на переориентацию понимания предметности юридической науки и философии права с учетом «человеческого измерения», а также социально-культурного и исторического контекста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, И.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Чернооков, И.Л. Честнов / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014. – 564 с.
2. Поздняков А.Э. Философия государства и права. – 2 изд., испр. и доп. – Москва: Весь Мир, 2016. – 344 с.
3. Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах: монография / под ред. Л.А. Деминой. – Москва: Норма: Инфра-М, 2016. – 224 с.

⁴ Ряд исследователей обращают внимание на догматичность юридических наук, относящихся к разному уровню юридико-научного знания (В.А. Варламова отмечает, что большая часть учебной литературы по теории государства и права носит легистско-догматический характер; А.В. Кашанин, Ю.А. Тихомиров указывают на преобладание в отечественной теории права позитивистско-догматического понятия права; В.А. Четвернин указывает на необходимость глобального пересмотра старой легистско-потестарной догматики, определяющей в отечественном правоведении содержание всех ключевых понятий; А.Э. Жалинский указывает на «догматическую» консервацию уголовно-правовой науки и т.д.).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРОВ О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тишкова Д.С.,

адъюнкт

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: в настоящее время мировое сообщество все чаще сталкивается с возникновением на какой-либо территории различного рода конфликтов. Нарастание угрозы того, что малейшее волнение среди населения любого государства может стремительно перерасти в вооруженный конфликт и подвергнуть риску мир и безопасность, подталкивает лидеров держав к применению различных инструментов для их предотвращения, одним из наиболее распространенных и эффективных среди которых является миротворческая деятельность. Уже более 75 лет международные межправительственные организации прибегают к развертыванию миротворческих миссий на территориях, где есть необходимость превенции или разрешения конфликта, либо же восстановления прежнего состояния государства в постконфликтный период. Преимуществом миротворчества в таком случае является строгое соблюдение его принципов, к которым относят согласие сторон, беспристрастность и неприменение силы. Базовым инструментом регионального миротворчества является положение Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 1945 г., предусматривающее возможность использования региональных организаций, их органов и соглашений для поддержания мира и безопасности.

Ключевые слова: миротворчество, миротворческие операции, международная безопасность, межгосударственные конфликты, миротворческие миссии.

THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF REGIONAL PEACEKEEPING WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANISATION

Tishkova D.S.,

Adjunct

(Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Abstract: at present the world community is increasingly confronted with the emergence of conflicts of various kinds in a given territory. The growing threat that the slightest unrest among the population of any State could rapidly escalate into armed conflict and put peace and security at risk has prompted the leaders of the Powers to use various instruments to prevent them, one of the most common and effective of which is peacekeeping. For more than 75 years, international intergovernmental organisations have resorted to deploying peacekeeping missions in territories where there is a need to prevent or resolve conflict or to restore a State to its former

state in the post-conflict period. Peacekeeping has the advantage of strict adherence to its principles, which include the consent of the parties, impartiality and the non-use of force. The basic instrument of regional peacekeeping is the provision of the United Nations Charter of 1945, which provides for the possibility of using regional organisations, their bodies and agreements to maintain peace and security.

Keywords: peacekeeping, peacekeeping operations, international security, interstate conflicts, peacekeeping missions.

Распад Советского Союза, произошедший в 1991 году, стал причиной возникновения в бывших союзных республиках проблем внутривнутриполитического и социально-экономического характера, но более серьезную трудность составляла неспособность государств обеспечивать собственную национальную безопасность в одностороннем порядке.

Для преодоления возникших трудностей в рамках Содружества Независимых Государств лидеры ряда государств-участников подписали 15 мая 1992 года Договор о коллективной безопасности. Он является точкой отсчета существования Организация Договоров о коллективной безопасности (далее – ОДКБ). Основы миротворческой деятельности, хоть и не напрямую, но все же были заложены именно в нем. Так, например, статья 2 Договора устанавливает, что при «возникновении угрозы безопасности для одного или нескольких государств, участники могут незамедлительно привести в действие механизмы защиты, такие как механизм совместных консультаций, выработку и принятие мер по оказанию помощи». Решение об использовании коллективных сил принимается главами стран-участниц, либо главами правительств стран-участниц Организации, что устанавливается статьей 6 Договора [6, с. 44].

Устав ОДКБ 2002 года. Принятый 7 октября 2002 года Устав Организации Договора о коллективной безопасности является еще одним из основополагающих нормативно-правовых актов ОДКБ. Он свидетельствует о том, что государства-участники данной организации договорились о неприменении угроз, силы и ядерного оружия в отношении друг друга, о мирном урегулировании любых возникающих противоречий и о невступлении в военные союзы [9, с. 32].

Статья 3 Устава устанавливает цели организации, к которым относят укрепление мира, международную и региональную безопасность, коллективную защиту целостности и суверенитета государств-участников Организации. Для достижения перечисленных целей члены ОДКБ участвуют в формировании действенной системы коллективной безопасности для реализации права на коллективную оборону, в том числе путем создания коалиционных сил Организации, региональных группировок войск, миротворческих сил, объединенных систем и органов управления ими.

Соглашение о миротворческой деятельности 2007 года. Для реализации целей, установленных Уставом ОДКБ и направленных на поддержание международного мира и безопасности, 6 октября 2007 года было подписано Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ, которое определяет основные понятия, связанные с миротворчеством под эгидой ОДКБ, раскрывает органи-

зационную составляющую миротворческих операций. Данное соглашение предусматривает, что государства-участники ОДКБ во исполнение целей Устава вправе создавать на постоянной основе Миротворческие силы, состоящие из миротворческих контингентов, формирующихся государствами – участниками Организации в соответствии с законодательством государств-членов [8, с. 28].

Меморандум по миротворческой деятельности 2012 года. 28 сентября 2012 года «на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Департаментом операций по поддержанию мира ООН (далее – Меморандум)» [7, с. 37]. Глава Организации Договора о коллективной безопасности и заместитель Генерального секретаря ООН по миротворческим операциям подписали документ, который касается объединения усилий ООН и ОДКБ по предотвращению конфликтов.

Документ отражает основные принципы и направления сотрудничества Организаций при осуществлении миротворческой деятельности. Несмотря на то что Меморандум оставляет центральную роль в урегулировании конфликтов за ООН, не менее важное место в механизме обеспечения международной безопасности отдается именно региональным организациям, что обусловлено возможностью их более быстрого реагирования на вызовы. Важным моментом Меморандума является подтверждение приверженности основополагающим принципам миротворческой деятельности, включая согласие сторон, беспристрастность миротворческих операций и четкое регулирование случаев применения силы.

Меморандумом предусмотрены: проведение постоянных консультаций, обмен информацией, организация совместных мероприятий по вопросам миротворческой деятельности и, несомненно, проведение совместных миротворческих операций.

Двусторонние соглашения государств-членов ОДКБ как основа обеспечения мира и безопасности. Двусторонние соглашения позволяют повышать уровень военно-стратегической интеграции в целях обеспечения региональной безопасности с учетом широкой географии зоны ответственности ОДКБ. По мнению М.В. Андреева, это позволяет создавать «специализированные коалиционные группировки, способные функционировать в Центральной и Восточной Азии или Восточно-Европейском регионе», что существенно повышает потенциал Организации в оперативном реагировании [7, с. 83].

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 1995 года был заключен в целях подтверждения намерений сотрудничать, укреплять правовую базу для взаимной помощи. Важным при рассмотрении темы являются положения статьи 2 Договора, полностью посвященные вопросам сохранения и укрепления мира и безопасности. В рамках данного Договора страны подтверждают свои намерения усиливать миротворческую роль ООН и содействовать урегулированию межгосударственных и иных конфликтов, которые могут затронуть интересы договаривающихся стран.

Таким образом, можно отметить, что проведение миротворческих операций под эгидой ОДКБ имеет в своей правовой основе разноуровневые нормативные правовые акты как акты Организации, охватывающие все государства-участники, так и акты, заключенные отдельными участниками объединения. Все это позволяет проводить эффективную миротворческую деятельность для достижения важнейшей цели ОДКБ, а именно обеспечения и поддержания мира и безопасности на всей территории Организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев М.В. Политико-правовая институциональная система всеобъемлющей и региональной безопасности: монография. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 456 с.
2. Бокерия С.А. Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности (на примере ООН, ОДКБ и ШОС) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – № 1. – С. 21–38.
3. Пунтус С.А. От договора о Коллективной безопасности к Организации Договора о Коллективной Безопасности: история становления международной организации // Основные тенденции развития российского законодательства. – 2013. – № 8. – С. 32–36.
4. Малиновский О.Н. Проблемы развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 8. – С. 17–21.
5. Малышев Д.В. Миротворчество в СНГ и мировой опыт // Свободная мысль. – 2021. – № 5. – С. 105–118.
6. Договор о коллективной безопасности 1992 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. – URL: <https://odkb-csto.org/documents/> (дата обращения: 07.10.2024).
7. ОДКБ и ООН подписали Меморандум по миротворческой деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. – URL: <https://odkb-csto.org/news/> (дата обращения: 07.10.2024).
8. Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. – URL: <https://odkbcsto.org/documents/> (дата обращения: 07.10.2024).
9. Устав ОДКБ 2002 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОДКБ. – URL: <https://odkb-csto.org/documents/> (дата обращения: 07.10.2024).

РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Трошкина Д.Э.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: статья посвящена роли духовно-нравственных ценностей в формировании высоконравственной личности. Автором отмечается, что духовно-нравственное развитие личности представляет собой сложный, многоплановый процесс, ключевая роль в котором принадлежит системе образования. Тесное взаимодействие сферы образования и Православной Церкви, а также развитие национальных проектов будут способствовать воспитанию гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, духовные ценности, нравственные ценности, образование, национальные проекты.

THE ROLE OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN PERSONALITY FORMATION

Troshkina D.E.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article is devoted to the role of spiritual and moral values in the formation of a highly moral personality. The author notes that the spiritual and moral development of a person is a complex, multifaceted process in which the education system plays a key role. Close cooperation between the education sector and the Orthodox Church, as well as the development of national projects, will contribute to the upbringing of a harmoniously developed, patriotic and socially responsible personality based on traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values.

Keywords: spiritual and moral values, spiritual values, moral values, education, national projects.

В условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса распространяется чуждая российскому народу деструктивная идеология, которая влечет за собой формирование общества, пренебрегающего духовно-нравственными ценностями. Поэтому приоритетным направлением российского государства является формирование высоконравственной личности, воспитанной в духе уважения к традиционным ценностям, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Отечества.

Духовно-нравственные ценности являются важной составляющей в формировании личности. Как отмечает доктор социологических наук Т.Н. Бояк: «Значимость человеческого ресурса в развитии общества определяет необходимость уделять особое внимание проблеме формирования духовно-нравственных ценностей личности со стороны государства, общественности, институтов, науки и агентов социализации» [1, с. 43].

Обращаясь к определению понятий духовные и нравственные ценности, стоит отметить, что указанные понятия не являются тождественными, но взаимосвязаны. Духовные ценности представляют собой «совокупность нравственных понятий и принципов, составляющих нематериальные ориентиры развития личности, определяющих поведение человека, его смысл жизни, имеющих специфику обоснования в религиозной и светской традиции» [2].

Содержание нравственных ценностей определяют как «жизнь и достоинство человека, его нравственные качества, нравственные характеристики поступков, деятельности и отношений; содержание различных форм морального сознания: норм, принципов, идеалов, этических понятий (добра, зла, справедливости, счастья); нравственные характеристики деятельности общественных институтов, группы лиц, коллективов, классов и других общественных движений и организаций, которые воздействуют на социальную жизнь, затрагивают интересы людей, укрепляют или подрывают устои существующего общества, способствуют или препятствуют общественному прогрессу» [3, с. 608–609]. С помощью понятия «нравственные ценности» характеризуется значение для общества и человека социально-культурных явлений, деятельно-заинтересованное отношение человека к миру и к самому себе, а также реализация актуальных нравственных потребностей в жизни [1, с. 43].

По мнению профессора Е.В. Сафроновой, «нравственность есть качество, внешне проявляющееся в поведении человека; духовность – качество внутреннее, определяющее духовную ценность нравственного поведения. Оба качества необходимы для духовного становления личности. Духовность определяет цель и смыслы, а нравственность – правила поведения» [2].

Идея духовно-нравственных ценностей последовательно пронизывает официальные документы, направленные на обеспечение национальной безопасности страны. Согласно п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [4].

Духовно-нравственное развитие личности – сложный, многоплановый процесс последовательного расширения и укрепления ценностно-смысловой сферы личности, формирования способности человека сознательно выстраивать отношение к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом на основе общепринятых моральных норм и нравственных идеалов. Он неотделим от

жизни человека во всей ее полноте и противоречивости, от семьи, общества, культуры, человечества в целом.

По мнению А.Я. Данилюк, А.М. Кондакова, В.А. Тишкова «духовно-нравственное развитие личности осуществляется в педагогически организованном процессе осознанного принятия школьником ценностей: семейной жизни; культурно-регионального сообщества; культуры своего народа, компонентом которой может быть система ценностей одной из традиционных российских религий; российской гражданской нации; мирового сообщества» [5, с. 43]. Нельзя не согласиться с мнением авторов, так как ключевая роль в воспитании и нравственном формировании личности принадлежит, несомненно, образованию.

Согласно ст. 87 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024): «В целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины (модули)» [6].

В настоящее время обучающиеся по программе основного общего образования получают знания о существенных взаимосвязях между материальной и духовной культурой, обусловленности культурных реалий современного общества его духовно-нравственным обликом, изучают основные компоненты культуры, ее специфические инструменты самопрезентации, исторические и современные особенности духовно-нравственного развития народов России в рамках учебного курса «Основы духовно-нравственной культуры народов России» [7]. Главным результатом обучения по вышеназванному курсу является духовно-нравственное развитие обучающихся в духе общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Благодаря тесному взаимодействию Министерства просвещения Российской Федерации и Русской Православной Церкви была разработана и подготовлена программа по изучению предмета «Духовно-нравственная культура России», который будет изучаться обучающимися 5–7 классов с 1 сентября 2026 года [8].

В России активно разрабатываются национальные проекты, которые выступают в качестве инструмента по достижению целей национального развития, имеющих приоритетное значение на определенном этапе развития государства и требующих для достижения значительных ресурсов, предполагающих четко обозначенный конечный результат. В настоящее время одной из приоритетной национальной цели государства является «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» [9].

К факторам и инструментам, влияющим на достижение указанной национальной цели, относятся:

1. Создание и распространение контента, продвигающего традиционные духовно-нравственные ценности в детской и молодежной среде через поддержку производителей указанного контента, проведение просветительских мероприятий, поддержка национального кинопроизводства.

2. Создание условий для участия детей и молодежи в патриотических проектах и программах через реализацию всероссийских патриотических проектов и акций, вовлечение детей и молодежи в деятельность «Движение Первых» и программы общественно-полезного туризма.

3. Повышение гражданской активности детей и молодежи путем создания условий для участия в добровольческой и общественной деятельности через поддержку всероссийских добровольческих и общественных объединений, развитие инфраструктуры добровольчества, включая «Добро.Центры» и платформу «Добро.РФ», а также поддержку лучших добровольческих практик в субъектах Российской Федерации в рамках конкурса «Регион добрых дел».

4. Создание условий для самореализации молодежи через формирование системы выявления талантов посредством развития кадровых и социальных лифтов, поддержки молодежных инициатив и проведение мероприятий по различным направлениям профессиональной подготовки на базе круглогодичных молодежных образовательных центров.

5. Повышение доступности дополнительного образования, в том числе развитие инфраструктуры для выявления, поддержки и развития талантов.

Результатом достижения данной национальной цели должно стать создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

Таким образом, духовное-нравственное развитие личности является одним из ключевых факторов развития государства, общества и человека. Темпы и характер развития общества непосредственным образом зависят от гражданской позиции человека, его мотивационно-потребностной сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Воспитание человека, укрепление его интереса к жизни, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бояк Т.Н. Содержание понятия «Духовно-нравственные ценности» // Вестник БГУ. – 2015. – № 14. – С. 42–45.

2. Сафронова Е.В. Духовные ценности [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/dukhovnye-tsennosti-321004> (дата обращения: 28.01.2025).

3. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. – Москва: Норма-Инфра-М, 1999. – 672 с.

4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 28.01.2025).

5. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Социальная педагогика. – 2010. – № 2. – С. 39–46.

6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 28.01.2025).

7. Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 № 370 (ред. от 19.03.2024) «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 28.01.2025).

8. Сергей Кравцов: «С 1 сентября 2026 года в школах начнут изучать предмет «Духовно-нравственная культура России» [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/> (дата обращения: 28.01.2025).

9. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденный Правительством Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru> (дата обращения: 28.01.2025).

КАНТ И ГЕГЕЛЬ – ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Тумин А.Ю.,

кандидат юридических наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: данная статья посвящена сравнительному анализу понимания идеи служения Отечеству в философских системах Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Несмотря на то что оба мыслителя признавали важность патриотизма и гражданского долга, их подходы к этой проблеме существенно различались. В то время как Кант, опираясь на принципы этического универсализма, трактовал служение Отечеству преимущественно как исполнение гражданином своего долга перед государством, основанного на разуме и идее всеобщего правового закона, Гегель рассматривал его в контексте диалектического развития абсолютного духа. В его системе патриотизм приобретает онтологическое измерение и становится необходимым этапом самопознания народного духа и становления этического государства.

Ключевые слова: долг, закон, идея, моральное обязательство, служение Отечеству.

KANT AND HEGEL – THE MAIN DIFFERENCES IN UNDERSTANDING THE IDEA OF SERVICE TO THE FATHERLAND

Tumin A.Y.,

Candidate of Law

(Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article is devoted to a comparative analysis of the understanding of the idea of serving the Fatherland in the philosophical systems of Immanuel Kant and Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Despite the fact that both thinkers recognized the importance of patriotism and civic duty, their approaches to this problem differed significantly. While Kant, relying on the principles of ethical universalism, interpreted service to the Fatherland primarily as the fulfillment by a citizen of his duty to the state, based on reason and the idea of universal legal law, Hegel considered it in the context of the dialectical development of the absolute spirit. In his system, patriotism acquires an ontological dimension and becomes a necessary stage of self-knowledge of the national spirit and the formation of an ethical state.

Keywords: duty, law, idea, moral obligation, service to the Fatherland.

Понятие служения Отечеству является фундаментальной концепцией в политической философии, и два выдающихся немецких философа, Иммануил Кант и Георг Вильгельм Фридрих Гегель, рассматривали его по-разному. В этой статье мы исследуем основные различия в понимании этой идеи двумя мыслителями.

Для Канта служение Отечеству было моральным обязательством, вытекающим из категорического императива. Он считал, что каждый человек имеет долг следовать универсальным моральным принципам, которые должны применяться ко всем людям. Соответственно, служить Отечеству означало служить общему благу и уважению прав и свобод всех граждан.

Кант подчеркивал добровольность и автономность в служении. По его мнению, люди должны исполнять свои обязанности не из-за страха наказания или желания награды, а из чувства морального долга и преданности своей стране [7, с. 46].

Из трудов Канта, в которых освещалась тема служения Отечеству, можно выделить два самых главных: «К вечному миру» [4] и «Метафизика нравов» [6]. Представляются ключевыми следующие положения из трудов Канта об идее служения Отечеству: «Каждый, кто живет в государстве, обязан способствовать поддержанию государственного устройства, так как без этого он не может быть в безопасности.» «Гражданам необходимо иметь право высказывать свое мнение о том, что касается их собственного блага, и давать согласие на публичные налоги.»; «Война должна вестись только в крайнем случае, а условием мирного договора должно быть не завоевание, а лишь обеспечение будущего мира.»; «Патриотизм не должен быть ограничен слепой любовью к своей собственной

стране и ненавистью ко всем другим. Он должен основываться на принципах разума и справедливости» [4].

Можно выделить следующие примеры служения Отечеству по Канту: соблюдение законов и уплата налогов; выполнение гражданских обязанностей; уважение законов и прав других людей; участие в общественной и политической жизни; защита страны от внешних угроз (в крайнем случае); поддержка справедливости и правосудия; критическая оценка действий правительства и борьба с несправедливостью.

Кант был уверен, что служение Отечеству должно быть подчинено принципам универсальной морали. Оно не должно противоречить принципам разума, справедливости и уважения к другим людям [4].

В частности, Кант крайне негативно относился к использованию патриотизма для оправдания агрессивных войн или угнетения других народов. Он также критиковал слепое повиновение власти и утверждал, что граждане имеют право и обязанность сопротивляться несправедливым законам и действиям правительства.

В своем труде «К вечному миру» Иммануил Кант развивал идею служения Отечеству как исполнение нравственного долга каждого гражданина. Он утверждал, что государство основано на принципах разума и справедливости, а его жители обязаны стремиться к общему благу [4].

Кант считал, что служение Отечеству не может сводиться к слепому повиновению власти или национализму. Гражданам следует критически оценивать действия правительства и выступать против несправедливости и угнетения. Он также отмечал, что служение Отечеству не должно противоречить принципам универсальной морали.

По мнению Канта, служение Отечеству является важным элементом нравственного развития человека. Оно способствует формированию чувства ответственности, солидарности и патриотизма. Однако он предупреждал, что патриотизм не должен превращаться в узкий национализм, который может привести к конфликтам и войнам.

В целом в понимании Канта служение Отечеству – это не просто обязанность, но и нравственный долг каждого гражданина. Оно должно основываться на принципах разума, справедливости и универсальной морали.

Далее рассмотрим позицию Гегеля и сравним ее с кантианской. В отличие от Канта Гегель рассматривал служение Отечеству как неотъемлемую часть органического целого. Для него государство было не просто политическим образованием, а воплощением божественной воли. Граждане были органичными частями этого целого, и их служение Отечеству было выражением их места в этом божественном порядке.

По Гегелю государство выше отдельных лиц и должно иметь абсолютный авторитет. Люди будут подчиняться государству и служить ему, даже если это требует принесения в жертву их индивидуальных желаний и интересов [1].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель рассматривал служение Отечеству как высшую форму реализации нравственной свободы человека. По его мнению, государство является воплощением всеобщей воли, в которой сливаются индивидуальные воли граждан.

Для Гегеля служение Отечеству означало жертвование личными интересами ради общего блага: гражданам надлежит ставить интересы государства выше своих собственных и быть готовыми к самопожертвованию [3, с. 276]. Что касается участия в политической жизни, то Гегель считал, что каждый гражданин обязан участвовать в управлении государством, выражая свою волю через политические институты. Применительно к защите Отечества от внешних угроз Гегель признавал необходимость военной службы для защиты государства от агрессии.

Гегель утверждал, что служение Отечеству является неотъемлемым аспектом самореализации человека. Через участие в жизни государства граждане обретают смысл и цель своей жизни.

Он также подчеркивал важность патриотизма как движущей силы служения Отечеству. Патриотизм, по Гегелю, должен основываться не только на любви к родной земле и культуре, но и на признании величия и исторической миссии своего государства [2, с. 70]. Гегель считал, что служение Отечеству должно быть подчинено высшей цели – достижению всеобщей свободы и прогресса человечества. Государство обязано служить инструментом для реализации этой цели, а граждане – добровольно жертвовать своими личными интересами ради общего блага.

В понимании Гегеля, служение Отечеству – это высшая форма нравственного долга человека. Оно требует от граждан готовности к самопожертвованию, участия в политической жизни и защиты своего государства от внешних угроз [3, с. 280].

Основным различием во взглядах Канта и Гегеля является их отношение к индивидуальной совести и государственному авторитету. Кант отдавал приоритет индивидуальной совести, в то время как Гегель отдавал приоритет государственному авторитету [5]. Для Канта индивидуальная совесть была высшим источником морального обязательства. Жители были обязаны следовать законам своей страны, только если они соответствовали универсальным моральным принципам. Если законы были несправедливыми или аморальными, то граждане имели право на неповиновение. Для Гегеля же государственный авторитет был неоспорим. Гражданам необходимо подчиняться законам государства, даже если они считали их несправедливыми или аморальными. Гегель полагал, что истинная свобода заключается не в следовании собственным желаниям, а в подчинении рациональному порядку государства.

Кант и Гегель выдвинули радикально разные понимания идеи служения Отечеству. Для Канта это было моральное обязательство, в то время как для Гегеля – органическое выражение божественного порядка, требующее безоговорочного подчинения государству. Эти различия продолжают формировать дискуссии о роли государства и гражданском долге в современном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бажов С.И. Интерпретация философии И. Канта в нравственном идеализме П.И. Новгородцева [Электронный ресурс]. – URL: <https://human.snauka.ru/> (дата обращения: 30.08.2024).
2. Барбашина Э.В. Трансцендентальная философия Канта: онтология и история. – Новосибирск: САО РАН, 2012. – 194 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Система нравственности / пер. Е.А. Фроловой // Политические произведения / под ред. Д.А. Керимова. – Москва: Наука, 1978. С. 276–367.
4. Кант И. К вечному миру / пер. Л.А. Комаровского, Т.И. Ойзермана // Сочинения на русском и немецком языках в 4 т. Т. 1. / под ред. Н.В. Мотрошиловой. – Москва: Кامي, 1994. – 584 с.
5. Кант И. Критика чистого разума / Сочинения на немецком и русском языках в 4 т. Т. II. – Москва: Наука, 2006. – 936 с.
6. Кант И. Метафизика нравов / пер., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзакьяна. – Москва: Литература, 2007. – 399 с.
7. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. III. – Москва: Московский философский фонд, 1997. – 784 с.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Усова Г.М.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности цифровизации в образовании. Цифровизация в образовании – актуальный процесс, который меняет способы обучения и организацию учебного процесса с использованием цифровых технологий. В статье произведен анализ цифровых платформ и основ нормативной базы, регулирующих не только процесс образования, но и обеспечение защиты персональных данных.

Ключевые слова: цифровизация, образовательная деятельность, цифровые платформы, нормативно-правовое регулирование.

LEGAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

Usova G.M.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract. This article examines the features of digitalization in education. Digitalization in education is an urgent process that is changing the ways of learning and the organization of the educational process using digital technologies. The article analyzes digital platforms and the fundamentals of the regulatory framework governing not only the education process, but also ensuring the protection of personal data.

Keywords: digitalization, educational activities, digital platforms, legal regulation.

Цифровизация оказала значительное влияние на международные экономические отношения, характеризуя глобальную цифровую систему. Современный этап развития общества характеризуется всесторонним внедрением техники и информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества. На смену информатизации и компьютеризации приходит цифровизация. Процесс цифровизации обуславливается стремительным возрастанием пользователей интернет-пространства (см. рис. 1).

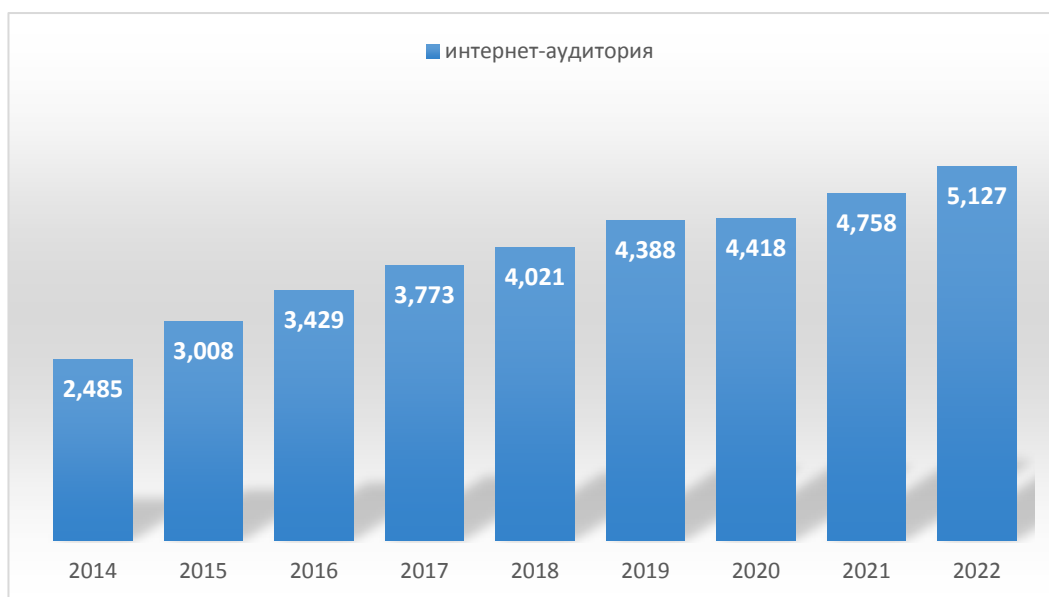

Рисунок 1. Динамика роста интернет-аудитории с 2012 по 2022 год в млрд человек [1]

По данным диаграммы видно, что на данном этапе развития каждый второй житель планеты подключен к «мировой паутине», что объясняет необходимость облегчения получения информации и внедрения телекоммуникационных технологий в сферы деятельности людей, в том числе в образовательную среду.

Внедрение цифровых платформ, создание электронных образовательных ресурсов способствовало изменению понятия «традиционное преподавание», В связи с чем необходимо выделить положительные и негативные стороны внедрения информационных технологий в образовательную среду. Так, к положительным сторонам относятся:

1. Свободный доступ к цифровым образовательным ресурсам.
2. Возможность интерактивного и дистанционного обучения.
3. Сотрудничество и коммуникация, выход во всемирную, глобальную связь.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в образовательную деятельность позволило как преподавателям, так и студентам получить доступ к образовательной среде без привязки к геолокации. Цифровые образовательные платформы позволяют адаптировать образовательный процесс под индивидуальные возможности студента, тем самым обеспечив оптимальный темп развития. Важно отметить, что цифровизация стала причиной внедрения интерактивного обучения, посредством которого происходит использования мультимедийного контента, виртуальной реальности.

Необходимо выделить негативные стороны внедрения телекоммуникационных технологий в образовательную среду. К таким сторонам относятся:

1. Цифровой разрыв. В данном случае речь идет о проблемах получения образовательного ресурса в связи с отсутствием (или нестабильным) доступом к сети Интернет.

2. Наиболее важный аспект – обеспечение конфиденциальности и безопасности. Поскольку цифровые технологии – облачная, виртуальная среда, то возникает необходимость в использовании мер и механизмов по защите личных данных и обеспечению безопасного использования онлайн-обучения.

3. Изменения в педагогической структуре, которые связаны с необходимостью преобразования методик преподавания в соответствии с требованиями современных тенденций развития общества. В связи с этим необходимо внедрять дополнительное обучение с целью освоения современных технологий в преподавательской деятельности.

Основная проблема нормативно-правового регулирования образовательной деятельности связана с обработкой, передачей, хранением, использованием большого массива данных, информационных сведений.

Обработка данных представляет собой процесс сбора, структурирования и обработки информации. Однако важно учитывать, что некоторые данные могут содержать конфиденциальную или чувствительную информацию, которая требует особой защиты. Например, это могут быть персональные данные клиентов, банковская информация, медицинские записи или коммерческая тайна.

При передаче данных, особенно через сети, возникает риск их несанкционированного доступа или перехвата третьими лицами. Для защиты данных в процессе передачи используются различные методы шифрования, виртуальные частные сети и другие технологии безопасности. Эти меры помогают предотвратить утечку данных и обеспечить их конфиденциальность во время передачи.

Хранение данных также требует особого внимания к их безопасности. Большие объемы данных могут быть сохранены в базах данных, облачных хранилищах или на физических носителях. Важно обеспечить надежную защиту от несанкционированного доступа, взлома или повреждения данных. Здесь используются меры безопасности, такие как ограниченный доступ к данным, шифрование информации, резервное копирование и физическая защита серверных помещений.

Использование больших объемов данных также подразумевает соблюдение правил конфиденциальности и защиты информации. Организации должны обеспечивать конфиденциальность данных, предоставлять пользовательские соглашения и контролировать доступ к информации только для авторизованных лиц.

Так, перечень данных, относящихся к конфиденциальным, закреплён в Указе Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». В соответствии с данным Указом к конфиденциальным сведениям относят [1]:

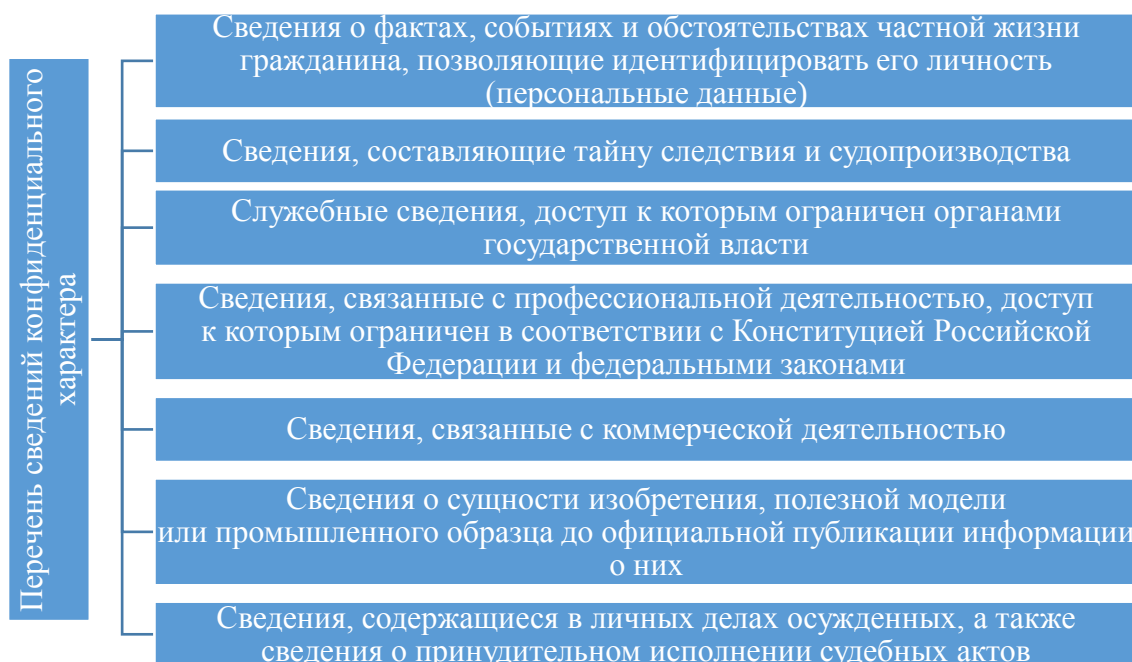

Рисунок 2. Перечень сведений конфиденциального характера

Анализ выделенного перечня позволяет сделать вывод, что к конфиденциальным сведениям, обрабатываемым образовательной организацией, относятся сведения, составляющие персональные данные, коммерческая и служебная тайна, а также сведения о сущности изобретения.

Действия, связанные с обработкой персональных данных, регламентируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Данный закон устанавливает условия обработки персональных данных, ответственность, права и обязанности всех участников процесса обработки и аккумулирования персональных данных [2]. К одной из обязанностей государ-

ственного, муниципального органа, осуществляющего сбор персональных данных, относится определение целей обработки и сбора данных, определение состава данных, которые подлежат обработке. В соответствии с этим субъект, осуществляющий сбор данных, обязан уведомить лицо о начале обработке данных. Так, в Приказе Роскомнадзора от 30.10.2018 № 159 «О внесении изменений в Методические рекомендации по уведомлению уполномоченного органа о начале обработки персональных данных и о внесении изменений в ранее представленные сведения, утвержденные приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30 мая 2017 года № 94» утвержден порядок направления уведомлений оператором о начале обработки персональных данных.

Необходимо отметить, что существует перечень требований по защите персональных данных в процессе их обработки. Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» указаны меры, необходимые для обеспечения безопасности персональных данных, а также выделены уровни защиты персональных данных.

Помимо нормативно-правовых актов, регулирующих защиту персональных данных, необходимо выделить акты, определяющие как саму образовательную деятельность, так и внедрение цифровизации в осуществление преподавательских услуг. К таким актам относятся:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3]:

- а. Статья 15.1 «Цифровые образовательные ресурсы» определяет основные положения по использованию цифровых образовательных ресурсов в образовательном процессе.

- б. Статья 18.1 «Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе» устанавливает требования к использованию информационно-коммуникационных технологий в образовательной деятельности.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 2020 г. № 1619 «О развитии цифрового образования в Российской Федерации». В данном документе закреплены меры по развитию цифрового образования и созданию инфраструктуры для его поддержки, включая разработку и внедрение цифровых образовательных ресурсов[4].

3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 февраля 2018 г. № 125 «Об утверждении Порядка организации дистанционного обучения», который устанавливает порядок организации дистанционного обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий[5].

4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 августа 2013 г. № 1012 «Об утверждении Положения об использовании электронного образовательного контента в образовательном процессе» регулирует использование электронного образовательного контента в образовательном

процессе и устанавливает требования к его разработке, использованию и оценке качества [6].

Анализ нормативно-правовых актов разносторонне регулирует внедрение телекоммуникационных технологий в образовательную деятельность. Благодаря этому образовательные организации переходят от традиционного типа обучения к обучению с использованием цифровых технологий.

После анализа проблем нормативно-правового регулирования необходимо выделить основные цифровые платформы, обеспечивающие учебную деятельность. Цифровые платформы играют важную роль в современной образовательной деятельности. Они предоставляют учащимся и преподавателям широкий доступ к образовательным материалам и ресурсам, облегчая процесс обучения и обмена информацией.

Таблица 1. Цифровизация обучения. Коммуникации для смешанного и дистанционного обучения

Наименование платформы	Цель платформы	Функциональные особенности платформы
Российская электронная школа	Обеспечение в образовательном процессе более широкого применения современных педагогических и IT-методов и технологий, ориентированных на индивидуализацию обучения, включающую ускоренное обучение	Система выполнена в рамках поручения Президента Российской Федерации, включает в себя более 30 учебных курсов. Платформа соответствует ФГОС. Видеоуроки состоят из нескольких модулей: мотивация, объяснение, тренировка, контроль, дополнительная информация
Учи.ру	Создание единого сборника интерактивных задач по широкому спектру предметов	Включает более 30 тысяч заданий, в которые входят интерактивные игры, домашние задания, проверочные работы, видеоуроки. На платформе возможно проведение вебинаров для педагогов. Имеется возможность участия в различных олимпиадах с последующим разбором заданий

ЯКласс	Создание сборника интерактивных задач и видеоуроков по широкому спектру предметов. Включает в себя более 1 трл заданий	Направлен на выполнение обучающимися Всероссийских проверочных работ. Позволяет обеспечить комплексное дистанционное обучение
Сферум	Цель платформы – дополнение и улучшение традиционного образования. Предназначена строго для обучения школ и высших учебных заведений	Платформа была запущена под руководством Министерства Просвещения Российской Федерации. В платформе имеется возможность публикации материалов, статей, которые хранятся в системе неограниченное время

Цифровые платформы играют важную роль в современной образовательной деятельности. Они обеспечивают учащимся и преподавателям широкий доступ к образовательным материалам и ресурсам, с помощью которых происходит процесс обучения и обмена информацией. Следует выделить положительные стороны внедрения цифровых платформ в современную образовательную среду (см. рис. 3).

Онлайн курсы и вебинары	Цифровые платформы позволяют создавать и проводить онлайн-курсы и вебинары, которые студенты могут проходить в любое время и в любом месте
Электронные учебники и материалы	С помощью цифровых платформ можно создавать и распространять электронные учебники, интерактивные задания и другие образовательные материалы
Онлайн-форумы и общение	Цифровые платформы предоставляют возможность общаться и обмениваться идеями с другими учащимися и преподавателями через онлайн-форумы, чаты или видеоконференции
Оценка и обратная связь	Цифровые платформы позволяют преподавателям создавать и оценивать задания, тесты и проекты онлайн. Это автоматизирует процесс оценивания и предоставляет более быструю и детальную обратную связь студентам

Рисунок 3. Использование цифровых платформ в образовании [8].

Таким образом, цифровые платформы помогают дистанционно получать обширные знания с использованием современных технологий.

Подводя итог, проанализировав положительные и отрицательные факторы внедрения цифровизации в процесс обучения, необходимо выделить проблемы правового регулирования цифровизации в процессе образования в Российской Федерации. К таким проблемам относятся:

1. Отсутствие четкого и единообразного законодательного определения понятия «цифровизация образования», что затрудняет правовую нормализацию данного процесса.

2. Недостаточная защита персональных данных обучающихся. Многие цифровые образовательные платформы собирают и обрабатывают большое количество персональных данных студентов, при этом не всегда обеспечивается должная защита конфиденциальности и безопасности этих данных.

3. Низкая квалификация педагогических кадров в области цифровизации образования. Отсутствие специализированного образования и подготовки преподавателей в области цифровых технологий препятствует эффективному использованию цифровых инструментов в образовательном процессе.

4. Недостаточная виртуальная инфраструктура и доступность цифровых технологий. Неравномерное распределение высокоскоростного Интернета и недостаточное оснащение школ современной компьютерной техникой ограничивают возможности реализации цифровизации в образовании.

Следует сделать вывод, что проблема правового регулирования в первую очередь связана с тем, что внедрение телекоммуникационных технологий в образовательную среду наблюдается лишь в последние года. В связи с тем наблюдается отсутствие правовых актов, четко регулирующих цифровое образование. Также необходимо проводить курсы переподготовки и повышения квалификации кадров для повышения уровня использования телекоммуникационных инструментов в образовательной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 2020 г. № 1619 «О развитии цифрового образования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Министерства науки и высшего образования России от 12 февраля 2018 г. № 125 «Об утверждении Порядка организации дистанционного обучения» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 августа 2013 г. № 1012 «Об утверждении Положения об использовании электронного образовательного контента в образовательном процессе» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Статистика пользователей интернета в мире в 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://faingor.ru/>.

8. Чупина И.П. Цифровые платформы в образовательном процессе: плюсы и минусы // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 3. – С. 24–28.

СОТРУДНИЧЕСТВО КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП И ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИИ

Хубаева А.А.,

аспирант

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: в настоящей статье раскрывается сущность такого конституционного принципа, как сотрудничество. Будучи основой многих направлений, данной категории не уделяется должного внимания. Исследование направлено на установление природы сотрудничества как правовой ценности, являющейся традиционной для российского государства.

Ключевые слова: сотрудничество, взаимодействие, конституционный принцип, правовая ценность, правовые традиции, коллективизм.

COOPERATION AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE AND LEGAL VALUE OF RUSSIA

Khubaeva A.A.,

Postgraduate student

(Belgorod State National Research University)

Abstract: this article reveals the essence of such a constitutional principle as cooperation. Being the basis of many directions, this category is not given due attention. The research is aimed at establishing the nature of cooperation as a legal value, which is traditional for the Russian state.

Keywords: cooperation, interaction, constitutional principle, legal value, legal traditions, collectivism

В современных условиях кризиса международного права и общепринятых устоявшихся правовых ценностей проблема их переутверждения, сличения смыслов и содержания имеет первостепенное значение. Правовая ценность как категория также раскрывается в зависимости от расстановки акцентов. В частности, С.Ф. Анисимов предлагает рассматривать ценность в контексте значения и суждения как «нечто объективное для отдельного человека... определенное значение предмета, его свойств для действующего субъекта с точки зрения потребностей, интересов» [1, с. 85]. В правовой сфере В.Н. Корнев ставит ценность во главу угла, то есть только через ценность и ее оценку может сформироваться норма права как базовое правило поведения: «переход от сущего к должному: ценность – оценка – норма» [10, с. 9]. Объединяя категории правовая ценность и традиционность, Г.В. Мальцев определяет их сочетание как «нравственный ориентир», способный закрепить культурный код населения и отвечающий за «общероссийскую гражданскую идентичность» [6]. Как утверждают В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшина с опорой на народное творчество, художественную литературу, высшими ценностями российского народа были и остаются религия, вера, коллективизм, душа, совесть (стыд), добро, нестяжательство, труд, разум, патриотизм и семья [2, с. 162–208]. Однако, как справедливо отмечает А.А. Напреенко, ценности, в том числе и правовые, «не могут восторжествовать автоматически и однозначно во всех странах» [11, с. 17], это длительный исторический культурный процесс.

Сотрудничество и простая и сложная категория одновременно. С одной стороны, все понимают, что такое сотрудничество, с другой стороны ее критерии и признаки четко не определены. О конституционности статуса принципа «сотрудничество» («взаимодействия») говорит М.В. Мархгейм, отмечая, что он «формализован на международном уровне» [7, с. 54]. Более того, М.В. Мархгейм указывает на момент трансформации сотрудничества из статуса целевого ориентира (ценности) в статус «принципиальной обязанности» в международном праве, что в дальнейшем было воспринято на уровне конституций отдельных стран [7, с. 55]. На внутригосударственном уровне сотрудничество проявляется в виде партнерства и взаимодействия. Координация и взаимодействие, в свою очередь, являются принципами и основой деятельности органов исполнительной власти. Принцип сотрудничества, таким образом, «спустился» в национальные конституции с международного уровня, хотя сам по себе имеет давнюю историю и широкое применение. Однако на уровне международного права и международных организаций есть свои особенности понимания сущности сотрудничества.

Культура сотрудничества всегда была основой международного взаимодействия для российского государства. В России международные договоры «о мире и любви» известны с IX в. (с Византией (860 г.), хазарами, германцами, франками и Арабским халифатом) [18]. Принцип сотрудничества отражен уже в первых международных соглашениях 907 г. и 944 г. и выражался в виде принятия правил внутренней и внешней торговли [3], в обеспечении правопорядка – о выдаче беглых рабов, действии берегового права, вопросах уголовного преследования, принципа выдачи преступников [5] и других вопросах. Деление

Европы на Восток и Запад также связано с разным восприятием категории «сотрудничество». Россия относилась к восточной греческо-славянской части Европы, где сотрудничество имело сильную моральную окраску и воспринималось как одна из добродетелей (взаимовыручка, взаимопомощь, дружба). С середины XVI в., оставшись в одиночестве, российское государство оказалось исключенным из западного европейского межгосударственного взаимодействия. Особенностью отношений Востока и Запада Европы стало то, что западноевропейская внешняя политика формировалась, когда у России уже была выстроена целостная система внешнеполитической культуры на базе доверительных отношений с ценностным ядром в форме сотрудничества (коллективизма, т.е. решения общих дел сообща). Систематическое предательство доверительных отношений со стороны Запада вынудило Россию к отчуждению [4]. Новый этап международного взаимодействия самостоятельного и могущественного российского государства в XIX в. также имел трудности, поскольку внешнюю политику Россия выстраивала в русле теории национально-государственных интересов [7], ориентированных на укрепление суверенитета [8, с. 18], однако от прежних устоев Россия не отказывалась и всегда оказывала помощь и поддержку братским славянским народам [16].

Основой внешней политики России так же, как и внутреннего уклада, являлось сотрудничество, базирующееся на таких традиционных ценностях, как коллективизм и общинность. Основой коллективизма, равно как и общинности, является доверие. В последнее время происходит вытеснение понятия коллективизма категорией солидаризации. Однако база этих категорий разная: солидаризм касается абстрактных общечеловеческих ценностей, а коллективизм имеет четкую привязку к конкретному обществу. В солидаризме противопоставляется «я» – «мы», попытка равновесия индивидуализма и общественного интереса [12]. Внедрение солидаризма, подмена им идеи коллективизма (общинности) приводит к неэффективности сотрудничества, у которого, как и у коллективизма, основным смыслом является совместное решение конкретной проблемы. Различие категорий «коллективизм» и «общинность» также имеется. Коллективизм – это вовлечение человека в коллектив (советская модель общинности), общинность – более сложная модель отношений, где действия каждого в различных структурах и на всех уровнях отношений связаны единством результата, нацелены на решение общего дела. В социально-философской традиции коллективизм как тип общества рассматривается равноценно общинности, товарищеской форме сотрудничества и взаимопомощи, где взаимодействие есть «специфическое проявление коллективизма в социальном познании» [13, с. 277]. Другими словами, сотрудничество по-русски – это решение проблем сообща – «доброе братство – дорожке богатства» [14, с. 252] и берет оно свое начало еще в языческих традициях [15, с. 155].

С точки зрения ценности и конституционной «принципиальной обязанности» главной задачей является определить сущность сотрудничества (взаимодействия), отраженного в конституционных, концептуальных и стратегических внутригосударственных документах. На сегодняшний день в исследуемой сфере развернулась борьба двух культур: культуры сотрудничества и культуры

эгоизма [9]. Солидарность (солидаризм) нацелен на гармонизацию этих культур, однако европейская солидарность как согласование переживаний об абстрактном будущем не равна российскому сотрудничеству – совокупности согласованных действий, направленных на конкретный результат. К содержанию отечественной культуры сотрудничества можно отнести: заботу о нуждающихся; поддержку и развитие организации коллективного труда; особую модель (матрицу) ценностей – действительность вовлечения в проблему, долженствование (долг), ответственность за собственные действия, ответственность за будущее своего народа и всего человечества, патриотизм как особую форму любви к отчизне; труд как самостоятельную ценность и основу коллективизма и, соответственно, самого сотрудничества.

Сегодня модель российского сотрудничества поддержана большей частью мира. Отражаясь в идее многополярности мирового взаимодействия, сотрудничество по-русски стало основой деятельности таких международных организаций, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Таким образом, сотрудничество как отечественная правовая ценность, берущая свое начало в языческих и христианских традициях братства, взаимопомощи, взаимовыручки, общинности и коллективизма, отраженная в международных актах послевоенного (вторая половина XX в.) периода, является не просто «принципиальной обязанностью» международного уровня, но и конституционным принципом большинства государств. Подмена внутреннего содержания категории сотрудничества, смешение ее с навязанной категорией солидарности является уходом от смысла данной традиционной для России правовой ценности и фактически коренному изменению идентичности российского народа. Культура сотрудничества в форме основы любой деятельности (труда) важна и для управления, и для экономики, и для промышленности, и для образования, и для здравоохранения, и для обеспечения безопасности и других направлений. Отрицание российского восприятия сотрудничества на уровне конституционного принципа и правовой ценности может иметь разрушительные последствия, привести к разобщенности, самоустраненности народа и, как итог – гибели самого государства. На данном этапе существует реальная необходимость сохранения идеи сотрудничества на внутригосударственном и мировом уровне в рамках ее традиционного понимания без подмены солидаризмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию: учебное пособие для изучающих философию. – Москва: Современные тетради, 2001. – 131 с.
2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология»: научная монография. – Москва: Научный эксперт, 2012. – 624 с.
3. Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. – 2005. – № 1 (19). – С. 5–15.
4. Бордачев Т.В. О ранней истории и географии российской внешней политики // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 4. – С. 22–45.

5. Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений древней и средневековой Руси X–XV вв. // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 2. – С. 14–20.
6. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – Москва: СГУ, 2008. – 552 с.
7. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 1 (92). – С. 54–56.
8. Международная безопасность и обороноспособность государств (понятия, определения, термины) / под общ. ред. О.К. Rogozina. – Москва, 1998. – 488 с.
9. Меренков А.В. Культура сотрудничества: теоретико-методологический анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14. – № 4 (194). – С. 5–16.
10. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. – 2023. – № 1. – С. 8–15.
11. Напреенко А.А. Социально-правовые ценности и национальная идея // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 4. – С. 9–18.
12. Окара А.Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 146–155.
13. Пискорская С.Ю. Социально-философский анализ понятия «Коллективизм» и его связь с «Русской идеей» // Вестник КрасГАУ. – 2006. – № 11. – С. 277–280.
14. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. – Москва: художественная литература, 1989. – 654 с.
15. Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 4-е изд., испр. – Москва: Наука, 2004. – 328 с.
16. Сквозников А.Н. «Историческое право» и борьба балканских государств за территорию в последней четверти XIX начале XX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2014. – № 1 (15). – С. 3–20.
17. Третьякова Е.С. Внешняя политика Российской империи в XIX веке и ее юридическое оформление // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 4 (45). – С. 73–77.
18. Трофимова Л. Русское посольство в Константинополе и договор «О мире и любви» 863 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/> (дата обращения: 03.08.2024).

ЦЕННОСТНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ФИЛОСОФСКОЙ ОПТИКЕ УЧЕНИЯ АНАКСИМАНДРА МИЛЕТСКОГО ОБ АПЕЙРОНЕ

Цуканов Е.А.,

кандидат филологических наук, доцент
(Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна)

Аннотация: статья посвящена анализу актуальной проблемы повышения уровня ценностно-смысловой неопределенности массового сознания в условиях нарастания конфронтации России и коллективного Запада в географически окраинном пограничье. С философско-культурологических позиций рассмотрена специфика преднамеренной релятивизации аксиологических установок населения пораженного хищнической идеологией атлантизма страны, используемой в качестве прокси-милитари. Опираясь на эксклюзивный эмпирический материал, автор обосновывает тезис о том, что на Украине, задолго до начала специальной военной операции, стали с успехом апробироваться весьма специфические гуманитарные стратегии по размыванию аксиологических скреп автохтонного этноса. Развивая известную концепцию управляемого хаоса Стивена Манна, недружественные нам политехнологи и проектировщики не могли не включить в сферу собственных интересов теорию апейрона Анаксимандра Милетского, ставшую, по сути, очень эффективным информационным и организационным оружием. Вскрытие алгоритма искусственного нагнетания ценностного беспредела в пограничном с Российской Федерацией медиаполе стало основной задачей представленной работы.

Ключевые слова: апейрон, аксиология, ценностный релятивизм, экстремизм, массовое сознание, информационные войны, ментальная волатильность.

VALUE EXTREMISM IN PHILOSOPHICAL OPTICS TEACHINGS OF ANAXIMANDER MILETSKY ABOUT APEIRON

Tsukanov E.A.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
(Higher School of Printing and Media Technologies
of Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the urgent problem of increasing the level of value-semantic uncertainty of mass consciousness in the context of the growing confrontation between Russia and the collective West in the geographically marginal borderland. From a philosophical and cultural perspective, the specifics of the deliberate relativization of the axiological attitudes of the population of the country affected by the predatory ideology of Atlanticism, used as a proxy military, are considered. Based on exclusive empirical material, the author substantiates

the thesis that in the Ukraine, long before the start of a special military operation, very specific humanitarian strategies for blurring axiological bonds of the autochthonous ethnic group began to be successfully tested. Developing the well-known concept of controlled chaos by Stephen Mann, political strategists and designers unfriendly to us could not help but include in the sphere of their own interests the theory of apeyron Anaximander Miletsky, which has become, in fact, a very effective informational and organizational weapon. The opening of the algorithm for artificial injection of value lawlessness in the media field bordering the Russian Federation became the main task of the presented work.

Keywords: apeyron, axiology, value relativism, extremism, mass consciousness, information wars, mental volatility.

Не вызывает сомнений, что одной из базовых угроз, связанных с переживаемым в России и мире парадигмальным кризисом, является угроза перерождения традиционных общечеловеческих ценностей, таящая риск окончательного упразднения гомо сапиенса как вида, создавшего богатейшую культуру и разветвленную во всех аспектах цивилизацию. Алгоритм отмены культурно-цивилизационных форм жизни (условный свет) с последующим обязательным падением в животное состояние (условный мрак) может быть описан словами Ф.М. Достоевского «Обрати человека в хама – он гвоздя не выдумает». Логика подсказывает, что усмотрение проблемы в подобном ракурсе с необходимостью заставляет исследователя задумываться о специфике деэволюционных процессов, разгоняемых сегодня чаще всего за счет СМИ, эксплуатирующих экстремистскую мировоззренческую матрицу.

Согласно определению, экстремизм есть выход за некие установленные границы (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный, то есть попирающий берега, или убегающий через край). Предлагаемая словарная дефиниция, ставшая со временем аксиоматическим штампом, отлитым в терминологическую бронзу, на наш взгляд, заслонила собой намного более интересный момент: мы не совсем отдаем себе отчет в том, что происходит с самим субъектом, пересекшим очерченные пределы, или, иными словами, – какова экзистенциальная рефлексия экстремиста? А между тем, совершающий данный трансцендирующий акт, субъект априори вступает в зону турбулентной неопределенности, и его в конце концов поглощает стихия беспредельного (вышел за пределы – стал беспредельщиком). В древнегреческой философской традиции с подачи Анаксимандра Милетского (611–546 гг. до н.э.) эта стихия была именована апейроном. Анаксимандр под апейроном подразумевал аморфное бескачественное первовещество, безвидную жижу-протоматерию, из которой потом возник расчлененный на строгие отсеки контур нашего мироздания. Это первовещество не имело границ, поэтому носило абсолютно беспредельный характер [4, с. 103–104].

Любое криминальное деяние в связи с этим, по сути, представляет собой онтологический трансфер в апейрон, и именно поэтому в криминальной среде преступник, не соблюдающий никаких (даже воровских) законов, считается беспредельщиком. В целом хорошо понимая, что рассуждать об экстремизме в

анаксимандровской оптике апейрона – занятие достаточно ретроградно-вычурное, тем не менее сделаем попытку подобного рода в поисках философского подтекста у криминала как антропологического феномена, с акцентом на аксиологию.

Нам кажется, что весьма релевантным примером, удостоверяющим апейронический характер акта выхода за положенные границы, был бы случай с Хомой Брутом из гоголевской нуарно-мистической повести «Вий». Н.В. Гоголь, как великий писатель, гениально обнаружил подлинную подоплеку опасности пересечения знаково-символической черты, за которой, как мы убеждаемся, ничего нет. В том смысле, что за нею распростерлась область нескончаемого и слаборазличимого Ничто, населенного, опять же, беспредельным множеством пугающих своим неоформленным видом призраков. Как оказалось, все то, что каким-либо образом пребывает «по ту сторону» (как у Ницше [5]) мелового круга есть форма нежити, для которой свойственна экстравагантная экзальтированность, или по-другому – неравновесное, несамотождественное состояние неприкаянного мерцания. Неприкаянность здесь – неумение найти себе место, выбрать занятие по душе, что сопряжено с душевным дискомфортом и растерянностью. Легко объяснимо, почему Хома столкнулся с уродливой гомогенизированной массой Небытия: то, что расположено вне поля (за гранью) нашего непосредственного внимания тонет в пучине отсутствия. И это справедливо, что разверзшееся, расплывшееся, аморфное недообразование так устрало героя, что тот испустил дух, не приходя в сознание. Нас до смерти пугает безмерное, да еще и таящееся за рамкой строго очерченного круга восприятия. Итак, предварительно следует сказать, что человеку, судя по всему, пришлось пребывать в рамках (приличий, закона, культурных условностей и т.п.), чтобы не сваливаться в гротескное пространство чудовищного, которое не держит расстояния между вещами настолько, что лишает их разницы, тем самым как бы мортализуя (от лат. *mors* – смерть, негация). Требуется также уточнить, что все разновидности поведенческого экстремизма, включая и модные в сегодняшней повседневности экстремальные практики, ведущие как бы проверку привычной (то есть в границах банальной нормы) реальности на прочность в поисках неких небывалых ощущений, опасны не своей безнравственностью, а именно ставкой на экспериментирование с человеческой природой *ad marginem*. И к экстремизму, думается, вполне применима формула «инициативный дурак хуже вредителя», причем, с пикантным налетом трусости. По нашему мнению, экстремизм – это феномен, относящийся, скорее, не к этике, а к онтологии, так как удел человека – существование на определенной частоте, а любая крайность или маргинальная чрезмерность двигают (иногда муравьиными, а иногда и семимильными шагами) норму человечности в беспредельное по принципу «человек есть стандартный набор качеств, плюс что-то еще». Данное контингентное «что-то еще» может до неузнаваемости релятивизировать классического человека, превратив в монстра (пример Фуко [11, с. 10]), путем преднамеренного пропускания его базового образа через перцептивный каскад окон Овертона.

Отсутствие закреплённых принципов, ясной мировоззренческой позиции, конкретных установок в поведении человека – есть очевидный маркер экстремистской настроенности в силу особой аксиологической пластичности данного субъекта (он вообще не замечает никаких красных линий), способного поочередно занимать прямо противоположные позиции из-за меняющейся конъюнктуры, подстраиваясь под любое новое веяние, моду, тенденцию. Однако не всякий примет подобную максиму: что конформист – тот же экстремист, только наоборот, поскольку экстремизм у нас прочно ассоциируется с брутальной жестокостью, агрессией, а не со сговорчивостью или сервильностью, умением убаюкать собственную совесть через смену ракурса усмотрения ситуации или проблемы. Впрочем, жизнь иногда заставляет смотреть правде прямо в глаза.

Мы никогда, наверное, не узнали бы, до каких чертогов онтоаксиологического падения может дойти целое общество, десятилетиями вскармливаемое апейроническим суррогатом, если бы не известные события, произошедшие в соседней, «жовто-блакитной», стране за последние пару лет. И в данном ракурсе история с Хомой Брутом, сочинённая великим мастером слова, родом из малороссийской глубинки, выглядит уже как жуткое предзнаменование, а не литературная ирония.

Симптоматично, что абсолютному большинству представителей украинского руководства эпохи специальной военной операции свойственен узнаваемый – неуловимо-неопределённый, скользкий по духу – стиль администрирования. Невероятная изворотливость, регулярная смена идейных ориентиров, каквээновская «гибкость» политических заявлений, трактовок закона и даже применяемых военных стратегий – стали визитной карточкой тех, кого объявить истеблишментом язык не поворачивается, но именно от них сегодня, к сожалению, зависит принятие высших государственных решений. Не будем подробно разбирать речи президента и министров, парламентариев и предпринимателей т.н. «незалэжной», стремящейся почему-то угодить максимальному количеству использующих ее «партнеров». Для иллюстрации особой патологичности ментального беспредела, укоренившегося на данной территории, остановимся лишь на одном известном своими противоречивыми суждениями спикере, занимавшем продолжительный срок должность советника офиса главы Украины, Алексея Арестовиче (в мае 2023 года внесён Росфинмониторингом Российской Федерации в перечень террористов и экстремистов [7]). Он хорошо владеет искусством мистификации и персональной мифологизации, рассылая о себе противоречивые сигналы в информационном поле. В разное время Арестович позиционировал себя то как военного, то как актёра, то как пиарщика или коуча, то как человека, особо приближённого к власти, успешного футуролога и прогнозиста. В общем, он – наподобие многоруких экзотических индийских божеств – специалист широчайшего профиля, и, видимо, совсем не случайно созданная Арестовичем авторская школа мышления и коммуникации зарегистрирована именно как «Апейрон» [1], в котором ее владелец, видимо, знает (или делает вид, что знает) толк. Как говорящая голова, Арестович запомнился медийной аудитории многими оксюморонными речевыми сентенциями, имеющими подчас полярные значения, взаимонейтрализующими друг друга. Он от-

крыто квалифицировал украинцев нацией с тройной аморальностью [2], которую, впрочем, ожидают сияющие перспективы, многократно призывал всех к тотальной лжи, выстраивая замысловатые концептуальные линии защиты своих прежних, быстрорастворимых, месседжей, восхвалял и одновременно демонизировал Владимира Путина и многое другое.

Итак, какой же ассортимент услуг предлагает фирма «Апейрон» Арестовича своим незадачливым клиентам? Это целый набор уроков, выполненных в форме платных семинарских занятий, направленных якобы на позитивную психокоррекцию личности, измученной всевозможными комплексами и испытывающей на этой почве чувство непрекращающейся подавленной агрессии. Арестович обещает раскрыть задушенный волевой потенциал каждого, кто проникнется его философией и предпримет бунт против репрессивных (в его лексике) устоев общества [1]. Зафиксировав это, рассмотрим более пристально сетку учебного плана указанной школы. В ней присутствуют такие задания, которые ориентированы на преодоление внутренних (сдерживающих) рамок субъекта и выплескивание его личности через край. И если в гоголевском «Вие» главному герою было рекомендовано свято контролировать границы окружности, то Арестович дает установку не просто игнорировать их, но даже взламывать и как бы двигаться за пределы самого себя, таким образом, осваивая искусство самоуничтожения. Вот наиболее вопиющие формулировки названий обучающих модулей: «Безжалостность», «Нечто», «Священная рана», «Теория хаоса», «Трудно быть богом», «Дисциплинарное общество», «Как раскодировать себя?», «Ненормативное мышление» и так далее [1]. Через данные образовательные модули продвигаются умопомрачающие псевдоинтеллектуальные техники, способные девальвировать и опрокинуть любую более-менее устойчивую ценностную шкалу. Потребителю апейронического продукта обещают «открыть глаза, чтобы увидеть реальность такой, какая она есть» (то есть беспощадной); «получить инструменты, которые помогут избавиться от жалости и страха – двух главных врагов внутренней свободы и роста человека»; «освободиться от влияния социальных матриц»; «столкнуться с Иным, с целью переосмысления привычных моделей поведения»; «научиться не быть жертвой текущих обстоятельств»; «отказаться от хрестоматийных шаблонов и схем с целью познания реальности «без искажений»; «заключить союз между сознанием и подсознанием»; «обрести глубинное понимание поступков людей и своих собственных»; «обнаружить и раскрыть лучшую версию самого себя»; «перестать быть удобным для окружающих» [1]. Вот наиболее претензионные рекламные заявления Арестовича, помогающие навязать экстремистскую философию неопределенности потенциальной пастве его импровизированной секты: «Инфовойны – вечные, незримые, но всеохватывающие. Хотите вы того или нет, наш мозг – поле битвы. Вопрос лишь в том, кем будете вы: полководцем, управляющим потоками информации, снарядам в чужих руках или просто грязью под сапогами солдат этой войны? Выбирайте свою роль» [1]. Или: *«Наши семинары ориентируют человека в отношении его предназначения, что отнюдь не является легкой задачей. Современные концепции смысла жизни, принятые в так называемом «нормальном обществе» (так,*

в кавычках, – у Арестовича) отрицают всякое осмысленное предназначение человека. Само предназначение – очень тонкая вещь, осмысление которой дается не просто и не сразу» [1]. Или: «Наш главный талант там, где наш главный страх. Испытания даются нам для того, чтобы открыть новую грань нашей силы. Поиску своей миссии и личной силы посвящена эта группа семинаров» [1]. Исходя из представленных заявлений, получается, что указанный выше Хома Брут напрасно чурался бушующей за границами отмеренной им локации инфернальной силы. Читать Гоголя, согласно Арестовичу, наверное, следует шиворот-навыворот: зло – не на той, а на этой стороне: по настоящему зол и лукав тот, кто заставил Хому взять в руку мел и обособиться от беспредельной множественности и потустороннего разнообразия, тогда как подлинный благодетель – Вий с группой обезображенных монстров. Однако безобразными их рисует неликвидное воображение простоватого семинариста, которое формируется тоталитарными хранителями-узурпаторами мира внутри меловой черты. Хома, по Арестовичу, должен стать гораздо более открытым в расчете на помощь истинных правителей полноты бытия. Отметим, что данный парадоксальный импровизированный набросок очень напоминает инверсивно-эвристическую интерпретацию божественного творения в гностицизме. Гностики как представители альтернативного христианству декадентского течения религиозно-философской мысли I-III вв. утверждали, что наличная бракованная действительность создана ненастоящим Богом, а самозванцем-демиургом, и что на самом деле лучше бы первым людям в раю слушать инструкции змея-искусителя [9, с. 269]. Можно убедиться, что гностическое учение хорошо гармонирует с анаксимандровской оптикой апейрона и, соответственно, оба этих компонента присущи чрезвычайно эластичному околофилософскому кредо украинского спикера. Не плоды ли это еще и оруэлловской науки, внедрявшей в подкорку массового сознания одиозный тезис-перевертыш о том, что «война – это мир, свобода – это рабство, а сила – в неведении»?

По Арестовичу, человеку пойдет только на пользу, если он окажется в подвешенном ментальном состоянии, «по ту сторону» меловой черты, обеспечиваемой культурой и социальным воспитанием, подружившись с обступающими его призраками и монстрами из преисподней а la хинтерланд Джона Ло [3, с. 323]. Именно это считается в школе «Апейрон» исцелением – когда от Вия и компании не убегают или защищаются, но, наоборот, поддерживают с ними плотные товарищеские отношения и водят совместные хороводы. Интуитивно или преднамеренно Арестович совершенно грамотно распаковывает разрушительную мощь анаксимандровского открытия, согласно которому в самом начале всего – ничего не было, вернее было, но было то самое Ничто, которому свойственна неопределенность, а точнее – беспредельность и хтония. Человечество, как представляется, долго сражалось с нею, чтобы оказаться под зонтиком хоть какой-то определенности – религиозной, хозяйственной, нравственной, политической, правовой. Естественно, в ходе создания цивилизации было накоплено какое-то количество психических комплексов как результата запретов на совершение человеком зла, но именно это и сублимировало нашу животную энергию для социокультурного строительства (по Фрейду [12]). Школа же Арестовича

стовича учит тому, как вернуться обратно в апейрон и быть счастливым беспредельщиком, попирающим гипертрофируемый цивилизационный прессинг. Она культивирует массового зверя методом размывания-разжижения устойчивой системы ценностей христианского по своему складу народа. В этом контексте уже не кажется удивительным, почему украинское население вдруг как по команде принялось однажды плясать и скакать. Можно предположить, что проект Арестовича не единственный действующий в подобном ключе на Украине. Судя по масштабам нагнетания апейронического безумия, здесь должна, по идее, реализовываться целая программа редактирования ментального кода автохтонов, дестабилизирующая поведение миллионов «громадян». На подобное сил у отдельно взятого Арестовича вряд ли хватило бы. Программа, с нашей точки зрения, не может не поддерживаться организационно и финансово заказчиками оранжевых процессов из-за границы, причем, судя по всему, на долгой дистанции, поскольку авторитетные специалисты в области смысловых войн и психологических операций здесь стали появляться в избытке сразу после распада СССР (Г.Г. Почепцов [8] и др.). И в этом плане не совсем понятно, почему сайт школы «Апейрон» с откровенно деструктивным контентом свободно функционирует в российском сегменте Интернет, предлагая курсы добровольной «мумба-юмбизации» отечественному пользователю.

Разумеется, нам известно, что над современной украинской культурой осуществляется жесточайший идеологический патронаж со стороны западных кураторов, наподобие Збигнева Бжезинского, Виктории Нуланд или Бернара-Анри Леви. Это объясняется как политическими, так и экономическими факторами. С одной стороны, по-экстремистски настроенная Украина – идеальная дубина против России, используемая атлантистами с целью военного давления, с другой – это богатейший на полезные ископаемые регион, за контроль над которым легче бороться при отключке опции сопротивляемости сознания местного населения чужеродным вторжениям. России при наличии у ее границ подобного разбалансированного в ценностном отношении соседа необходимо, прежде всего, научиться твердо стоять на защите традиционной морали и онтологии, не соблазняясь на меняющуюся моду и увлекательную новизну. Нам требуется помнить и дорожить своим, идущим от Византии, древним эсхатологическим статусом удерживающего (с греч. *ὁ κατέχων*) мир от окончательного торжества зла в финальной фазе человеческой истории [10, с. 597–599]. Важно также научиться распознавать зло не только как стихийную агрессию, но и как меру беспорядка, разрозненности множественности, неопределенности, апейрона, которые сегодня все чаще используются как эффективное оружие массового поражения в войнах мировоззрений и смыслов. Не отступить от твердых основ консервативной классики в угоду сиюминутных прихотей поборников мнимого разнообразия и апологетов всевозможных перверсий – значит элементарно выжить как уникальному культурно-историческому типу, не растворившись в беспредельном водовороте нарастающей ментальной волатильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авторская школа мышления и коммуникации Алексея Арестовича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apeiron.school/> (дата обращения: 19.10.2024)
2. Арестович Алексей. Украина – страна с тройной аморальностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?> (дата обращения: 14.08.2024).
3. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука – Москва: изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.
4. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: ист.-филос. очерки и портреты. – Москва: Политиздат, 1991. – 464 с.
5. Ницше Фридрих. По ту сторону добра и зла: сочинения. – Москва: Эксмо; Харьков: Фолио, 2002. – 848 с.
6. Отто В.Ф. Дионис. Миф и культ. – Москва: Клуб Касталия, 2016. – 224 с.
7. Перечень террористов и экстремистов, объявленный Росфинмониторингом Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 20.10.2024).
8. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Москва: Рефл-бук, Ваклер, 2003. – 656 с.
9. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. – Москва: Политиздат, 1987. – 336 с.
10. Творения Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Том одиннадцатый. В двух книгах. Книга первая. – Санкт-Петербург: издание Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1905. – 905 с.
11. Уэйд Симеон. Мишель Фуко в долине смерти. Как великий французский философ триповал в Калифорнии. – Москва: РИПОЛ классик, 2021. – 192 с.
12. Фрейд З. Толкование сновидений. – Академический проект, 2020. – 475 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Черных С.С.,

доктор философских наук, доцент

(Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова)

Аннотация: в статье анализируются традиционные ценности в качестве фактора социокультурной регуляции современного российского общества. Отмечается, что в своей практической деятельности актор всегда принужден к выбору различного рода целевых или чисто инструментальных объектов, исходя из сложившейся диспозиции потребностей и необходимых для этого ценностных ориентаций, помогающих определиться с приоритетом тех или иных целей и по возможности рационализировать собственные жизненные стратегии. При этом в сложившейся культуре уже находятся предпосылки, склоняющие индивида к предпочтению вполне определенных ценностей, то есть фактически их перманентного навязывания, конечно, при сохранении, как правило, небольшого числа легитимных альтернатив поведения. Поэтому формирование ценностных ориентаций индивида будет всегда сплетено с общественной системой, позволяющей наиболее эффективно создавать и эксплуатировать его собственные желания. В своей статье автор акцентирует внимание на том, что традиционные ценности подлежат конструированию и могут свидетельствовать об обновлении самого общества. Так, в исторической литературе достаточно подробно описан социально-политический механизм «изобретения традиций». В статье была предпринята попытка в целом оставаться на почве веберовской концепции социального действия и на ее основе анализировать «традиционные» ценности в связи с типологией социального действия. Таким образом, идентификация ценностей в качестве «традиционных» далеко не всегда является однозначной, учитывая, что и сами традиции могут со временем в значительной степени трансформироваться, а главное может существенно меняться контекст реализации той или иной традиции в современном мире. В заключении статьи делается вывод о том, что многие традиционные ценности фактически являются ценностями классического модерна и во многом связаны с формированием научной картины мира, развитием национальных государств и началом эпохи господства техники.

Ключевые слова: традиционные ценности, традиция, социальное действие, социокультурная регуляция, ценностная структура общества, модерн, российское общество.

TRADITIONAL VALUES IN THE STRUCTURE OF SOCIOCULTURAL REGULATION OF RUSSIAN SOCIETY: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION AND PROSPECTS FOR TRANSFORMATION

Chernykh S.S.,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
(M.I. Platov South-Russian State Polytechnic University)

Abstract: the article analyzes traditional values as a factor in the socio-cultural regulation of modern Russian society. It is noted that in their practical activities an actor is always forced to choose various types of target or purely instrumental objects based on the established disposition of needs and the necessary value orientations that help determine the priority of certain goals and, if possible, rationalize their own life strategies. At the same time, the established culture already contains prerequisites that incline an individual to prefer very specific values, that is, in fact, their permanent imposition, of course, while maintaining, as a rule, a small number of legitimate behavioral alternatives. Therefore, the formation of an individual's value orientations will always be intertwined with a social system that allows the most effective creation and exploitation of his own desires. In his article, the author emphasizes that traditional values are subject to construction and can indicate the renewal of society itself. Thus, the socio-political mechanism of "inventing traditions" is described in sufficient detail in historical literature. The article attempts to remain generally on the basis of Weber's concept of social action and, on its basis, to analyze traditional values in connection with the typology of social action. Thus, the identification of values as traditional is far from always unambiguous, given that the traditions themselves can be significantly transformed over time, and most importantly, the context of the implementation of a particular tradition in the modern world can change significantly. In conclusion, the article concludes that many "traditional" values are in fact values of classical modernism and are largely associated with the formation of a scientific picture of the world, the development of national states and the beginning of the era of the dominance of technology.

Keywords: traditional values, tradition, social action, socio-cultural regulation, value structure of society, modernism, Russian society.

Ценности играют важную роль в структуре регуляции любого общественного организма, и российский социум не является в данной связи исключением. Более того, именно в России в последнее годы наиболее остро переживается кризис так называемых «западных ценностей», который получил соответствующее выражение также в политической и культурной жизни страны. В процессе социализации индивида ценности как правило интериоризируются и начинают образовывать внутренний каркас мотивационных установок личности, тем самым оказывая существенное воздействия на тот или иной тип поведения индивида. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в современном обществе

существует множество ценностей, которые носят противоречивый, а порой и антагонистический характер в отношении друг друга.

Известно, что индивид получает представление о ценностях из мира, в котором он обитает и где происходит его жизнедеятельность. При этом ясно, что далеко не все ценности обладают явным материальным содержанием или могут быть познаны и восприняты в качестве исключительно эмпирических объектов. Изначально ценности влияют на формирование нормативной системы общества. В Российском энциклопедическом словаре «ценность» определяется как «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, определяемая их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности. Критерии и способы оценки этой значимости получают выражение в нормативных представлениях, идеалах, установках, целях» [5, с. 1744]. Вместе с тем очевидно, что ценности связаны напрямую с желаниями индивида и способны управлять его волей, то есть, как правило, обладают для человека катексической значимостью.

Очевидно, что понятие «ценность» имеет философские корни и значение, которое, однако, было существенно трансформировано в период становления новоевропейской субъективности и развития социологической теории. При этом в метафизике и теологии на месте «ценности» красовалось «благо», зачастую отождествляемое с высшим божественным бытием. Ясно, что приписывание вещи или объекту какой-либо ценности свидетельствует о том, что они уже не могут восприниматься как «бесценное сокровище», «бесценный источник жизни» и т.д. Таким образом, понятие «ценность», согласно мнению Х. Йоса, в настоящее время «занимает то место, которое в философской традиции занимало понятие “благо” (das Gute). Но если в отношении блага в этой традиции признавалась возможность обнаружить и раскрыть его через рациональное изучение вселенной или благодаря божественному откровению, т.е. за благом признавался бытийный статус, причем его бытие было даже выше остального сущего, то понятие ценности несло на себе неизгладимый отпечаток сопряженности с субъектом оценивания» [3, с. 37]. Во многом именно организованный капитализм оказал существенное влияние на понимание ценности, которое стало сближаться, а то и вовсе отождествляться с понятием рыночной стоимости (цены за товар). Но возможно, что капитализм лишь усилил отношения между продавцом и покупателем, существовавшие ранее (например – «у нас купец, у вас товар» – русская пословица, иллюстрирующая приобретение жены, основанная на вполне коммерческой оценке свойств женщины), но затем в еще большей степени, разнесенной на все сферы общественных отношений.

В данной связи стоит учитывать, что актер действует главным образом в обжитом, «оцененном» мире, где существует множество фетишизированных объектов, желание обладать которыми рассматривается как легитимная потребность, нуждающаяся в удовлетворении, причем даже в кредит. Так, например, согласно концепции Т. Парсонса, оказывается, что «ценностные ориентации, которые дают возможность человеку соблюдать определенные правила при отборе из наличных альтернатив, не случайны, но имеют тенденцию образовывать систему ценностных ориентаций, которые предоставляют индивиду неко-

торый организованный набор правил (так что эти правила не противоречат друг другу). На культурном уровне мы видим организованный набор правил или стандартов как таковых, абстрагированных, так сказать, от актора, который связывается с этим набором посредством своих собственных ценностных ориентаций и внутри которого они существуют как диспозиция потребностей соблюдать эти правила. Таким образом, культура включает ряд *эталонов*» [4, с. 469]. Вместе с тем стоит предполагать наличие стандартного набора ценностей, минимально необходимых для адаптации и социализации индивида в обществе, которые, однако, только факультативно могут включать в себя или отсылать к ценностям более высокого, например, духовного порядка, связанных с реализацией творческой личности или ее раскрытием. Во всех культурах существуют элитарные ценности, доступные далеко не для всех членов общества, но только для его «избранной» части.

Следуя во многом веберовской теории социального действия, стоит отметить, что выбираемые актором ценности зачастую соответствуют «идеальным» типам действия (за исключением, пожалуй, что *аффективного* типа действия). Таким образом, ценностно-рациональное действие в качестве ценности будет фиксироваться на исполнение морального долга. В рамках целерационального действия оценке будет в первую очередь подвергаться инструментарий, используемый для достижения определенной выгоды, а традиционное действие в свою очередь будет направлено на исполнение обычаев и заветов предков, которые заявили о себе как об основополагающей общественной ценности, необходимой для поддержания соответствующего порядка. В данной связи М. Вебер справедливо отмечал, что «порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения)» [1, с. 478]. Вместе с тем на практике оказывается крайне сложно отличить чисто традиционную ориентацию к действию от ориентации ценностно-рациональной, поскольку сама по себе «традиция», уже сложившаяся на определенной территории и обладающая легитимностью, может рассматриваться как наиболее значимая культурная ценность, в особенности если она позволяет формировать коллективные идентичности и проводить границы между различными группами.

Таким образом, если в классических работах М. Вебера речь шла преимущественно о секуляризации религиозных институтов и эмансипации граждан от обычаев и традиционных норм поведения, то в настоящее время (особенно в российском контексте) все больше обоснований выдвигается о необходимости «консервативного поворота» в направлении поиска традиции, которая, однако, уже неоднократно в истории нашей страны подвергалась разрыву и деструкции. К тому же многие граждане, в том числе и довольно значимые политические деятели, постоянно смешивают «советские ценности» (которые кажутся им вполне традиционными и возможно отчасти являются таковыми) с «православно-крестьянскими» ценностями периода поздней Российской Импе-

рии, противопоставляя их так называемым «западным ценностям» общества потребления.

Поэтому в данной связи стоит ориентироваться на селективный подход, пытаясь синтезировать ценностные установки, особенно обнаруживаемые в нравственно-патриотическом плане, которые были характерны для Российской Империи и Советского Союза, но не периодов кризиса и упадка, а эпох, наиболее благоприятных для развития. При этом не стоит превращать слово «традиция» в живительную мантру, многократное повторение которой будто бы позволит преодолеть все противоречия, имеющиеся в ценностном измерении современного общества, попутно навязывая идеальный образ «мира традиции». Возможно, стоит обратить пристальное внимание на достижения предков в плане не одного только сохранения религиозно-общинных традиций, модернизации страны, а исходя из достижений современной науки и техники. Поэтому не стоит игнорировать или замалчивать достижения модерна, тем более ради ценностей, которые только выдаются за «традиционные», а по факту сами являются побочным продуктом не совсем удавшейся модернизации.

В принципе можно эмпирически зафиксировать, что чем древнее известная нам традиция, тем большей ценностью она обладает для своих представителей и сторонников. Поэтому не удивительно, что зачастую тем или иным культурным традициям или обычаям могут приписывать значительно большую древность, чем это имеет место на самом деле. Однако не за всякой традицией может быть признана ее заявленная древность, что в целом несколько снижает ее ценность. Так, например, ряд религиозных традиций, прежде всего «протестантизм», оказал сильное влияние на формирование самого облика раннего Нового времени, секуляризации религии, и несомненно, что данная традиция сама несет на себя печать модерна. Тем не менее, несмотря на то, что традиционалист – это не тот актер, действие которого обязательно является традиционным в веберовском смысле, его следует особо выделять как самостоятельный культурно-антропологический тип. В целом стоит заметить, что традиционалист главным образом ориентируется на позитивный опыт предков, а прежний характер их действий рассматривается как ценность. Так, согласно определению Д.Б. Зильбермана, традиционалистом оказывается тот, кто «позитивно санкционирует («одобряет») поступки предков тем, что подтверждает их действительность, как действительность его поступков подтвердят санкции будущего. Но эти санкции могут быть негативными, между тем как традиционное сознание, как будто всегда, отмечает согласованность прошлых событий с императивными требованиями настоящего» [2, с. 62–63]. Однако по мере удаления от некогда актуальных исторических событий, выступающих нормативным образцом и предметом рефлексии, традиционалисту приходится заново переизобретать саму традицию. Поэтому важно отличать традиционалиста от аутентичного представителя по-настоящему традиционного общества (которое не было подвергнуто значительной модернизации, совершавшейся в первую очередь по западным образцам). Первый тип сформировался уже после разрыва с традицией, тогда как второй не порывал с ней, по крайней мере не делал этого радикально.

Следует отметить, что и традиционный тип действия является залогом поддержания стабильности, прочности и предсказуемости определенной культуры и обнаруживаемых в ней и типичных для нее поведенческих паттернов. В данной связи анализ Д.Б. Зильбермана показал, что рассмотрение «понятия традиционного действия не как ориентированного на достижение определенной цели, а как обеспечивающего реализацию нормы позволяет увидеть в традиции натуральный механизм воспроизводства социальных отношений, в отвлечении от способов приведения его в действия, то есть осознания. Последнее, впрочем, не означает, что традиция – автоматична, не осознаваема как таковая» [2, с. 240]. Таким образом, традиционные ценности служат ориентиром для акторов, поскольку являются свидетельствами сохранности тех или иных культурных сообществ на протяжении многих веков или даже тысячелетий, особенно когда речь заходит о религиозных традициях.

Таким образом, ценности во многом формируют как габитус самой личности, так и сеть стремлений различных групп общества и их коллективных представлений, включая и представления о своем собственном месте в структуре социума и мира. Следовательно, ценности оказываются необходимым компонентом как формирования социальной структуры, включающей в себя множество идентичностей, так и ее последующей социокультурной регуляции, тем самым формируя стандарты для солидарности членов общества, либо напротив способствуя возникновению (часто перманентного) социального конфликта, во многом обусловленного наличием резко противостоящих друг другу ценностных установок, характерных для поляризованных групп населения.

Итак, под традиционными ценностями нами понимаются ценности, связанные с наследием предков, сохранением обычаев, в том числе, например, патриархальной семейной жизни, многодетности и так далее. Вместе с тем высокая оценка подобного рода социальных стандартов и стремление к их исполнению в особенности для основной массы модернизированного населения нашей страны будет определяться не традиционным типом действия (в веберовском смысле), а скорее носить ценностно-рациональный или даже целерациональный характер. Ведь выступление в роли консерватора и традиционалиста может подкрепляться соответствующими социальными благами, а, следовательно, актер может выстраивать подобную стратегию почти исключительно на инструментальной основе. Набор традиционных ценностей, включая достижения классического модерна в сфере науки, культуры и политики, которые уже сами стали восприниматься как ценности вполне традиционные, по-прежнему играет ключевую роль в структуре социокультурной регуляции современного общества. Поэтому перспективы трансформации самих традиционных для России ценностей будет во многом зависеть от соблюдения баланса между сохранением религиозных обычаев и норм поведения, а также укреплением достижений «зрелого модерна» и их дальнейшим внедрением в развитие страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 656 с.
2. Зильберман Д.Б. К пониманию культурной традиции. – Москва: Институт развития им. Г.П. Щедровицкого; Политическая энциклопедия, 2015. – 623 с.
3. Йоас Х. Возникновение ценностей. – С.-Петербург: Алетейя, 2015. – 312 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Москва: Академический проект, 2002. – 880 с.
5. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2001. Кн. 2: Н–Я. – С. 1027–2015.

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Чистюхина М.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Защита конституционных и традиционных ценностей как средство обеспечения целостности государства предполагает наличие определенных механизмов, направленных на сохранение и укрепление традиционных ценностей, противодействие распространению деструктивной идеологии.

Ключевые слова: традиционные ценности, государственная политика, поддержка соотечественников за рубежом, защита общества от деструктивной идеологии.

PROTECTION OF CONSTITUTIONAL AND TRADITIONAL VALUES AS A MEANS OF ENSURING THE INTEGRITY OF THE STATE

Chistyuhina M.V.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the protection of constitutional and traditional values as a means of ensuring the integrity of the state presupposes the existence of certain mechanisms aimed at preserving and strengthening traditional values, countering the spread of destructive ideology.

Keywords: traditional values, public policy, support for compatriots abroad, protection of society from destructive ideology.

На современном этапе развития нашего государства защита конституционных и традиционных ценностей приобрела наибольшую актуальность. В соответствии с п. «в» части 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации Правительству Российской Федерации предписано проводить политику, направленную на сохранение традиционных семейных ценностей. Это свидетельствует о том, что законодатель коррелирует традиционные ценности с ценностями семейными. И это является неслучайным, так как низкий уровень рождаемости, естественная убыль населения требует от государства решительных мер, в том числе, связанных с охраной и укреплением традиционных ценностей. Это одна из первостепенных задач, которая стоит перед государством, включая проведение демографической политики России.

В целях защиты и укрепления традиционных ценностей государство в лице законодателя принимает законы и иные нормативно правовые акты, направленные на усиление государственного аппарата в данной области. Так, к правовой основе укрепления традиционных ценностей относятся: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]; распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4]; Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2022 № 411 «О Дне семьи, любви и верности» [2]; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] и т.д.

В соответствии с п. 19 раздела II Стратегии национальной безопасности Российской Федерации все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства. На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. То есть рядом недружественных государств проводятся целые информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Это проявляется и в ограничении использования русского языка, запрете деятельности российских СМИ, вводятся различные санкции в отношении российских спортсменов и деятелей искусства и т.д. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей.

Нередки случаи, когда Российскую Федерацию необоснованно обвиняли в нарушении международного законодательства, вмешательстве во внутренние дела иностранных государств. Граждане Российской Федерации и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что эта так называемая гибридная война против нашего государства, развязанная «кол-

лективным Западом», является судорожной попыткой удержать свое доминирование на международной арене. Конечно, все эти действия не могли, не отразиться в негативном плане на наших соотечественниках, которые проживают в недружественных государствах. По сути, наши соотечественники столкнулись с новой формой расизма и неонацизма, практикой вытеснения русского языка, отрицанием достижений российской культуры, искусства, спорта и основ духовного развития русского народа.

В связи с этим нашим государством проводится политика, направленная на всестороннюю поддержку наших соотечественников, защиту их прав и законных интересов, сохранение культурной идентичности, противодействие попыткам разобщить и дискредитировать Русский мир. Несмотря на продолжающееся информационно-психологическое давление, а в ряде стран и прямые угрозы благополучию и безопасности, российские соотечественники в подавляющем большинстве демонстрировали единство и активную гражданскую позицию, продвигали культурно-гуманитарную повестку, не бросали усилий по противодействию ксенофобским настроениям.

На фоне многочисленных случаев уголовного и административного преследования соотечественников возрастает актуальность правозащитной проблематики. Россия содействует подключению к этой работе профильных российских некоммерческих организаций, прежде всего, Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

Важнейшим событием, направленным на укрепление традиционных ценностей России, стала состоявшаяся в ноябре 2023 г. в Москве Всемирная тематическая конференция «Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей – залог единства российских соотечественников», в ходе которой свыше 180 представителей диаспоры из 82 стран твердо высказались за сохранение и защиту традиционных нравственных ориентиров, поддержание образа современной России как одного из главных защитников исконных духовно-нравственных ценностей и традиционной семьи, пример взаимодействия народов, культур и религий на основе взаимного уважения и согласия.

При содействии российских заграничных учреждений организациями соотечественников в более чем 120 странах проведены мероприятия, посвященные 78-й годовщине Победы: церемонии возложения венков и субботники у мемориалов и мест захоронений советских воинов, протокольные мероприятия, концерты, фотовыставки, кинопоказы, спортивные соревнования. Особое внимание уделялось акции «Бессмертный полк», которая состоялась очно в 93 государствах. Все это – яркие примеры вклада российской зарубежной общины в борьбу с фальсификацией истории и сохранение правды о Великой Отечественной войне [5].

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что государство проводит достаточно активную политику защиты конституционных и традиционных ценностей, способствует формированию массового сознания роли традиционных российских духовно-нравственных, культурно-исторических ценностей, неприятие обществом навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2022 № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 28.06.2022.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.09.2021 № 2580-р (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 39. – Ст. 6751.
5. Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, поступившие к пресс-конференции Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 году [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/ (дата обращения: 01.10.2024).

ПРАВОМЕРНОСТЬ, ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шаповал Н.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: в данной статье рассматривается ценностный (аксиологический) аспект правомерности, законности и справедливости. Подчеркивается, что эти понятия укоренены в самой сути человеческого существования, в его фундаментальных законах и потребностях. Автор приходит к выводу о том, что в аксиологическом аспекте рассматриваемые категории оказываются неразрывно связанными с массовым правовым сознанием. Рассматриваются фундаментальные ценности, имеющие первостепенное значение для российского массового правосознания, а также определяется перечень (набор) требований к организации и функционированию правоохранительной системы.

Ключевые слова: ценность, правомерность, законность, справедливость, аксиологический аспект, деятельность сотрудников органов внутренних дел.

RIGHTFULNESS. LEGALITY AND JUSTICE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: AN AXIOLOGICAL ASPECT

Shapoval N.A.,

Candidate of Law

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: this article examines the axiological aspect of legitimacy, legality and justice. It is emphasized that these concepts are rooted in the very essence of human existence, in its fundamental laws and needs. The author comes to the conclusion that in the axiological aspect, the categories under consideration turn out to be inextricably linked with the mass legal consciousness. The fundamental values that are of primary importance for the Russian mass legal consciousness are considered and a list (set) of requirements for the organization and functioning of the law enforcement system is also defined.

Keywords: value, lawfulness legality, justice, axiological aspect, internal affairs officers` activities.

Президент Российской Федерации В.В. Путин 9 ноября 2022 г. подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1], однако масштабное осмысление данного Указа в современном обществе пришло только к настоящему времени. Указ включает те основные, базовые ценности, скрепы, о которых в современном обществе говорили ранее и которые не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. Так почему же именно сейчас тема духовно-нравственных ценностей не только интересна, но и важна для России, для нашего общества?

Если выражаться казенным языком, то одной из главных целей Российской Федерации как государства является народосбережение, благополучие народа, его здоровья, поддержка семьи и т.д. А возможно это только тогда, когда будет суверенитет, территориальная целостность, национальная безопасность, единство всех наций и народностей, проживающих на территории Российской Федерации. Если сказать проще, то термин традиционные ценности состоит из двух слов «традиция» и «ценность». Традиция – это то, что передано из поколения в поколение на протяжении веков и усвоено нами. При этом передаче подлежали преимущественно наиболее важные знания, от которых зависело существование общества, в их числе правовые, регулирующие отношения между людьми в целях общего блага. Ценность – это особое значение, которое субъект приписывает объекту. Сами по себе вещи или явления не обладают ценностью. Лишь когда человек выделяет что-либо, основываясь на способности удовлетворять свои потребности, это становится для него ценностью. Следовательно, ценность – это то, что мотивирует людей удовлетворять свои желания, потребности и интересы, побуждая их прилагать усилия для достижения, создания, сохранения и приумножения желаемого. Очевидно, что ценности

прямо связаны с желаниями конкретной личности и способны управлять его волей, то есть, как правило, обладают для него особой значимостью.

Какие же требования предъявляются к организации и функционированию правоохранительной системы? По нашему мнению, деятельность сотрудников правоохранительных органов рассматривается через призму ключевых, традиционных для российского массового правосознания ценностей. Эти базовые, основополагающие принципы, обусловленные спецификой правового менталитета России, оказывают определяющее влияние на оценку их работы.

Во-первых, имеет значение соответствие действий сотрудников правоохранительных органов не только формальным требованиям закона, но и его морально-религиозному содержанию, а также идее справедливости и правды.

Как отмечают исследователи, русская культура «формирует особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, феномен «очарованного странника», взыскующего не материальных ценностей, не жизненного успеха, а правды, справедливости и смысла жизни» [2]; «человек российской цивилизации – это «духовный человек», то есть человек, взыскующий смысла жизни, чувствительный к правде жизни, отстаивающий нравственное отношение к миру» [4].

Принимая во внимание, что понятия правоты и праведности, играющие важную роль в русском правовом сознании, близки к идее правового закона, тем не менее нельзя сводить требование правомерности к простому соблюдению законности в действиях органов внутренних дел (далее – ОВД). Законность предполагает соответствие действий сотрудника общепризнанным представлениям о рациональном и разумном, в то время как правомерность предполагает их нравственную чистоту и «очищение от неправды».

Во-вторых, не менее важным и логически вытекающим из первого является требование справедливости. Справедливость, будучи значимой ценностью сама по себе, занимает одно из ведущих мест в российском общественном и профессиональном сознании сотрудников ОВД. В то же время ценность справедливости также подкрепляется распространенными представлениями о том, что следует «исправлять несправедливость, заложенную в нормах закона, вытекающую из его применения, невозможно» [9].

Важно также отметить, что российское правосознание, присущее сотрудникам ОВД, неразрывно связано с нравственным сознанием, при этом справедливость выступает критерием нравственности для всего, что имеет отношение к праву или претендует на это. «Справедливость является основным ценностным ориентиром, посредством которого сопоставляются произошедшие явления с представлениями о нравственном идеале» [5]. Российское правосознание характеризуется особым пониманием справедливости, которая определяется как нравственно одобренная соразмерность в распределении благ и тягот совместной жизни людей. Это понимание также включает в себя оценку эффективности способов сотрудничества и уравнивания конфликтующих интересов в обществе. В основе теории справедливости лежит признание взаимозависимости и равенства индивидов в контексте их совместного существования.

В-третьих, важно отметить требование соответствия поведения сотрудника ОВД актуальным общественным потребностям и интересам, которые определяются конкретным историческим этапом развития общества. Ценностным фундаментом этого требования служит принцип коллективизма. Поскольку «российская система ценностей изначально ориентирована на общественный идеал, на общее Благо» [4], способность сотрудника правоохранительных органов обеспечивать реализацию общих интересов с точки зрения российского массового правосознания служит важным критерием оценки правомерности его деятельности.

Стоит отметить, что суть рассматриваемого требования, с позиции видения общественного правосознания, отличается от того, как ее интерпретируют ученые. Последние определяют социальную адекватность как требование, направленное на «соответствие коренным интересам и потребностям общества, социальных групп, отдельной личности» [3].

В-четвертых, следует подчеркнуть важность требования не ставить перед сотрудником ОВД задачи, обусловленные текущей политической ситуацией. Здесь стоит отметить, что тесная связь правового сознания с нравственными и религиозными принципами обуславливает представление о правоохранительной деятельности в массовом сознании как об инструменте государства, призванном решать общественно значимые вопросы, удовлетворять общественные потребности и реализовывать свое предназначение, опираясь на ценности служения и ответственности, а не на политические цели.

В-пятых, можно выделить требование, касающееся соответствия деятельности сотрудников ОВД патерналистским ожиданиям, характерным для российского общества. Это требование проистекает из специфической особенности российского правосознания – патернализма, который, согласно мнению И.Б. Орлова, является «культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре» [6]. В обществе укоренилось представление о том, что справедливая и праведная власть обязана «защищать Святую Русь», обеспечивая благополучие и безопасность граждан. Соответственно, органы внутренних дел рассматриваются как необходимый элемент этого механизма, осуществляющего заботу о человеке.

В-шестых, в перечне требований важное место занимает соответствие морально-нравственных и профессиональных качеств, проявляемых сотрудником ОВД в правоприменительной деятельности, идеальному образу, характеризующемуся определенным набором родовых черт. Иными словами, деятельность сотрудника органов внутренних дел с точки зрения российского общественного правосознания должна воплощать в себе идеальный образ, отвечающий ожиданиям общества. При этом, и это особенно важно подчеркнуть, на первый план выходят не столько его профессиональные навыки, сколько морально-нравственные качества. Он должен быть образцом, ориентиром и в какой-то степени нравственной самооценностью, обеспечивая своей деятельностью «повышение нравственного потенциала в обществе» [7].

В-седьмых, следует акцентировать внимание на требовании законности, которое является не только базовым принципом правового государства и нахо-

дит закрепление в ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения должны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы», но и адресовано ко всем участникам правовых отношений, в том числе и к сотрудникам органов внутренних дел [8].

Сотрудник, усваивая определенные правовые ценности, интериоризирует их в нормы своего поведения и жизни. Это, в свою очередь, способствует формированию механизма мотивации, ориентированного на правомерное поведение в конкретных ситуациях, значимых с правовой точки зрения. Таким образом, развитие личности сотрудника, достижение им высокого уровня правосознания и правовой культуры являются опосредующими факторами мотивации, лежащей в основе правомерного поведения.

Обобщая приведенные выше рассуждения, можно отметить, что с точки зрения ценностного аспекта деятельность сотрудников ОВД признается правомерной при наличии следующих критериев:

- соответствие деятельности сотрудника ОВД духу права, его морально-религиозному наполнению, а также стремлению к истине и справедливости;
- соответствие поведенческих реакций сотрудника ОВД текущим общественным потребностям и интересам, определяемым конкретным историческим этапом социальной эволюции;
- соответствие осуществляемой деятельности сложившейся патерналистской модели взаимоотношений между обществом и государством;
- соответствие сотрудника ОВД идеалу правоохранителя, сформированному в массовом сознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Гарант».
2. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. Социокультурные проблемы политического партнерства. – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 269 с.
3. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1992. – 42 с.
4. Мантанов В.В., Мантанова Л.В. Революция в ценностях: Философские перспективы цивилизационного развития. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2007. – 263 с.
5. Нестерук Е.С. Справедливость в современном российском правосознании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Н. Новгород, 2008. – 27 с.
6. Орлов И.Б. Проблема формирования единой российской политической культуры и становление отечественного гражданского общества // Политическая культура России: история, современное состояние, тенденции, перспективы: сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 7–10.

7. Рашева Н.Ю., Гомонов Н.Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9. – № 1. – С. 172–181.

8. Шаповал Н.А., Лысенко В.А. К вопросу о понятии и гарантиях законности // ADVANCES IN LAW STUDIES: электронный журнал. 2024. – Т. 12. – № 3. – С. 1–5.

9. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. – Москва: Норма 2006. – 142 с.

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «УМНЫЙ ГОРОД»

Щербакова Н.В.,

кандидат технических наук, доцент

(Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Филиал Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области))

Аннотация: выполнен анализ динамики индекса качества городской среды на примере Ростовской области. По итогам 2023 г. город Ростов-на-Дону занял 14 место по индексу качества городской среды среди 15 городов-миллионников России. Показатель «умное ЖКХ» во всех крупных городах Ростовской области имеет тенденцию к снижению. Выполнен анализ применения цифровых технологий в ЖКХ на примере города Шахты. Для повышения показателей «умного ЖКХ» предложены три уровня действий.

Ключевые слова: цифровые технологии, городская среда, индекс качества, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство, инструмент.

MAIN TOOLS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE SMART CITY PROJECT

Shcherbakova N.V.,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

(Institute of services and entrepreneurship (Branch Don State Technical University in Shakhty, Rostov region))

Abstract: the analysis of the dynamics of the quality index of the urban environment is carried out using the example of the Rostov Region. According to the results of 2023, the city of Rostov-on-Don took 14th place in the urban environment quality index among 15 million-plus cities in Russia. The "smart housing and communal services" indicator in all cities of the Rostov region has a downward trend. An analysis of the use of digital technologies in housing and communal services was carried out

using the city of Shakhty as an example. Three levels of action are proposed to eliminate the shortcomings (increase the smartness of housing and communal services).

Keywords: digital technologies, urban environment, quality index, housing and communal services, improvement, tool.

«Умный город – это город, в котором органами власти и населением применяются высокие технологии для осуществления коммуникации, чтобы плодотворно использовать имеющиеся ресурсы для повышения уровня жизни, меньшей степени нанесения урона окружающей среде, для поддержки внедрения инноваций, а также для рационального использования энергии и экономии затрат» [1].

Рассмотрим реализацию проекта «Умный город» в крупных городах Ростовской области с численностью населения 100 тыс. человек и выше.

Благоустройство территорий в Ростовской области составило 757 объектов с 2019 по 2023 гг. Индекс качества городской среды (IQ) в крупных городах Ростовской области приведен в таблице 1.

Таблица 1. Индекс качества городской среды в крупных городах Ростовской области [2]

Наименование	2019	2020	2021	2022	2023
Количество городов с благоприятной средой	3	4	8	10	15
Ростовская область	167	174	181	186	197
Ростов-на-Дону (города миллионники, 15 городов)	8	12	14	13	14
Таганрог	220	222	223	223	235
Батайск	178	180	189	186	197
Волгодонск	169	179	180	197	203
Шахты	132	146	161	164	179
Новочеркасск	169	179	195	193	202
Новошахтинск	122	131	139	154	164

Из таблицы 1 видно, по итогам 2023 г. город Ростов-на-Дону занял 14 место по индексу IQ среди 15 городов-миллионников России. Индекс качества городской среды во всех крупных городах Ростовской области имеет положительную динамику. Проект «Умный город» успешно реализуется в Таганроге, Волгодонске и Новочеркасске. Рассмотрим показатели индекса IQ крупных городов Ростовской области (см. таб. 2).

Таблица 2. Показатели индекса IQ крупных городов Ростовской области
(динамика IQ 2023 г. по отношению к 2022 г.) [2]

Наименование показателя	Баталов	Волгодонск	Новочеркасск	Новошахтинск	Ростов-на-Дону	Таганрог	Шахты
Городское управление	+2,64	+4,79	+2,28	+1,83	-0,78	-1,28	+4,40
Инновации для городской среды	+5,45	+6,59	+4,11	+4,12	+1,57	+6,04	+3,28
Интеллектуальные системы общественной безопасности	+3,45	-1,79	+6,42	+0,37	+0,20	-0,71	+5,53
Интеллектуальные системы социальных услуг	+3,45	+6,00	+8,50	+11,00	-1,68	-2,96	+7,00
Интеллектуальные системы экологической безопасности	-0,55	-1,80	-0,78	-0,76	-0,43	-0,46	-1,47
Инфраструктура сетей связи	-11,55	0,00	+1,00	+5,00	+1,00	+12,00	+4,00
Туризм и сервис	+2,95	+1,25	+3,73	+2,24	+1,40	+1,87	+2,78
Умное ЖКХ	-3,25	-6,80	-4,19	-7,58	-5,53	-6,46	-1,52
Умный городской транспорт	+0,45	-0,90	+1,41	-3,51	+2,54	+0,11	-1,18
Экономическое состояние и инвестиционный климат	-7,55	-1,79	-1,27	-2,76	-10,93	-8,46	+6,50

Положительная динамика индекса IQ наблюдается по большинству показателей. Отрицательная динамика индекса IQ наблюдается по трем показателям:

- интеллектуальные системы экологической безопасности;
- умное ЖКХ;
- умный городской транспорт.

Рассмотрим каждый недостаток в индексе IQ подробнее.

Интеллектуальные системы экологической безопасности. Основным в данном показателе является экономия ресурсов. Например, основным инструментом для экономии ресурсов являются цифровые технологии в ЖКХ. Выполнен анализ применения цифровых технологий в ЖКХ на примере города Шахты.

Таблица 3. Анализ применения цифровых технологий в ЖКХ города Шахты

Наименование показателя	Выполнение показателя	Примечание
Электронный паспорт много-квартирных домов (МКД)	1 475 МКД	в ГИС ЖКХ
Единая автоматизированная диспетчерская ЖКХ	нет	работает круглосуточно единая дежурная диспетчерская служба (ЕДДС): 23-72-46; 23-73-36, с мобильных телефонов 112
Мобильные предложения для общения с управляющей организацией	частично	ТСЖ/ЖСК/ЖК создали группы в соц. сетях. УК создают группы в соц. сетях
Автоматическая диспетчеризация приборов учета потребления ресурсов	нет	
Умное освещение	частично	
Умные счетчики потребления энергоресурсов: индивидуальные	12% МКД	
Умные счетчики потребления энергоресурсов: общедомовые	11% (283 МКД)	в некоторых МКД нет технической возможности для установки
Умные счетчики потребления воды: индивидуальные	8,6%	
Умные счетчики потребления воды: общедомовые	1 475 МКД (57,4%)	
Умные счетчики потребления газа: индивидуальные	16%	
Умные счетчики потребления газа: общедомовые	0	
Умные счетчики потребления тепла: индивидуальные	12%	квартиры с индивидуальным отоплением
Умные счетчики потребления тепла: общедомовые	404 МКД	
Датчики движения или шума в местах общего пользования многоквартирных домов города	частично	
Технологии мониторинга движения коммунальной техники	частично	
Установка системы дистанционного снятия показаний с приборов учета коммунальных ресурсов	нет	план декабря 2023 г., пока так и не выполнен
Платформа «Активный гражданин»	есть	работает в городе

Анализ применения цифровых технологий в ЖКХ города показывает, с одной стороны, низкие результаты, а с другой, что показатели взаимосвязаны. Например, чтобы создать «Единую автоматизированную диспетчерскую ЖКХ» нужно все дома города оборудовать умными приборами учета потребления ресурсов, что положительно отразится и на ресурсосбережении.

Для ЖКХ разработаны две группы технологий:

1) комплексные – меняют саму систему (история каждого дома, его состояние, его проблемы, контакты с управляющей организацией, финансовые операции, оплата услуг);

2) коммуникационные – обеспечивают взаимоотношения человека с ЖКХ (мобильные предложения, ГИС ЖКХ, Госуслуги Дом, умные домофоны и счетчики, личные кабинеты, персональный расчет тарифов по услугам, сбор и ведение базы данных и т.п.).

Инструменты «умного ЖКХ»: умный домофон, умные счетчики расхода ресурсов, умные мусорные баки, умное освещение, датчики утечки воды.

Инструменты умного городского транспорта: системы ГЛОНАСС, умные остановки и светофоры, интеллектуальное управление дорожным движением и парковочным пространством, уличные опоры освещения под постоянным видеонаблюдением с системой видео аналитики и идентификации, наличие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город».

Анализ инструментов в реализации проекта «Умный город» позволяет выявить сильные и слабые стороны действий по каждому показателю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проект Умный город // Официальный сайт проекта «Умный город» в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://city-smart.ru/info/124.html> (дата обращения: 22.05.2024).

2. Аналитика по национальному проекту «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pdminstroy.ru/rostovskaya-oblast> (дата обращения: 26.09.2024).

3. Оценка эффективности внедрения элементов «Умный город» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 23.05.2024).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Яловенко Т.В.,

кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования культуры прав человека в современной России. Автором приведены основные права и свободы человека, их соблюдение. Отмечается противоречивое отношение к правам человека в обществе и иногда недостаточная защита этих прав на практике. Научная новизна публикации состоит в предложенном автором подходе по повышению уровня культуры прав человека.

Ключевые слова: культура, права, государство, защита, соблюдение, образование, просвещение.

THE PROBLEM OF FORMING A CULTURE OF HUMAN RIGHTS IN MODERN RUSSIA

Yalovenko T.V.,

Candidate of Law, Associate Professor
(Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: the article examines the problem of forming a culture of human rights in modern Russia. The author presents the basic human rights and freedoms and their observance. It notes the contradictory attitude towards human rights in society and sometimes insufficient protection of these rights in practice. The scientific novelty of the publication lies in the approach proposed by the author to increase the level of human rights culture.

Keywords: culture, rights, state, protection, observance, education, enlightenment.

Культура прав человека способствует формированию сильного гражданского общества, где люди понимают свои права и обязанности и готовы отстаивать их законными способами.

Формирование культуры прав человека требует усилий как со стороны государства, так и от гражданского общества и только при скоординированных действиях всех сторон можно создать условия, в которых граждане будут знать и уважать свои права, а государство – предоставлять им необходимые гарантии и защиту и обеспечивать их реализацию.

Права и свободы выступают в качестве ключевого элемента социального статуса личности. Права человека можно представить как социальные и юридические возможности пользоваться социальными, материальными и другими благами. Понимание и соблюдение прав человека формируют доверие к институтам власти и между людьми. В обществе, где права человека защищены,

снижается риск конфликтов и насилия, так как люди знают, что их права и достоинство защищены.

Признание прав и свобод человека, а также провозглашение их высшей ценностью являются признаками правового государства, закрепленными в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) [1]. Обеспечение каждого гражданина правами достигается посредством правовых гарантий защиты прав, предоставляемых государством.

Закрепленные в Конституции положения о правах и свободах человека и гражданина относятся к числу ее неоспоримых достоинств. В качестве одной из основ конституционного строя (ст. 2) провозглашено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом Конституция исходит из врожденного и неотчуждаемого характера основных прав и свобод человека.

Однако принцип равенства индивидуальных прав и свобод определяет также и их пределы, определенные рамки их всеобщего признания и реализации. Так, согласно ч. 3 ст. 17 Конституции «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

В зависимости от содержания или сферы общественных отношений права человека подразделяются на личные или гражданские, политические, социальные, экономические и культурные. Конституция придерживается именно такого деления, что можно обнаружить в порядке самого следования статей.

В Конституции 1993 года получили признание такие права и свободы, как: право каждого на жизнь и свободу, право каждого свободно выезжать за пределы России и беспрепятственно возвращаться, право коллективных обращений в государственные органы, право каждого не свидетельствовать против себя самого и другие. Рассмотрим кратко основные права и свободы человека и гражданина.

Право на жизнь – основа для всех прав и свобод и является естественным правом человека. Право на жизнь – это личное неимущественное право гражданина на владение и пользование жизнью, а также ее защиту незапрещенным законом способом. Право на свободу и личную неприкосновенность представляет собой совокупность юридических возможностей человека, связанных с реализацией его воли и защитой от неправомерного физического и психологического посягательства со стороны окружающих и государства. С целью защиты рассматриваемого права установлен судебный порядок ареста, заключения и содержания под стражей и т.д.

Право на образование является основополагающим правом и в то же время выступает в качестве механизма реализации многих других гражданских и политических, экономических и социальных прав. В первую очередь, право на образование теснейшим образом связано с правом на труд, правом на свободный выбор профессии и получение достойного заработка, так как образование открывает большие возможности для трудовой деятельности.

Социальное государство ориентировано на обеспечение достойных условий жизни различных уязвимых категорий населения. Дети, в силу своего возраста, особенно остро нуждаются в дополнительной поддержке и защите. Они не всегда способны понять, что их права нарушаются. Наряду с этим даже

в случае осознания ущемления своих законных интересов несовершеннолетние не могут принять адекватных мер к их восстановлению. В этом случае на помощь должны приходить их родители, законные представители.

Вместе с тем Российская Федерация, закрепляя в Конституции положение о том, что является социальным государством, подтверждает принятие на себя обязательств по защите и помощи тем гражданам, которые в силу различных причин в этом нуждаются. Государство признает семью, детей и родителей одними из важнейших ценностей, которые нуждаются в особой защите и поддержке. Во исполнение данного конституционного положения государством создаются различные механизмы, призванные восполнить и восстановить социальное положение детей и их родителей.

Ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина Федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Помимо общесудебной защиты прав и свобод и человека и гражданина в Конституции указаны институты и должностные лица, в обязанности которых входит обеспечение этих прав и свобод, к ним можно отнести Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и других.

Важное значение имеют и международные формы защиты прав и свобод человека. Так, Конституция (ч. 3 ст. 46) признает право каждого человека обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпан весь комплекс имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты. Защита прав является юридической формой государственного управления, которая обеспечивает реальную правовую защиту человека.

Взаимодействие с органами государственной власти, а также право на обращение с предложениями и заявлениями по различным вопросам является важным элементом в системе прав человека, поскольку оно не только предоставляет гражданам возможность влиять на процессы принятия решений в той или иной сфере, но и способствует укреплению общественного контроля над действиями властей. Возможность участия в митингах, собраниях и шествиях (ст. 31 Конституции Российской Федерации) дополнительно подчеркивает свободу выражения мнений и позиций по актуальным вопросам, что является неотъемлемой частью демократического участия граждан в общественной жизни и важным инструментом для привлечения внимания общественности и властей к актуальным проблемам общественной жизни.

Некоторые граждане видят в правах человека важнейшую часть своей жизни и готовы защищать их, участвуя в митингах, обращаясь в суды или международные организации. В то же время часть населения, особенно в условиях экономических и политических трудностей, может считать, что права человека – это менее приоритетная тема по сравнению с вопросами стабильности и безопасности.

Проведенное А.А. Дыжевой исследование по вопросам защиты прав молодежи показало, что в случае нарушения их прав молодые люди рассчитывают на помощь семьи «(56,5% молодых людей Российской Федерации и 40,1% – Республики Беларусь), далее идут правоохранительные органы (37,8%), адвокаты – 37,1%. При этом отметим, что практически 35% опрошенных рассчитывают на собственные силы» [3, с. 53].

В России уровень защиты прав человека определяется не столько конституционным перечнем этих прав, сколько трактовкой законодателем и правоприменителем ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которой основные права и свободы могут быть ограничены Федеральным законом для защиты перечня конституционных ценностей общего блага.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в российской Федерации за 2023 год отмечается, что государственная правозащитная деятельность осуществлялась с учетом глобальных вызовов современности. Результаты исследования Фонда «Общественное мнение» 2023 года по вопросу значимости соблюдения конституционных прав и свобод, ситуации с соблюдением прав человека в России показали позитивный тренд состояния защищенности этих ценностей. За 25 лет количество граждан, которые считают, что в целом в России права человека соблюдаются, выросло с 17 до 52%. Напротив, количество граждан, которые считают, что права в России не соблюдаются, уменьшилось: с 75% в 1998 году до 36% в 2023 году. В то же время отмечается рекордное число обратившихся граждан к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, в 2023 году поступило более 93 тыс. [2].

Среди негативных моментов реализации конституционных прав Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации отметил, что чаще всего граждане Российской Федерации обращаются по поводу неэффективной бесплатной медицинской помощи, нарушения прав на бесплатное образование, **права на личную свободу и неприкосновенность**, что требует эффективных мер со стороны государства. Одним из главных запросов общества и приоритетов сегодняшнего дня является оказание содействия в лечении и реабилитации, получении выплат, льгот, иной помощи участникам специальной военной операции и членам их семей, обустройство новых территорий и создание для их жителей условий, соответствующих уровню граждан Российской Федерации. Необходимо продолжать усиление гарантий прав данных категорий граждан, в качестве первоочередной задачи поставить под жесткий контроль соблюдение уже установленных льгот и пособий.

Среди проблем формирования культуры прав человека в России можно выделить недостаток правового просвещения населения, противоречивое отношение к правам человека в обществе и недостаточную защиту этих прав на практике.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина являются базисом современного российского общества. Российская Федерация закрепила основные права и свободы граждан в Конституции, которая в целом соответствует международным стандартам. Конституция гарантирует такие права, как право на жизнь, свободу слова, медицинскую помощь, право на личную неприкос-

новенность и другие. Однако на практике реализация этих прав сталкивается с различными трудностями. В современный период можно отметить неудовлетворенность населения уровнем реализации некоторых прав и свобод человека, что вызывает острую необходимость повышения их защищенности.

Формирование культуры прав человека в современной России – это долгосрочный процесс, требующий усилий государства, гражданского общества и международного сообщества.

В условиях современных вызовов важно создавать условия для роста правового просвещения, защиты прав граждан и развития правозащитных институтов, чтобы построить правовое государство, уважающее права и свободы каждого. Целесообразно расширить существующий курс обществознания, добавив учебные модули о правах человека, основах конституционного права, о международных правах и обязанностях, механизмах защиты и примерах правозащитной деятельности. Для формирования культуры прав человека необходимо принимать меры, направленные на повышение правовой грамотности, защиту правозащитной деятельности и повышение доверия к государственным и общественным институтам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 01.07.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Доклад Уполномоченного по правам человека в России за 2023 год. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 25.10.2024).

3. Дыжова А.А. Взаимосвязь правовой грамотности молодежи с особенностями защиты их прав и законных интересов / Передовые технологии в науке и образовании: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кемерово, 14 июня 2023 г.). – Кемерово, 2023. – С. 51–53.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Л.А., Лысак М.В.	Изменения в правосознании общества в современных условиях	3
Асеев А.А.	Краткая историческая ретроспектива развития идеологии в России как фактора укрепления основ государственности	7
Богданов Е.В.	Налог на бездетность: опыт советского союза	14
Буняева К.В., Зайцев В.А.	Традиционные семейные ценности в современном российском обществе	17
Васильев В.В.	Опыт проведения партийно-политической работы во внутренних войсках МВД СССР	24
Волобуева Н.Д.	Идейно-ценностные основы формирования российского правосознания	29
Вородюхин С.Е.	Роль института семьи в воспитании антикоррупционной культуры	33
Долин В.А.	Религиозные основы традиционных российских духовно-нравственных ценностей	37
Дурнева Н.С.	Право на свободу вероисповедания как базовая ценность в современных клерикальных государствах	43
Ерыгин А.А.	Организационная основа реализации в субъектах Российской Федерации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей	48
Ерыгина В.И.	Безопасность в системе ценностей российского избирательного права	53
Залюбовская В.В.	Преимственность как культурно-исторический ориентир России	59
Ивашина Р.А.	Социально-политические взгляды Григория Богослова	64

Козлова А.А.	Защита духовно-нравственных ценностей: связь с охранительной и воспитательной функциями права	70
Комнатная Ю.А.	Условия формирования правовых ценностей у нового поколения	75
Костылева Е.Д.	Нелегальная миграция как угроза национальным ценностям России	83
Котарева О.В.	Семейные ценности в системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей	88
Кузнецов А.В., Римский А.В.	Основания идеологии и связь ее установок с духовно-нравственными ценностями	91
Липич Т.И., Липич Д.В.	Право как фундаментальная ценность человеческой культуры	96
Лысенко В.А.	Почему традиционные ценности актуальны для современного российского общества	103
Малахов А.Г.	Экстремизм как реальная угроза национальной безопасности в современной России	106
Мельникова С.В.	Этические аспекты права: взаимосвязь юридических и моральных стандартов в механизме предупреждения преступлений	110
Набиев Р.Ф., Набиева З.Р.	Нравственные ценности и территориальная община	116
Олещенко Е.О.	Культурно-цивилизационная теморальность БРИКС+	121
Омелина О.С.	Ценности в административном праве на современном этапе развития общества и государства	125
Полозова И.В.	Правовые ценности с позиции традиции и модернизма	127
Правкина И.Н.	Основополагающие правовые ценности современного общества	134

Ракша Н.С.	Общественный порядок и общественная безопасность в современных правовых реалиях	138
Редкоус В.М.	Вопросы развития национальных инновационных систем в документах стратегического планирования (опыт государств – участников СНГ)	144
Синютин А.А.	Специфика развития патриотического мировоззрения в России и СССР: культурфилософский ракурс	149
Скандаков И.П., Киданова Н.Л.	Цифровая экономика и ее влияние на современное общество	154
Соболева М.М., Трифонов В.А.	Реализация прав и свобод человека в рамках взаимодействия гражданского общества и органов полиции	157
Сорокопуд М.С.	Соотношение власти и гражданских свобод в эпоху цифровизации	161
Таранова А.Е., Агарков А.Ф.	Конструктивистская парадигма философии права	168
Тишкова Д.С.	Международно-правовые основы регионального миротворчества в рамках организации договоров о коллективной безопасности	173
Трошкина Д.Э.	Роль духовно-нравственных ценностей в формировании личности	177
Тумин А.Ю.	Кант и Гегель – основные различия в понимании идеи служения отечеству	181
Усова Г.М.	Правовые проблемы цифровизации образовательной деятельности	185
Хубаева А.А.	Сотрудничество как конституционный принцип и правовая ценность России	193
Цуканов Е.А.	Ценностный экстремизм в философской оптике учения Анаксимандра Милетского об апейроне	198

Черных С.С.	Традиционные ценности в структуре социокультурной регуляции российского общества: проблема идентификации и перспективы трансформации	206
Чистюхина М.В.	Защита конституционных и традиционных ценностей как средство обеспечения целостности государства	212
Шаповал Н.А.	Правомерность, законность и справедливость в деятельности сотрудников органов внутренних дел: аксиологический аспект	215
Щербакова Н.В.	Основные инструменты в реализации проекта «Умный город»	220
Яловенко Т.В.	Проблема формирования культуры прав человека в современной России	225

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

**Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
31 октября 2024 г.**

Редактор
Комп. верстка

*М.К. Козырева
И.Ю. Чернышева*

Подписано в печать 2025. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 15. Тираж 27 экз. Заказ 13

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-603-4

